

СЕРИЯ «ПИСАТЕЛИ НА ВОЙНЕ, ПИСАТЕЛИ О ВОЙНЕ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Борис Подопригора

ЗАПОМНИТЕ НАС ЖИВЫМИ

«С этого, этого света...»

Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68
П44

**Издание выпущено при поддержке Комитета по печати
и взаимодействию со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга**

Подопригора Б.

П44 Запомните нас живыми. — СПб.: «Информационно-издательский центр ОАО «Петроцентр», 2015. — 232 с. (Серия книг «Писатели на войне, писатели о войне», посвященная 70-летию Победы)
ISBN 978-5-91498-062-4

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)633-68

*На обложке использованы фотографии
из архива Б. Подопригоры*

ISBN 978-5-91498-062-4

© Подопригора Б., 2015
© ОАО «Петроцентр», 2015

ПЛАНШЕТ ПОЛКОВНИКА

Перед нами — публицистические и поэтические откровения — оперативная аналитика и зарисовки с «натуры»... Они нам нужны, чтобы с сегодняшним опытом осмыслить наше прошлое. Чтобы вспомнить себя молодыми. И еще. Они интересны судьбой автора — военного интеллигента, участника событий в семи горячих точках — Африке и Афганистане, Таджикистане и на Балканах, Чечне и Абхазии...

В 2004 году Борис Подопригора стал одним из авторов телесериала «Честь имею!..», удостоенного высших телевизионной и кинематографической премий страны — «ТЭФИ» и «Золотой орел». Написанный им в соавторстве с Андреем Константиновым роман «Если кто меня слышит. Легенда крепости Бадабер» критика назвала литературным памятником воинам-афганцам. Диапазон служения ныне советника главы Республики Карелия Бориса Александровича Подопригоры охватывает экспертное сообщество Госдумы, университетскую кафедру и журналистику.

В его офицерском планшете вместе с тремя вузовскими дипломами и тремя орденскими книжками, шестью книгами и киносценариями, многими сертификатами научных и общественных отличий особое место занимают творческие блокноты. Они испещрены торопливыми, мало разборчивыми пометками, узнаваемыми по прямым включениям с мест драматических событий последних 30 лет.

Летом 2002-го в чеченской Ханкале я застал замкомандующего 100-тысячной воюющей группировкой полковника Подопригору, разговаривавшего по правительственной связи. Рядом с рабочим журналом был раскрыт его седьмой — чеченский блокнот. В таких истершихся блокнотах закладывалась документальная основа военного романа или лирической, почти гламурной зарисовки — на контрасте с только что пережитым эпизодом войны.

Наши с ним знакомые считают, что творческая биография автора началась в Афганистане, с публикации в газете 5-й гвардейской мотострелковой

дивизии стихов только что вернувшегося с «боевой реализации» «джаграны (майора) Бориса». А еще — с его встреч с известными среди шурави (так нас называли в Афганистане) бардами Виктором Верстаковым и Михаилом Михайловым. Афганский блокнот — первый в смысле самопостановки автором задачи на Судьбу, уточнения замысла боевого применения Слова. Емкого, как текст военной присяги. Искреннего слова русского офицера и поэта.

*Андрей Эдоков,
редактор-составитель*

ТОЧКА ОТСЧЕТА. Вместо предисловия

15 февраля 1989 года мне, в то время офицеру взаимодействия с военными наблюдателями ООН в Афганистане, довелось участвовать в эвакуации их наблюдательного поста из примыкающего к советской Кушке афганского местечка Турагунди: пост размещался в первой со стороны границы бывшей экспортно-импортной конторе. В обязанности ооновцев входило официально удостоверить «прекращение статуса пребывания иностранных войск» по западному маршруту их вывода. Основные силы 40-й армии во главе с командармом Борисом Громовым выходили в узбекский Термез, поэтому туркменская Кушка символом завершения афганской кампании не стала. Утру 15 февраля предшествовала нервная бессонная ночь. Накануне вечером ооновцы попросили главного по западному маршруту — замкомандарма-40 генерала Николая Пищева — усилить охрану наблюдательного поста: по своей линии они получили предупреждение, что напоследок могут быть неприятности. На что генерал, меньше всего озабоченный дипломатией, насупленно бросил: «Трусите, что ли? Вон, смотрите, ближайшая колонна — метров в пятистах» (на самом деле — в километре с гаком). Потом, слегка подобрев, кивнул в мою сторону: «С вами целый боевой майор. Чем не охрана? Давайте...»

Стрельба действительно не смолкала до утра. Скорее всего, так шурави прощались с Афганом, а не моджахеды — с шурави. Вообще говоря, кто из афганцев — за кого, в то время определить было уже трудно. Слава Аллаху, фактический контроль над Турагунди уже некоторое время осуществляли местные «договорные» туркмены, относившиеся к шурави лучше, чем к пришлому правительственному воинству.

Правительственные охранники поста думали в основном о себе: могли и уйти туда, где теплее. Так, надо сказать, и произошло в последнюю ночь. Все, что мы могли предпринять, — это запереть двери-окна и спуститься в полуподвальный туалет: решили, что стенки от кабинок сыграют — в случае чего — роль пулеулавливателей. Чушь, конечно, но как себя успокоить? Там, за принесенными партами и на топчанах, коротали время кто как. Ооновцы в десятый раз перепакывали свои пожитки, отделяли собственные от двух

разновидностей казенных: сдаваемых афганцам и берущихся с собой — так, чтобы радиоточку демонтировать перед самым отъездом. Я с неистовостью ограниченного во времени фаталиста писал стихи. Попутно прикончил пару пачек сигарет: сначала каких-то «фирменных», потом НЗ, то есть выдаваемых вместе с пайками — «Охотничьих»... За 6 копеек.

...Где-то в 9.20 — 9.30 мимо последнего на маршруте ооновского поста прогромыхал тягач технического замыкания нашей последней колонны. В отличие от головных машин с транспарантами типа: «Встречай, Отчизна, сыновей!» или «Я вернулся, мама!», последнюю украшала самодеятельная надпись: «Ленинград — Всеволожск»: наверное, оттуда призывался последний рядовой шурави, покинувший Афган через речку Кушку. Афганские охранники — человек семь — лениво подтянулись к посту часам к девяти. Причем почти сразу после выхода нашей последней машины стали весьма настойчиво добиваться от меня «прощального бакшиша» — в виде автомата АКСУ. Настроения это также не поднимало, хотя до самой «ленточки» было всего метров четыреста. Правда, потом их внимание переключилось на подлежащую сдаче ооновскую утварь: калориферы, посуду, постельные принадлежности. Так на афганском берегу 50-метровой речки Кушки за непроглядной снежной пеленой остались, помимо самих афганцев, трое лишних: двое ооновцев и я. Охранники спустились осваивать «наш» подвал. Возникла тишина, надо сказать, жутковатая. Неужели в круговерти последних забот о нас просто забыли?

Ан нет: где-то в 9.50 со стороны границы из-за снежного занавеса вынырнули две машины — уазик и за ним полупустой «Урал». Затормозили у ооновского поста, задним ходом придвинулись к крыльцу, и выскочивший из уазика невысокий плотный майор оголтело налетел на меня с просьбой найти простыню. Тут же с подножки «Урала» соскочил классический отечественный прапорщик. По-видимому, получив взбучку за то, что своевременно не забрал ооновский скарб, он отнюдь не с благим матом приступил вместе с водителями к погрузке, и этим наблюдателей скорее воодушевил, чем смутил. На крыльце поста уже часа три стояли три-четыре объемные коробки и сколько же чемоданов, которые мы по очереди охраняли. Ооновцы — ими были подполковник фиджийской армии Альфред Туатоко и канадский майор Дуглас Майр — под предводительством решительного прапорщика помогли «такелажникам» без зримо подтверждаемого осознания своей причастности к факту истории.

Кому и для чего понадобилась простыня, я не понимал и скорее автоматически вступил в переговоры с афганскими охранниками. Они тем временем

вытаскивали из полуподвала коробку с утварью, оклеенную фирменной лентой с эмблемами UNGOMAP — United Nations Good Office Mission in Afghanistan and Pakistan — Миссии содействия ООН в Афганистане и Пакистане. Сошлись, помнится, на пачке «Уинстона», принадлежавшей канадцу, к слову сказать, весьма экономному. «Урал» столь же стремительно растворился в снежном тумане. В мозгу зафиксировалось что-то вроде: «Найдете нас на вертолетной площадке».

Приблизительно в 10.00 двинулись впятером: на переднем сиденьи водитель и майор с простыней и в огромных рукавицах, кажется, предназначенных для аэродромного состава; на заднем — оба ооновца и я. Последнее тогдашнее впечатление об Афгане: сухой пожилой пограничник, закутавшийся в старорежимную английскую шинель. Не поднимая глаз, он что-то невозмутимо ел из алюминиевой кастрюли, сидя у черно-красно-зеленого шлагбаума, не опускавшего за последние две недели. На мое «Худо хафез! — Прощай, Афганистан!» он нехотя взглянул из-под фуражки с широким зеленым околышем. Метров через двадцать, уже на нейтральной полосе, то есть на самой «ленточке», машину лихо остановил советский полковник со среднеазиатской внешностью, как выяснилось, великий режиссер от природы. Он-то и вытаскил майора вместе с простыней на заснеженную дорогу. Поодаль от полковника стоял его, возможно, водитель — с фотоаппаратом. Следом за майором вышли остальные. Поприветствовав ооновцев, кстати, по-французски, полковник с достоинством, я бы сказал, со вкусом, расстелил — благо не было метели — простынку за нашим уазиком. Мы, русские-советские, безо всякой команды почти одновременно вытерли о нее ноги. Полковник сказал что-то матерно-хлесткое, типа: «Ну, что, ребята, кажется, войне КОНЕЦ!» Это слово у нас обогащает многие эмоции. Простыня так и осталась лежать на снегу...

Полковник с майором, своим фотографом и нашим водителем, куда-то торопясь, поехали к советскому берегу. Метров пятьдесят до пограничного оцепления мы с ооновцами шли пешком. Впереди, за снежной пеленой, проступили контуры волнующейся толпы — человек полтора. Наши пограничники, взявшись за руки, пытались ее сдерживать. Куда там! Когда до них оставалось уже метров пятнадцать, группа мужиков в камуфлированной форме прорвалась нам навстречу, размашисто повалив на снег нескольких пограничников из разорванной цепи. Оттеснив меня от ооновцев, они наперебой спрашивали: «Ты что — последний?» Пожал плечами: «Наверное». Оказалось, это ребята из днепропетровского клуба воинов-интернационалистов. Кто-то из них в декабре 1979-го первым входил в Афганистан. Им

очень хотелось за час до завершения вывода еще раз зайти за «ленточку», хотя бы на метр, чтобы потом вместе с последним афганцем вернуться в Кушку. Не разрешили... Объятия, камеры, диктофоны, какая-то неуместно бравурная музыка...

Диссонансом на фоне этой нервной, спонтанной и искренней церемонии прозвучали настойчивые расспросы траурного вида женщин: «А что, обзавод не будет?» Кем-то был пущен слух, что здоровых выведут через Термез, а раненых и больных повезут через «незаметную» Кушку. Около сорока женщин приехали из разных мест Союза: а вдруг врет похоронка, и живы сын, муж или брат? И сегодня стоит перед взором очаровательная молодая женщина в дорогой шубе и с шизофреническим блеском в глазах: «Вы из Красного Креста? (по-видимому, аналогия с ооновцами) Мне-то вы скажите правду, когда повезут уродов?» На ее ресницах вместе со снежинками таяла последняя Надежда Человеческая.

А дальше — самая ответственная, самая памятная фраза, которую довелось переводить за свою переводческую судьбу. На обращенный ооновцам вопрос о завершении вывода войск канадский наблюдатель ответил сухо: *The best of my knowledge, on the Western axis of Afghanistan no Soviet troops remained* — «Насколько мне известно, по западной оси вывода войск из Афганистана советских войск не осталось». Раньше и потом мне доводилось переводить многих известных лиц, в том числе Клинтона, принцессу Диану, Наджибуллу, Цзян Цзэминя, Менгисту... Но эту фразу я осилил, кажется, на третьем выдохе. Ком встал в горле... На часах, на календаре было 10.20 15 февраля 1989 года.

Почти одновременно другой мост — в Термезе — пересечет бронетранспортер командарма Бориса Громова. А здесь, в Кушке, первый из встретившихся на советском берегу журналистов (с Центрального телевидения) получил на память копию самого документального из моих стихотворений. В нем такие строки:

Нотный скомканный лист:
Позабыть обо всем —
Просто время пришло возвращаться.
Снег наивен и чист.
Неслепящ, невесом.
А глаза почему-то слезятся...

Борис Подопривога

I. ПРЯМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ

АФГАН

Афганское десятилетие: пока живы эмоции...

Не скажешь, что ввод наших войск в Афганистан стал неожиданностью для всех. Мысли на этот счет наводил нескрываемый холод газетных строк сначала про неожиданную болезнь (читай: арест), затем про внезапную смерть (значит, убийство) «основателя и бывшего Генерального секретаря ЦК Народно-Демократической партии Афганистана, вождя саурской революции, большого друга советского народа Нур Мухамеда Тараки». Многие, привыкшие читать между строк, поняли — будут последствия...

Невостребованные журналы для политзанятий

20 декабря 1979 года в воинскую часть недалеко от Ферганы соседи-десантники привезли несколько ящиков. На временное хранение сдавали не берущееся в поход политико-воспитательное имущество: грамоты-вымпелы, журналы для политзанятий и — самое ценное — бобины с кинофильмами. Сопровождавший груз старлей Жора Татур встретил среди «приемщиков» своих однокашников по Военному институту иностранных языков. Поэтому, делясь привезенным скарбом («Один ящик — вам. Остальные заберу, когда вернусь»), намекнул: «Мы — на месяц за речку». Ему даже завидовали: повезло мужику — настоящим делом займется и за границей побывает. В единственно доступной тогда за границей — в ГДР, Чехословакии и Венгрии — могли служить, как нам говорили, особо достойные и многократно проверенные. Тем временем выражение «за речку» стало главным эвфемизмом последующего десятилетия. Тогда же всем объяснили про «американского шпиона и предателя Амина», что «второе Чили не пройдет». Вспоминали Испанию 1936-го как «правое дело», которое на

сей раз «мы доведем до победы». Но вскоре «за речку» стали направлять уже не только романтиков.

Вы запомните нас...

Афганское десятилетие у связавших с ним свою судьбу разделило мир на два «полушария» — рассудочное и чувственное, позднее примиренные поэтической строкой: «Вы запомните нас живыми. Ну а внуки рассудят потом».

Рассудок подсказывал рациональную причину ввода войск: отдалить от советских рубежей угрозу исламизма. Парадокс состоял в том, что он стал реальностью после «антиимпериалистической революции» в Иране — у наших тогда общих с Афганистаном соседей. Именно в Афганистане, чему мы находили подтверждение, исламизм и «американский империализм» обещали сдвоить ряды. На этом зиждилась логика глобальной конфронтации — в конечном счете так и вышло. Но тогда что-то значили и «интернациональная солидарность с братским народом», и — главное — уверенность в непобедимости своей армии. Возможность подзаработать связывали с Афганом немногие счастливые, оказавшиеся здесь советниками: два-три дополнительных оклада в чеках-сертификатах для отоваривания в «Березках». «Мы пришли вам помочь» — почти заглавная фраза двуязычного разговорника воина-интернационалиста. Необходимость в нашей помощи подтверждалась воочию. Надо было видеть изумление друг другом при разговоре двух таджиков — советского и афганского. Такой могла быть встреча с предком из эпохи Ивана Грозного. «За сколько сатлов (деревянные полуведра-полукорыта) маша (дешевая бобовая культура) можно в Москве купить ишака?» — «В Москве нет ишаков». — «Неужели такой маленький город, что не нужны даже ишаки?» Это различие и стало фатальным. Большинство афганцев оставались в убеждении, что «эслахатэ мотаракки» — «прогрессивные преобразования» — это имя божества, которого им навязывают неверные шурави.

Сегодня лишь специалисты помнят о планах возвращения советских войск в 1980-м, потом в 1981 году. Помешала сиюминутная логика: уйдем сразу, как обезопасим Кабул. Тем более что для этого достаточно вспугнуть какого-то там Ахмад Шаха по прозвищу «счастливый» — «масуд». Шли годы, а военное счастье так и оставалось на стороне множившихся в каждой афганской провинции «ахмадов» и «шахов». Год 1984-й — пик наших по-

терь: более 2300 из 14 тысяч. Неизвестное доселе название ташкентского похоронного бюро стало нарицательным — «Черный тюльпан». Но и тогда логика искала подтверждения в эмоциях, и наоборот: ведь готовятся в Союзе «новые афганцы», говорящие с нами на одном во всех значениях языке. Как в родной Средней Азии. Местные уже не просят советских таджиков клясться на Коране, что, мол, в Союзе у каждого есть холодильник и телевизор. Мы уйдем — продолжат те, кто хочет того же. Нужно только освободить от непримиримого Ахмад Шаха ущелье Пяти Львов — Панджшер (40 процентов мировых запасов полудрагоценного лазурита — главного достояния афганского народа). А то, что дома мало кто знает, что здесь идет война, на то и военная тайна. Да и домашним спокойнее.

Проблем, конечно, много. Но все решаемо. Вот и афганский летчик, сын неграмотного пуштуна-кочевника, первый азиат, поднялся в космос: кто был никем, тот станет всем. Хотя никто из афганцев не может взять в толк, что значит начертанное на каждом кабульском заборе: «Хальк ва хэзб — як шавед» — «Народ и партия — едины». Поднаторевшие в исламе шурави популярно разъясняли: «Это такой священный аят. Купленные баями муллы его от вас скрывали». Как и то, что «национальное примирение — это воля Аллаха». Кстати, «СССР — и есть страна победившего Аллаха».

Бери шинель, пошли... Куда?

Перестройку встретили как долгожданный час истины: теперь все изменится к лучшему. Пришедший к власти интеллигентный врач Наджибулла по-восточному амбициозен. Но ведь влиятелен и деятелен. Ему можно оставить Афганистан, а самим с гордостью вернуться домой: мы свое дело сделали, враг не прошел. Вот и о войне стали писать без дурацких эвфемизмов: «Организация учебного боя в условиях, приближенных к реальным». Едва ли не с посмертным вручением орденов «передовикам соцсоревнования». Но что это? Неужели там, в Москве, все посходили с ума? Перед выходом «на караван» солдат находит листовку, подписанную теми же «прорабами перестройки»: «Бери шинель, пошли домой». Понятно, куда девать цэрэушно-моджахедскую версию «Красной звезды». Но вот московскую листовку? Куда теперь идти солдату, если завтра и так все выйдем?

А вышли все-таки с достоинством. Совсем не так, как через пять лет входили в Грозный. Чего это стоило, знают немногие. Если бы только галоши, солярку да дрова жертвовали хозяевам дорог и перевалов! Уже

в 1988-м у бандглаварей стали появляться, как мы их называли, исламские замполиты — талибы. Они отличались тем, что с советскими, как правило, не общались и любого парламентаря встречали «приветливым взглядом исподлобья»: с вами, шурави, мы после поговорим... Логика времени в экспрессии лозунга: «Не допустить второго Мейванда!» Это название из истории другой войны — англо-афганской. Тогда, в XIX веке, из 17-тысячного английского корпуса в живых остались 46 человек, среди которых — прототип доктора Ватсона. «Мейванда» не было. Девятимесячный вывод войск, конечно, не всегда сопровождала медь оркестров. Да и за десять лет наш контингент обновился, в том числе в моральном смысле: были и такие, кто домой вез не только купленный в духане мельхиоровый перстень. Но вслед за привычным: «Я вас туда не посылал!» все с большей дерзостью Родина всем возвращающимся адресовала вопрос: «Вы понимаете, что вы — агрессоры, убийцы, к тому же позорно проигравшие войну?» Вместо задержавшегося ответа — слова из песни, которые уже никто не перепишет: «И отплясывают рьяно два безусых капитана, два танкиста из Баглана на заплатанной броне». Проигравшие ведут себя, пожалуй, иначе.

Памяти Жоры и Андрея

В полночь 27 декабря 1979 года первой по сухопутному маршруту на термезский мост через Аму-Дарью вышла боевая разведывательно-дозорная машина дислоцирующейся в Душанбе 201-й Ленинградско-Гатчинской мотострелковой дивизии. В 9.35 15 февраля 1989 года уже в обратном направлении речку Кушку пересек замыкающий последнюю колонну грязный танковый тягач. На его кузове сквозь снежную пелену читалось: «Ленинград — Всеволожск». Наверное, отсюда призывался один из последних солдат десятилетней афганской войны.

Она оказалась для каждого своей, в том числе в ее личном и узкопрофессиональном измерении. Офицер разведотделения Ферганской воздушно-десантной дивизии старший лейтенант Георгий Татур погиб недалеко от Кандагара в 1980 году — одна из первых афганских потерь среди моих коллег-переводчиков. В числе последних — капитан Андрей Шишкин, подорвавшийся 29 января 1989 года под Шиндандом по дороге к своим из расположения только что наконец «договорившегося» с шурави об их (нашем) свободном проходе домой отряда моджахедов...

Горячие краски Афганистана

Недоеденный арбуз ташкентской пересылки.
 Маленький образ. Потерянный? Брошенный?
 На полу таможенного зала.
 С Богом!
 Бесцветное марево Кабула.
 Краски, непривычные для европейского прищуря.
 Ультрафиолетовые силуэты над палящим асфальтом.
 Развевающиеся одежды дерзко красивых героинь Шахерезады.
 Лицей.
 Орлиный профиль. Зеленая чалма.
 Семящие фигуры в черном.
 Нейлоновые сетки паранджей.
 Шариат.
 Синий искореженный троллейбус.
 С персидской вязью маршрутной таблички.
 «...конечно же, нелепо
 кричать тебе на весь троллейбус:
 “Привет!”»
 Разноцветные пунктиры вагончиков — дуканов.
 Изящные блюдца японских динамиков.
 Сытные туши аполитичных дынь.
 Дуканщик деловито перекрашивает
 красный прилавок в зеленый.
 Конформист?
 Восток — дело тонкое.
 ...не тоньше купюры.
 Настырно гудящие «тойоты».
 Величаво жующие горбатые коровы.
 Жонглер — регулировщик в черном галстуке.
 Хозяин пяти углов.
 Дворец Амина на торжественном возвышении.
 Если пристроить к нему одиннадцать таких же,
 получится здание Двенадцати коллегий.
 Зачем? Диктаторы управлялись сами.
 Пристегните ремни.
 Вы умеете пользоваться парашютом?

Спирали черного гула.
 Янтарные огни удаляющегося пригорода.
 «Меняю Купчино на Юго-Запад».
 Дрожащий тюльпанчик пилотского ночника.
 Ослепительные ромашки полуночных перестрелок.
 ...к сердцу прижмет, к черту пошлет...
 Какая из них Венера?
 Соблазнит одним взглядом.
 Чтобы не думал о «стингерах».
 Буру бэхайр. Счастливого пути!
 Барбухайка. Мерседесовский кузов на зиловском шасси.
 Интеграция в действии.
 Аллах. Аляповатая автомобильная наклейка.
 Генералиссимус ветрового стекла.
 Унылая пятитонка глиняных куполов.
 Бирюзовые фонтаны минаретов.
 Какого цвета Герат?
 Наверное, старой Бухары.
 Могила Алишера Навои.
 Бесмелля-оль-рахман-оль-рахим. Вечность.
 Четки, барельеф Ленина, пистолет.
 Стол секретаря горкома.
 Кто кого?
 Цок, цок, цок,
 грузовое такси иранского квартала.
 Рубиновые гранаты по курсу за рубль — чек — 5 кг.
 5,45 x 30 в двух рожках, стянутых синей изолентой.
 Раскаленная броня. Возьми подушку. Вперед!
 Здесь не получают отделы,
 здесь берут караваны
 мужчины — не по стечению хромосомных обстоятельств.
 На пыльном персидском ковре — спелый
 холодный арбуз, красный.
КРАСНЫЙ!
 За сожженным КамАЗом
 бетонка свернет на Среднеохтинский...

*Кабул-Герат,
 сентябрь 1988 г.*

Письмо из Афганистана

Сегодня я был почти дома.
 Впереди, в трех километрах,
 переливались разноцветные огни мирных перекрестков
 засыпающей Кушки. Советский Союз.
 Не верится!

За спиной трассирующими очередями
 возвращал к реальности всегда бодрствующий Афганистан.

Одни и те же купола сопок.
 Безразличная к пограничным знакам гипотенуза кривого шоссе.
 Одинаковые огни.
 Тут и там.

Только изо всех вечерних цветов
 зеленый здесь — самый редкий,
 видимо, слишком мирный...

А там — пять зеленых точек.
 Может, П-О-Ч-Т-А.

Ты меня слышишь?
 Ведь всего три километра...

...заполняя таможенный листок,
 опять придется отвечать на дурацкий вопрос:
 «Цель въезда в СССР?»

Я тебе доверяю
 сердцевидный клубок своей судьбы,
 который так трудно распутывается.

Может, тут ничего?
 «Барханы, барханы, барханы, барханы, как вдаль уходящий верблюд...»

О чем пронзительно кричит муэдзин?
Пространство, заполненное чужой жизнью?

Нужно ли доказывать, что Аллах не акбар?
Или будем смотреть, как по «Клубу кинопутешественников»?
Объяснять мир или изменять его?

Как быть с монастырем и уставом?
В каком уставе записано, что учиться стрелять следует раньше,
чем читать?

Не судите о... Побывайте в...
— Вы кто? — Лещинский, телевидение.
— Сейчас. Ага. Вот. Не пускать. Оперативный сказал.

Пустой ящик. Надпись: ОК СНАР.
Окончательно снаряженный.
О'кей, чап. Давай, парень!

А может, здесь вообще лучше?
Или они там, на мальцевском рынке?

Вдовы Афганистана!
Верните кольца
на правый безымянный.
Ваши, ставшие ничьими,
сторевшие лейтенанты
все равно живее
румяных кооператоров.

Что вспомнится в ненастную погоду?
Быть может, макраме из парашютных строп...
Нет, не меняйте вы дверного кода,
Он все равно когда-нибудь войдет...

И разлетятся испуганной стайкой...
Гомон, бедлам.
И опять все сначала...

Что это? Смех? Или все же отчаяние?
Вертится, вертится тумбалалайка...

Какая музыка была,
Какая музыка звучала!

*Турагунди,
октябрь 1988 г.*

Ощущение — Афганистан

На ладони — четыре камешка:
табачно-желтый,
медсанбатовски-белый,
прозрачный, как триплекс,
черный, как гарь.

Афганистан-88.
Зажму их в кулак. Вспомню.
Желтоватая вязь верблюжьей колючки
впережку с округлой кириллицей
наскоро разорванных писем. Успели.

Матерный лязг расхристанных БМП.
Боже, даждь нам и днесь...
Трогай!

Впереди и сзади за оранжевыми кабинами —
мешки с мукой, синие МАЗы — еще с чем-то.
И только? — Нет, конечно. Война.
PQ. Какой только?

Утренние краски, которые Аллах скопировал с картин Рериха.
Облака цвета гор — будто кто-то торопливый,
закрашивая контуры, не особенно беспокоился
о соответствии красок земле и небу.

Солнце еще только целится из-за гор.
Напряженный, как натянутая нитка, горизонт.

Лысые черепа глиняных куполов. Горшочек мечети
между двумя стручками одиноких кипарисов.

Бородатые путники на обочине.
Мутно-голубые глаза цвета посудного фаянса.
Безразличие? Гашиш? Усталость?

— Я — Заря-22. Внимание. Справа караван.
Нет, это — деревья. Передай зеленым (афганцам), чтобы сменили частоту.
— Фриконт табдиль кони.

Сбитая бетонная панель с фамилиями на -ов и -юк.
Остальное выщерблено автоматной очередью.

Фургоны, тенты, платформы.
Кто-то их поставил на гусеницы и колеса,
а потом включил серый конвейер дороги.
Чья-то рука вывела: «Днепр — чемпион».
На цистерне с водой.
Что там впереди?

От бетонной пластины дорожного указателя —
только арматурный скелет.
Пройти бы 33-й километр.

— Почему встали?
— Впереди обстрел.

Поперек — прерывистая ленточка «зеленки».
Бьют оттуда.
Ответные залпы. Тишина.
Мерный гул двигателя БТР.

Внимательнее, внимательнее...

Закрась сверху голубым, снизу — желтым.
Это и будет Афганистан. Самостийный Восток.

Свеженасыпанная горсть буровских патронов.*
Минное поле для колес. Так и есть. Спускает...

От следующего указателя — три костлявых прута.
Сосредоточенные надгробия сожженных БТРов.
Садистски выкрученные мосты КамАЗов.
Разорванные туловища цистерн,
похожие на ленты, упавшие с распущенных кос.

Извилистая муравьиная дорожка.
Колонна продолжает путь.

Сгоревшие машины не сброшены в кювет.
Дорога разбита так, что каждую строчку приходится выводить трижды.

Дорожный знак срезан под корень. Все. Базовый. Точка.

Заправились, перекурили, назначили замполита.
Где этот старший лейтенант?
Как не прибыл?
У него ведь подозрение на тиф. Это не геройство, а дурость.
Передай, я его к партийной ответственности...

Бетонка кончилась. Дальше — пыль.
— Доложите минную обстановку.
— Первые десять километров — удовлетворительная,
затем — тяжелая, местами — очень...

...В Ленинграде и области утром пасмурно,
днем и вечером — дождь, местами — с градом.

Все — на броню!
Антенный прут стучит о каску.

---

* Россыпь остроконечных буровских патронов, часто принимающих вертикальное положение при наезде на них, — главная опасность для колесных машин.

— Я — Сошка, я — Сошка. Справа — пуски
...квадрат 2170, расход — 10. Засеки, откуда идут?
— Квадрат 2170, понял. Сейчас обрабатываю.

На фоне разрыва — какая-то ширококрылая птица.

— Связист, где станция?..
У них дома дети, а они с собой только хрен берут.
— ...и три рубля на всякий случай.

Солнцезащитные очки голого по пояс водителя танка.
На башне: «Имени Сергея Лахно».
Колонна продолжает движение.

— Кажется, все. Больше не пускают.
— Постучи связиста по голове...
— Товарищ полковник! Я взял для связи...
— Для половой связи ты взял...

Стой! Мина. Рассредоточиться.
В пятнашки — осколками?

Юркие ящерицы похожи на прыгающих воробьев.
Щуплый тонкий колосок. Вырос из серого камня
с геометрически правильными морщинками.
Наивное, наивное небо.

Нервы напряженнее, чем когда раздается звонок в дверь,
а ты ... с неявляющейся членом твоей семьи...

— Повторяю, квадрат 2169, по улитке — 9.
— 318-й! У меня один — все, один — ранен. Осколочный в голову.
200 метров сзади —
серо-сизая арабеска на небесном фоне.

— По местам. Ускорить движение.

Смотришь на дорогу так,
как будто под формованными кубиками вращающихся впереди протекторов
хочешь увидеть самое-самое.

Мины. Только в этой жирной пыли
может завестись такая гадость.
Цвет и вкус горчицы.

Идем вдоль «зеленки».

Вспомнилось: госпиталь.
Накрашенная докторша в синей варенке.
— Откуда? — Ленинград, поликлиника на Гражданке.
— Зачем вы здесь? — Чтоб развестись.

— Ты кто? Сапер?
Как же ты ее?..
— Да я ее только...
Крутит забинтованными культяшками.

Молчание такое, что слышен каждый такт работы двигателя.
В отдельности.

Бирюзовое небо.
Желтая степь с вкраплениями голубой гальки.
Изумрудная зелень.
Канареечные купола караван-сарая.
Бежевая двугорбая гора, напоминающая притомившегося верблюда.
Сарьяна бы!

Опять!
Разрывов еще не слышно,
но вдоль колонны серебристо-белые кулечки взрывов.
Как будто кто-то пробует электрическую пишущую машинку:
Ф-Ы-В-А — О-Л-Д-Ж, Ф-Ы-В-А — О-Л-Д-Ж.
По клавишам. В ритме диско.
ДШК. Кончился Сарьян!

Еще одна арабеска. Справа. Перелет.
Это — эрэс. Год — восемьдесят восьмой.
Эсеры остались в восемнадцатом.

Черно-сизая граненая масса дыма.
Попал.

Лучшие мгновения жизни нельзя повторить,
но можно вспомнить тех, благодаря которым они стали такими.
— Квадрат 2170. Держи под наблюдением квадрат 2170.

Ответная канонада. Рифленое железо под ветром.
— Таблетка подорвалась.
— Гушин! Твою мать, третий раз!
Какого хрена он вылез перед танком...

По стенам модулей, в кабинах —
разноцветная мозаика фотокарточек.
Их больше, чем нас.

Недолет. Черный экслибрис долго стоит в пыльной взвеси.
Еще взрыв — в форме ветвистого дерева
над кладбищем-кабрестаном,
своими одинаковыми белыми камешками
напоминающими засахаренный миндаль.

Я — здоровый, 33-летний, уса́тый.
Со мной ничего не случится!

Накрыло!
Петляющий в ужасе афганец-сорбоз.
Как он не упадет, ведь ладони прижаты к ушам.
Упал.

— Сошка, Сошка!
Из гранатомета подбит танк, который тащил разутого. Один — все.
Один — ранен. Тот, который все, — внутри. Не можем вытащить.
...работаем, работаем по «зеленке». Плотный огонь из гранатометов.

Встали.
Английская речь, как по «Голосу Америки». Корректировка огня.

— Товарищ полковник, советники...
Вот с кем мы воюем!

— Вызвать сюда советника афганцев.
— Двойка ближе к девятке — горит танк.
— Отошли. Все спокойно. Обстреливают только эрэсами.

Каждый остающийся сзади рубеж кажется безопаснее.
Почему-то захотелось спать.

— Сошка! Слева — от 10 до 12 караванов.
В каждом — по 10—15 верблюдов.
Отправляю разведгруппу... Помогите огнем.

Кто-то рассказывал: духи подъехали на автобусе
и пошли в атаку на минометную батарею...
Звук подходящего троллейбуса.
Мина. Перелет. Пахнуло гарью. Близко.

Игольчатые кусты, похожие на ежей.
А цветов нет.

На ходу срывая пыльную марлевую повязку,
с брони прыгивает чумазый подполковник:
— Солдат, принеси чего-нибудь...
— Товарищ подполковник, завтрак уже кончился,
а обед еще не приготовили.
— А лэнч?

Единственное лекарство от нервов — смех.
Нервный, матерный, но смех.

— Прямое попадание эрэсом в энпэ. Один — тяжело...

А ведь правда: в Афганистане совсем нет цветов!

— Я — Сошка. Достать тело. Кто пошел доставать тело?
Запиши: лейтенант Гончар, командир взвода,
санинструктор рядовой Абдурахманов,
рядовой Семашко.

Точно — в бензовоз!
Черный бархатный дым. Контур джина с кулаками.
В кабину бросается белобрысый младший сержант. Отвел.

Нет, не все еще стали наперсточниками.

— Сошка. Докладываю. Взорвалась боеукладка. Один обгоревший автомат.
Плащ-палатку оставили там. Не понадобилась.

На месте свернутой палатки с крестом — стоптанные ботинки. И все.
Спроси, тюльпан — в четверг?

Нас время возвратит в домашние заботы.
И лишь бессонница тупой, душевной болью
Измучает, напомнив перелеты, недолеты...
Тюльпаны, что тогда срывались с поля...

Долго шипит охотничья спичка, закури.
Под брезентом — из-под бинтов — вихрастый зуб. Тюльпан будет в четверг.
Какая разница для них, уснувших там?
Пусть даже и отыщутся ответы...
Все кончилось. Осталась пустота,
Как пепел догоревшей сигареты.

Окровавленная вата вечернего неба.
Белая, белая ночь.
Огромная луна с пятнами, напоминающими бегущего бизона.
Приснился угол Майорова и Исакиевской,
где учился кататься на велосипеде.

Утро. Пыль. Такая, что не видно колеи.
Вязкая, жирная, холодная, чужая.

Бетонка. За 9 лет будто бы сама война сделала ее удобной для мин:
через каждые 3 метра бетона — 50 сантиметров грунта.

Вижу только то, что позволяет триплекс перископа
Перелезть на броню? Лучше не стоит. Гранатовые места.

Вздыбленные над дорожным покрытием две бетонные секции,
похожие на разведенные от изумления руки
с растопыренными пальцами арматуры.
Фугас.

Одинокий афганец,
напоминающий русского крестьянина с плаката «Спасите от голода».

Барбухайка-грузовик. Везла знаменитые кандагарские гранаты.
Съехала на полметра с бетонки.
Под бывшим колесом — аккуратная полуметровая воронка.
Вокруг — раскатившиеся рубиновые гранаты и еще что-то,
бордовое, липкое...
Боже, ведь это человеческие внутренности.
Вдоль рваной колонны одуревшая лентопротяжка
отчаянно тянет Розенбаума и лысую Агузарову,
бардов-афганцев и Пугачеву:
«Глазам не верю, неужели в самом деле ты пришел?..»

Солнечный Афганистан.
Ласковый и нежный.
Зверь.
Что в памяти запечатлелось? —
Хрипение вальса Бостон
Под мат и под хохот — в них правда и ересь...
Да буровский медный патрон...

*Кандагар-Шинданд,
ноябрь 1988 г.*

Адидас

На столе два телефона. Оба заняты.

- Медленнее говори, медленнее.
 — Когда?
 — 12.30?
 — Где?
 — Фугас?.. КамАЗ?..
 — Имя? Кто подорвался?
 — Младший сержант? По буквам!
 — Гуськов? А старший?
 — Старший лейтенант Новиков?
 — По Гуськову данные есть?
 — Откуда призывался?
 — Родители?
 — Из детского дома?
 — Что-что замполит сказал?
 — ...нашли голову и плечи с рукой?
 — Давай по старшему.
 — Жить будет?
 — Понятно.
 — Семья? Женат?..
 — Сын с 88-го?..
 — Ладно, передай замполиту,
 пусть доложит подробно.
 До семнадцати.
- У-ав. Это я.
 — Вовчи, не груби. Обижусь.
 — Ну, что, взял?
 — Травка? Ее здесь море.
 — По 800?!
 — А какой у вас курс?
 — ...обалдел!
 — Ну, это кабул-подвал...
 — А что я просила, нашел?
 — Тянущиеся?
 — Ну, зачем мне тянущиеся?
 — А на щиколотке змейка?
 — Тогда ладно.
 — А что еще?
 — «Адидас»?
 — И, небось, верх не пристегивается.
 — Ну, на фига мне «Адидас»?
 — Можешь жене подарить.
 — А «седой граф» был?
 — Мне только музыкальный.
 — И проверь, чтоб разбитых не было.
 Посмотри каждую чашечку...
 Ну, ладушки. Я тебе еще
 в пять часов позвоню.

...и куда ни посмотришь —
 лакированные плечики с золотым трилистником «Адидас».
 На них солдатские гимнастерки. Старого покроя.
 Последний земной наряд.
 Иногда кладут прямо на мертвую грудь.
 Деревянные нары.
 На них — спящие, ботинки зашнурованы, в носках, босиком,
 спящие, спящие.

Цинком плачут паяльные лампы.
 Эх, Адидас, Адидас!

*Шиндандский госпиталь,
 ноябрь 1988 г.*

Афганский разговор

Распаленный после бани подполковник стряхивает крошки с разостланной газеты. И, как будто споря с кем-то, убежденно восклицает: «Нет, наш солдат — самый лучший...»

- Тебя как зовут?
 — Миша.
 — Миша, расскажи, как это было.
 — Ну, мы не знали, что это духи.
 — Как это?
 — Они баранов пасли. Часто проходили. Мы думали, что вернулись.
 — А когда вы поняли, что это духи?
 — Они стрелять начали. Из пулемета.
 — Так сразу?
 — Они сначала просто прошли. Потом вернулись.
 — А сколько их было?
 — Сначала четыре. Остальные потом начали.
 — Начальник заставы сразу погиб?
 — Да, он от сигналок шел.
 — А кто еще?
 — Алиев. Он из шестой роты. Прямо в рот попало. Он так и не закрылся.
 Зубы выбило и язык.
 — Ну, и что вы сделали?
 — Младший сержант Сигиздинов к радиации побежал.
 — Он кто?
 — Замкомвзвода.
 — Ну, и что было дальше?
 — Он сказал, что разбило. Ее вытащили, когда пол делали.
 — И что было потом?

— Он сказал, что духи и чтоб автоматы... А кто на постах стоял, сами начали. Потом все — за мешки. Младший сержант Сигиздинов сказал, чтобы цинки открывали...

— Ты где был в это время?

— Штангу делали. Потом автомат взял и в укрытие. Для БМП. Там... ну, как по боевому расчету. Там ниша и ящик.

— Ты первый раз стрелял по духам?

— Нет, первый раз, — когда выводили.

— Попадал?

— Сначала просто стрелял, потом целился.

— Ну и как?

— Не знаю, ведь из пулемета тоже...

— А по времени — когда это случилось?

— Днем. Должны были продукты привезти. В двенадцать часов.

— Так что, у вас ничего не оставалось?

— Нет, только мясо кончилось. Было еще, когда бараны на минах порвались, нам духи на бакшиш дали. Лейтенант Гусейнов его с Газеевым в полк отправили. У него четырнадцатого — день рождения. Был. Ну, был бы.

— А что оставалось?

— Крупа была. Рис. Галеты. Много еще было.

— А вода?

— Сначала была, камеру после... Ну, когда из гранатомета.

— Жарко было? Сколько градусов?

— Да. Градусов тридцать, может, сорок. Нет, тридцать.

— А патронов много было? Боеприпасов?

— Сначала много. А потом, уже вечером...

— Сколько вас было в начале?

— Четырнадцать.

— А ... когда бэтээры пришли?

— Девять с ранеными.

— Сколько было ранено?

— Четыре. Гена не ранен. Ему в глаз попало.

— Чем?

— Не знаю. Камнем, наверное.

— А сколько раз духи нападали? Вспомни, как было?

— Вначале часов до двух, я говорил. Ну, когда только из пулемета. Потом днем, часа в четыре. Когда бочку брали.

— А что за бочка?

— В нее воду привозили. Внизу стояла. Духи за ней гранатомет поставили. Потом... почти до конца. Бронетранспортеры вечером пришли.

— Когда больше всего духов было?

— Когда за бочку. И вечером.

— Сколько?

— Человек сорок.

— Это когда пулеметчика убило?

— Да.

— Как его звали?

— Ваня. Он якут.

— По национальности всех назвать можешь?

— Не знаю. Алиев — азербайджанец. Мухтар — узбек. Нет, таджик. Ну, он по-духовски говорит. Вилли — немец, кажется. Из Казахстана. Феликс ...не знаю.

— Хорошо, а кто русский?

— Ну, я, Сема и младший сержант Сигиздинов.

— А куда вы раненых девали?

— В баню. Это Мухтар. Он их в баню.

— А мертвых?

— Лейтенанта Гусейнова сначала в его комнату.

— А потом?

— Потом тоже в баню. В его комнате склад сделали. Энээ.

— Это когда гранатометом?..

— Да.

— Когда было тяжелее всего?

— Когда бочку отбивали. Ну, когда гранатомет поставили. Тогда Алика, Фарид и Пашу. Он потом умер. В бане. А Фарид живой.

— Что же вам никто не помог?

— Прилетал вертолет духовский. Ну, афганский. Потом бэтээры пришли.

— Почему так поздно?

— Капитан Смольников сказал, что они в засаду попали.

— Ладно, страшно было?

— Ну, мы же наверху. И заминировано. Но духи туда не пошли.

— Кто больше всех духов положил?

— Ваня, наверное. Его уже потом, когда он за Семой пошел. Его сначала ранило. Он тоже в бане умер.

— А Мухтар как-нибудь лечил?

— Да. Он поил. И лечил. И когда воду разлили, у него еще оставалось.

— Послушай, так вы что, на голодный желудок?
 — Ну, галеты-то были. И рис сухой. И еще. Не хотелось... Пить хотелось.
 — А консервы? Пайки?
 — Не знаю. Не было. Еще печенье было у лейтенанта Гусейнова в банке. Его Секинову давали. Но его вырвало.
 — А почему у вас брони не было?
 — Газеев в понедельник уехал. Лейтенант Гусейнов сказал. А БМП еще раньше на блок забрали.
 — Миша, тебя представили?
 — Нет, пока только младшего сержанта Сигиздинова. Его ранили. Уже вечером. Нет, когда за бочку. По руке и ухо. Он после Вани пулемет взял.
 — Миша, ты сам откуда?
 — Из пятой роты.
 — Нет, из Союза?
 — Из Коми. Из Череповца призывался.
 — Скажи, а дальше могли бы отбиваться?
 — Ну, патроны еще были. Мало, правда. Гранаты еще были.

Глаза? Нет, не глубокие, усталые: ну, все? Расспросили? И зачем мы вам, товарищ майор, нужны? С младшим сержантом Сигиздиновым...

*Кабульская пересылка,
август 1988 г.*

С самолета на бал? или Последний Новый год шурави

А потом... Стопки и кружки, крышки от фляжек и мерные медицинские стаканчики — сдвинули разом. Не предотвращенный никакими инструктажами фейерверк расцветил черное небо мириадами трассирующих конфетти. Одуревшая лентопротяжка в сотый раз затянула: «Мы уходим, уходим...» Да будет последним на чужбине этот восемьдесят девятый! С Новым годом! Прозит! Чизрс!

* * *

21 час с минутами. 31 декабря. Афганистан. Знакомый зигзаг бетонки. Аэродромной морзянкой мигает буква «Ш» — Шинданд. На каждом изгибе

дороги закутанный в одеяло сорбоз опасно вскидывает автомат. «Аз феркее шурави» — «Я из советской дивизии». Голубая ооновская наклейка на ветровом стекле уазика. Едем провожать последний борт — на Союз. Молчим: старший наблюдатель поста ООН — австрийский подполковник, его помощник — майор из Непала, водитель Степанов (Степа) и я — офицер по взаимодействию с военными наблюдателями ООН.

Задача ооновцев — с точностью до человека отслеживать вывод нашего ограничивающегося с каждым днем контингента. Сегодня уже дважды были на аэродроме, проводили два борта. Сколько их — интернационалистов — в предвкушении скорого дембеля готовятся «по-боевому» встретить Новый 1989-й? Уже дома, в Союзе, но под бдительным оком отцов-командиров — из числа не вызвавших в Ташкент своих жен.

Ах, как утром своих провожал автобат! Колонна КамАЗов-шаланд надрывала сирены, пока не слился с небом серебряный крестик Ан-«двенадцатого». Ооновцы — не то что хмуры, так уж получилось: завтрак был в ужин, сели обедать — звонок, вперед — считать. А от ужина отказались — хотели организовать свой. Вообще-то с этими делами у них строго: и со счетом, и с трехразовым питанием... Этот рейс — дополнительный. Выводится часть госпиталя, кажется, терапия. На поле много медиков, нервных гражданских летчиков в синей, совсем забытой здесь форме: «Кому там наверху понадобилось посылать самолет под Новый год?» Хорошо, еще нет журналистской братии, их перед посадкой собирают по всему полю, а аппаратуры столько, что, кажется, легче танк загрузить...

Впрочем, время еще есть. 21.40. До Нового года больше двух часов... Быстрее бы со списками... Главный воздушный эвакуатор из штаба 40-й армии подполковник Яковлев бойко направляется к ооновской машине: «Готово, всего — 85, из них офицеров... итого за сутки — 154... проверьте, подпишите...»

— Погодите, подполковник, — степенный австриец с блокнотом выбирается из уазика, — во-первых, не 154, а 145, во-вторых...

— Я и докладываю: 145 — рядового состава и 9 — врачей...

Местное время — 22 часа без минут...

— Позвольте, господин подполковник, с врачами — 145, а те 9 — корреспонденты, вне списка...

— Начнем сначала... утром: рядового состава — 67, офицеров... еще 17, которых мы провели как вчерашних...

Двадцать два часа двадцать минут. До Нового года...

— Майор, переведите господину Яковлеву... Я буду докладывать в Кабул... Женева...

— А у меня начальник — генерал Громов...

— ...а господин Шеварднадзе генеральному секретарю Пересу де Куэльяру...

Двадцать два тридцать пять...

— Это вы задерживаете вылет... я могу и без подписи... через 30 минут коридор закрывается... все равно ведь выходим... Все. 154. И с Новым годом...

Самолетный прожектор уныло освещает нестрогий строй. Кто-то долго надевает бушлат. Кто-то перебирает свой фирменный чешский дипломат: парфюмерный набор, мельхиоровый перстень, дембельский альбом с наклеенным на обложку благодарственным напутствием Наджибуллы... Ну, сколько еще ждать? Двадцать три часа ноль пять минут... Военно-политический кризис местного значения вступает в стадию развязки: «Боря, спроси у ооновцев, как они насчет жареной картошки? У меня в батальоне еще и соленькие лисички, знаешь, как по-английски “лисички”»? — дипломатично намекает на большее начмед дивизии майор Антонов... Педантичный австриец обдумывает предложение: «Вообще, конечно... надо бы с коллегой посоветоваться». Мнение «коллеги» читается в глазах: явное «за».

Подполковник в голубом берете медленно — уже для проформы — достает ручку, отвинчивает колпачок... что-то еще пытается объяснить, но его заглушает гул самолетной турбины... «У кого — вспышка? Давай, сфотографируемся на память. А теперь, Степа, жми за “санитаркой”»...

Грохочущая магнитофоном палата — самая вместительная в медсанбате: последних раненых эвакуировали с госпиталем. Полчаса назад. На каждом квадратном метре стены — нарисованные елки. Ох, как хотелось видеть ее живую! Несколько сдвинутых буквой «П» парт, накрытых застиранными, но накрахмаленными простынями. Посередине, на тумбочке — «кремлевская елка». Так написано на листке, приколотом к высохшему букету. В нем подобие верблюжьей колючки, окаймляющей «бывшие» цветы. Их — свой свадебный букет — принесла бойкая Маринка Саид — медсестричка, недавно вышедшая замуж за афганского гэбэшника. В Афганистане нет цветов. Эти привезли из Кушки. «Главная елка» украшена ватой, нитками мулине и чертиками, сплетенными из трубок от капельниц. Зато стол — слава Аллаху! — воистину православный: и с жареной картошкой, и с лисичками. Блюдо от шеф-повара — полуманты-полупельмени. А уж чего налить... «Маринка, дай “сиську”! (лимонад SiSi в диковинной тогда для нас банке из алюминиевой фольги). Командир, выруби на фиг Горбача, пора считать!» — «Восемьдесят, восемьдесят один, восемьдесят два... восемь-

десят восемь... И под нарастающий гул — все хором: ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ!!! А потом...

* * *

С Новым годом! Где бы вы сегодня ни находились: полковник в отставке Яковлев, генерал-майор медицинской службы Антонов, бывший военный наблюдатель ООН Рейнтхофер и ты, водитель рядовой запаса Степанов... Может, в наступающем году отыщется и сгинувшая в талибское лихолетье украинская афганка Маринка Саид, в ту новогоднюю ночь так задорно спывавшая «Ты ж мэнэ пидманула»...

*Шинданд, Афганистан,
1988—1989 гг. — Петербург, 2006 г.*

Девять дней февраля

Знамя в тубусе.

Дежурный БТР перед штабом.

Забеленные стенды с призывами.

Резкие порывы ветра

разносят по опустевшим дорожкам

разорванные картонные коробки.

Прощайте.

Пустой аэродром.

Использованные гильзы ракет-ловушек.

...сегодня на Кабул что-нибудь будет?

Смена ооновцев. Мэйджер Борис. Лизэзн офицер.

...один «горбатый» на Ташкент. 200 человек всего.

Пронзительные сирены КамАЗов.

Колонной вырывают со стоянки.

Автобат провожает раненых. Домой.

...уже эхо.

Когда я вернусь и Ташкент мне объявит о рейсе,

Пусть на узбекском, но все же родном языке,

Растают, затихнут разрывы душманских эрэсов,
Я вспомню о строчках на этом тетрадном листке.

«Мы уходим, уходим, уходим, уходим...»
В последний раз.
Завтра будет: вышли.

На трезвую голову не придет.
Пристрелят завтра,
а пока выплюсь.

6 февраля. 7.03. Последний восход.
Единственная в Шинданде аллея.
Посажена нами. Девять лет назад.
Колючие ветки.
Остается.

Память выталкивает на поверхность самое-самое.
15 декабря.
Грозная толпа.
Идущая, направляемая, устремленная.
Белые чалмы, черные повязки, рваные бушлаты, поношенные пиджаки.
Долго расставляли охрану у оружия.
Сандалии и кроссовки на босу ногу.
Останавливались в кустах. И снова шли.
Сели.
Под торжественными портретами Маркса и Ленина
щуплый мулла зычным простуженным голосом
распевал выворачивающие душу аяты.
Траурная месса по погибшим от землетрясения в Армении.
Мурашки по спине.

Жалобная песня двигателя.
Зато погода бодрит.

Афганская колонна с продовольствием и горячим.
Заночевавший в грузовике водитель-пуштун
сосредоточенно совершает утренний намаз.

На раскрашенном под лубок кузове
витиеватая надпись: «Аллах даст все!»

Пришло на память:
— Что везешь? — Рис.
— Откуда? — Из Кушки.
— Так кто его дал? — *(улыбается)* Аллах.

— Скажите, майор, а что вы делаете со своими мусульманами, если они
хотят вступить в партию?
— Операцию, обратную обрезанию.

Английский журналист.
— С каждым приездом я вижу здесь все больше оружия и разрушений.
Я был в Афганистане уже трижды. Сейчас в четвертый...
— Ее Величество должна вами гордиться...

Для нас Афганистан — боль.
Для них — шахматная доска.

Черные тени машин
медленно переходят со скалы на скалу.
Расплывающиеся в зимней дымке фиолетовые горы.
Холодные краски последнего утра.

На ходу из машины в машину передают спички.
Не останавливаясь.

Проходим Адраскан.
Вывеска на русском языке:
«Управление Царандоя».
Удержатся ли?

Революцию не делают
с четырехчасовым перерывом на обед.
И пятикратным намазом.

Тишина. Ни души.
В пустом небе беззвучный вертолет.

Когда я вернусь и доверюсь проверенным картам
Вполне безопасных воздушных наезженных трасс,
В газете прочту, как там было у нас под Шиндандом,
И вспомню, как было на самом-то деле у нас.

Перебивает команда в наушниках:
— Пахарь. Я — Раскат. Увеличить скорость.
Впереди обстреливают эрэсами.
Докладывай через каждые десять минут...

Герат.
Взрослых мало.
Дети машут.
Постарше — пытаются на ходу снять детали с проходящих машин.
Кажется, вот этому в прошлый раз подарили собаку.
Что запомнят они?

Холод. По ночам втихую спиливают сосны.
Повсюду ишаки с дровами.
Несколько дрожек-такси у поворота к лицу.
На дугах — пурпурные цветы из поролон.
Поразительно ярко.
К черту блокнот!
Запоминать, запоминать как можно больше.

Ожила сценка.
Лицей.
Портрет Авиценны.
Европейская косметика на лицах обворожительных преподавательниц.
Без паранджи!
Подтянутый директор в накрахмаленной сорочке.
Литературный фарси. Мягкая английская речь.
Можно ханум задать вопрос?
— Аллах с вами, ее сегодня же зарежут.

Последняя гератская застава.
Еще наша.
Обстреливали здесь.

Последний раненый: капитан Лисовский.
Погибший? — Наверное, Андрей Шишкин.
29 января. Разбился.
Что там, на востоке, не знаю.
— Товарищ майор, разрешите обогнать?
— Я тебе обгоню...
Ни на метр с бетонки.
Опытный.

Ослепительные снега Рабати-Мирза.
Серебряное небо над перевалом.
Отличие от Терскола состоит в том,
что там нет сожженных машин.
Постепенно погружаемся в туман.

— ...и еще запишите:
рядовой Теркин, такелажник...
Две недели перетаскивал машины. А у самого — желтуха.
— Как зовут Теркина-то?
— Василий. Отчества не знаю.

Потихоньку, Ваня, потихоньку.
Осталось до Родины недалеко.

Возвращение к бетону — постепенно и безэмоционально.
Как сквозь сон.
Может, устал.
Повсюду машины:
живые и мертвые.
Мелкий полудождь-полуснег.

Когда я вернусь, непривычно погоны покроют
Метельные искры московской хрустящей зимы,
И гул эскалаторов вдруг наконец успокоит,
А после приснятся забытые детские сны.

В умиротворенном небе длинный косяк журавлей.
Как небесное отражение последней колонны.
Домой.

Турагунди.
 На той стороне уже свои: Кушка.
 Оборачиваюсь к пулеметчику.
 Молчит.

Еще один образ из прошлого.
 Сквозь покачивающуюся ленту крупнокалиберного пулемета
 злое лицо военоторговской продавщицы.
 Глаза под цвет экрана микрокалькулятора.

Встали.
 Девять верст до границы...
 В утреннем гвалте очередная колонна готовится к пересечению.
 Открытая дверь БМП:
 маленький телевизор,
 разбросанные банки с гречневой кашей,
 новое обмундирование,
 бутылки с машинным маслом
 и много сахарных брикетиков, похожих на домино.

Задержали душмана.
 В кошелке: деньги — заработал,
 несколько пачек американских сигарет — хотел обменять,
 граната с растяжками на колышках — нашел.
 А почему колышки чистые?
 Сволочь!

Нескончаемо долгие девять дней.
 Место работы — нейтральная полоса.
 Машина с флагом ООН.
 Наши пограничники отдают честь.
 Сидит афганец в фуражке с зеленым околышем.

Мимо грохочут последние колонны. Считаем.
 Надписи на люках: Башкирия, Червоноград, Свердловск...
 Ищу глазами: наконец, Ленинград.
 Грязный танковый тягач.
 Впервые за Афган.

Но больше: Имени... Имени... Имени...
 Пламя над звездочкой.

«Я вернулся, мама!» —
 Транспарант на КамАЗе-шаланде.
 Следы от осколков на кабине.
 А я еще здесь.

Когда я вернусь и проступит в лиловом тумане
 Седой триумфальной аркой Охтинский мост,
 Наверно, скажу постаревшей, взволнованной маме,
 Что я все такой же, вот только немножко подрос.

Ежедневно возвращаюсь на «девятую версту».
 Знакомый ряд дуканов.
 Мигает беззаботная звездочка
 между раскрытыми створками бывшего железнодорожного контейнера.
 Орешки-фисташки, гранаты-апельсины,
 туалетная бумага и открытки с пакистанскими красавицами.

Шестилетние бачата —
 хотелось бы сказать — дошкольники...
 какая тут школа! — доверительно-заговорщицким шепотом:
 — Камандон, што нада, што хочешь?
 И сразу: — Давай бакшиш. Шапку давай.

«Хорошо» — знают в цензурном и матерном вариантах.
 «Плохо» — только в матерном.

Солдаты-несолдаты
 с автоматами за спиной и четками в руках.
 Такое впечатление, что встали пройтись,
 чтобы размять ноги, затекшие от долгого сидения.
 Бесцельность в лицах.
 При сиюминутной озабоченности: продать-обменять.

Откровенность афганского полковника:
 Революция — хорошее дело.
 Мы — плохие.

Утро 15 февраля.
Мягкая фланель парящего снега.
Прощание. Прощение.
Возбужденная суета последних сборов.
— Передай ооновцам, чтобы быстрее сворачивались.
Колонна на подходе.
— Дуглас, давай нож. Срезаю антенну.

Последний переполненный уазик.
Метры, метры.
Пограничники вышли из будки.
Неужели, это все?
Ппульсируют мысли.
Мы выполнили женевское соглашение.
Они — нет.

Будут ли нас теперь приветствовать — «Рот Фронт»?..
Что с нами сделал Афган?
Может, он станет паролем, чтобы не заблудиться в лабиринтах жизни?
Может, его шепотом прозвучали такие истины,
на которых будем воспитывать наших детей?

Машина останавливается.
У самой таможни.
Выходим вместе.
Полковник докладывает генералу.
Его обнимают, уводят.

Мы остались последними.
Слева от меня: старший наблюдатель поста ООН подполковник
Альфред Туатоко, Фиджи, справа — наблюдатель майор Дуглас Майр,
Канада.

Метры пешком.
10.10.
Бросаются журналисты.
Что вы можете сказать о выводе советских войск?
Перевожу.

Папахи, кокарды, разноцветные шарфы, кинокамеры, диктофоны...
Глаза сфокусировались в одной точке:
улыбающиеся, слезящиеся, слезящиеся...
Замершие на мгновения
и готовые разрядиться в гомоне и заботах
первых минут, самых первых минут мира.

Отвечает Майр:
Насколько мне известно
(Пауза)
В западной части Афганистана
(Пауза)
Советских войск
(Пауза)
Не осталось...

Кажется, за спиной не только Афганистан,
эти сумбурные девять дней в пограничном местечке Турагунди...

Неужели этот полосатый шлагбаум
отсечет и испанцев тридцать шестого,
Че Гевару шестьдесят пятого?

И только снег,
одинаковый тут и там,
медленно тает на губах и ресницах...

Девять верст до границы,
Девять лет позади...
Все застелено белым туманом.
Легкий снег серебрится
Над Турагунди.
Белый, белый. Над Афганистаном.

Он бесплотен и тих,
Как иконный триптих...
Вот уж точно: не хлебом единым...
Ну а снег все летит

Под свирельный мотив,
Покрывая следы и седины.

...нотный скомканный лист...
Позабыть обо всем...
Просто время пришло возвращаться.
Снег наивен и чист.
Неслепящ, невесом.
А глаза почему-то слезятся.

Первая остановка автобуса на Кушку.
Теперь все.
Точка

*Турагунди — Кушка,
февраль 1989 г.*

P. S. Афганский постскрипtum

Нечаянный образ
выхвачен из гула времени:
гравированная на памятнике джинсовая куртка.
Такие уже не носят...
Годы...

Пусть исчезнут тунейдцы в шестьдесят пятом!
Что-то не договаривающие лица
под перезвон бокалов и курантов
медленно тают
в черно-белой глубине экрана.

Ромбики на мятых петлицах:
Товарищи, с Новым тысяча девятьсот сорок...

С коричневых картонок выцветших фотокарточек
доверчиво смотрят
еще ничего не подозревающие девичьи глаза.

...Женская гимназия. Год тысяча восемьсот...
...как будто безмолвно просят:
запомните нас живыми.
Какими запомнимся мы?

В угасающие окна не беспредельной человеческой памяти
уже стучится спрыгнувший с боевой машины
бывший школьный хулиган по кличке Одесса...
Одесса, почему на машине якорь?
...наш первый комбат. В Афган из морпеха пришел...

Задумчивый лейтенант в стоптанных кроссовках
разогревает пиропатронами чай.
Испытываете ли вы к противнику что-то наподобие уважения?
Нелепый вопрос — русский такой не задаст...
...н ...нет. Уже поднимаясь, угрюмо:
Не советовал бы я ИМ с нами встречаться...

В новой оправе событий и имен
бусинки афганских сюжетов, истертые, как четки правоверного,
почти неразличимы среди камешков сегодняшних забот.
Безлюбье?
Теперь только, когда приснится...

Первая, третья, огонь!
Усиленная матом команда
обрывается уносимым в горы раскатом.
Ему навстречу надвигается завораживающий свист.
Мина! Ложись! Разрыв.

...Сволочи, бьют только по нашим. По зеленым не стреляют.
Кто-то их наводит...
Ускоряясь в блаженную паузу,
шестирукий конвейер вынимает,
передает,
досылает...
За следующим снарядом закрывается затвор.
Раз — огонь. Два — ложись.

Туда — обратно.
 Первые полдня — нервно.
 Затем — будь что будет.
 Ханума фатум. Кто кого?
 Тишина. Минута для признания в любви:
 Я тебе сам придумаю музыку.
 Ты только замкни незримые контакты
 Между своей теплой душой
 И этими холодными клавишами.
 Ты только поставь ногу на шпильку,
 Коснись носком педали...
 На этом огромном шаре все женщины балансируют
 на одной шпильке.
 Ваше изящество.
 Ваша хрупкость.
 Ваше Величество.
 Погоди. Меня зовут... Я сейчас...
 Когда у них следующий намаз?
 Понял, артиллерия?

Бронетранспортер, накренившийся над окопом,
 вырытым в чем-то похожем на слежавшийся строительный мусор.
 Обрывки фраз,
 нанизываемые на источенный нерв полевого телефона:
 ...вертолеты, прожекторы... сколько возьмет?
 Вася, сядь в БТР, видишь ту выпуклость,
 поработай из КПВТ.
 Сумерки обостряют слух: ...не ори, тебе говорю...
 Плачущий на подножке медицинской «таблетки» мальчишка-солдат.
 В синей разорванной майке. Более напуган, чем ранен.
 ...ногой под коленку. — Видишь, действует...
 ...покажи, куда попало. — Руки тоже...
 Прапорщик-фельдшер сгибает руку в локте. — А это что?
 ...ухмылка и снова гримаса.
 А вот ОН — уже не увидит...

...тот, у заднего колеса.
 На брезентовых носилках.

Бросил курить...
 ...не трогайте...
 ...только желтые ливни солнца.

Блеснувший сквозь пыль и грохот луч прожектора
 сфотографировал черный контур,
 медленно огибающий синюю воронку неба...

...моментальное фото на Невском.
 Наша первая, еще не семейная фотография.

Эхо разрыва продолжается гулом снижающегося вертолета.
 Мы с тобой никогда не слышали орган в костеле...
 ...четвертый докладывает: там какой-то дух спускается в кишлак...
 — Не суетись, у него там тетя...
 Сел?
 Молодец!
 Бьющаяся нервной дрожью машина с вращающимися лопастями.
 Маленький силуэт в нимбе шлемофона...
 Наведенный прожектор беспорядочно прерывается
 точками-тире снующих фигур и носилок...
 — Сестра, а что помните вы?
 — Двое ходят и поют: запущенный гепатит...

Вертолет со свистящим креном замыкает спираль над вершиной.
 Фельдшер смотрит на стрелку часов с окровавленным циферблатом.
 Перчатки — до запястий.
 Сколько жизней уместилось в секундах?
 Маленький силуэт, растворившийся в темном эфире...

Вынос — мне Профиль. Профиль, дай Оперу. Кабул — Ташкент.
 Ташкент — Москву. Москва. Это — Афганистан. Девушка, позвоните домой.

У меня все в порядке.
 Через три недели письмо.
 Ура, у тебя все в порядке.
 Капитан курит сигарету за сигаретой:
 ...понимаешь, я действительно долго не писал — госпиталь,

сам знаешь... вернулся в часть — письмо... мужским почерком:
если что, ни жену, ни пацанов твоих не оставлю...
Ну, я-то вернулся... Налей...

Как костяшки на счетах,
только осторожно,
расставь на нотных линейках
отражения
Пяти человеческих чувств.
Да озарятся они мягким свечением
Крещендо первой встречи. Бекаром последней...
Из старого афганского блокнота выпадают страницы.
Сохранить бы, что осталось:

...даже перед тем, как уснуть,
фантазия не нарисует сюжет более детективный, чем сегодняшняя
обыденность...

Давай, Степа, жми!

Метрах в двухстах сзади — хлопок эрэса. Недолет.
...поздравляли со званием афганского комбрига:
водка, апельсины, а теперь, вот, эрэсы...

...пыльный туман. Не едем — плывем. В какой-то серо-желтой массе.
Не рассмотреть: глаза прикрыты до минимально необходимых щелок.
Неожиданный сильный удар. Сидящий на левом борту с пируэтом отлетает
в сторону. Отдельно от него — автомат. Куда-то вперед.
Удержался, но в кромешной тьме. Мгновение спустя — мысли.
Первое. Не фугас. Если бы он, мыслей бы не было.
Второе. Не противотанковая. Запаха нет.
Третье. Наверное, противопехотная.
На сей раз обошлось, в нас въехал другой БТР.

Записывал, когда не прошла боль:

...как в замедленной съемке... навстречу едет играющая всеми цветами
и оттенками барбухайка-мерседес.

Проверить!

В считанные секунды бородатого водителя вынимают из машины,
чуть ли не на весу обыскивают,

и солдат, прутом проткнувший кузов вдоль и поперек,
уже кричит: один рис!
А могли быть и эрэсы.
Кстати, наверняка не только с рисом он ехал.
Впереди — пустые кишлаки. Рис везти некому.
Разве что тем, кто за ним спускается с гор.

Из машины выскакивает бритый афганец. Его догоняют.
— Переводчик, разберись.
Говорит на пушту. Не понимает... Какие-то 4 тысячи отобрали...
— ...врет, товарищ майор... Отвези зеленым, смотри, чтоб снова не сбежал...

Смеющийся щербатым ртом седобородый афганец
гладит смущающегося мальчишку в лиловой тубетейке:
«Молодец, сынок, сестру убил...»
Старик смеется. Мальчишка смущается...
Наверное, я что-то не так ...перевел.

Объяснять мир или изменять его?
С чего начать? С кем мы:
кто сочинил эсперанто
или начинил бомбы?
Что же, пусть нас рассудят потом!

Скандал. Советская застава грабит афганские машины.
Вчера остановили члена ЦК НДПА. Искали непонятно что.
Разбор на месте.
Побрившийся, но немый начальник заставы. Шепелявит:
вместо «ш» — «ф».

Все нормально, только письма не передают... ничего не было...
Только патрон в компот попал.
Какой патрон?
Щенок. Ошпарился.
Спускались мазь Вишневского спросить.
И все?
Молчит...
...Метровая полка — библиотека заставы.
Половина книг разодрана.

Зачитанная, но в обложке: «Литературные памятники. Поэт Джон Китс».
Нет. Ничего не брали. Только мазь Вишневского... А Патрон сдох.

У водителя на стекле наклейка:
стюардесса в белых перчатках приглашает в полет...

Помнишь, на десятом году нашей жизни
мы решили еще раз познакомиться в каком-то юрмальском кабачке?..

Заблудиться, потеряться в тебе,
задохнуться.
Дорога только на ощупь.
Пусть не жмут тебя никакие сомнения.
Не смотри на обратную сторону. Ее нет.
Этот лист склеен кольцом. Перекручен, как одеяло. В плоскость Мебиуса.
Боюсь дотронуться до тебя. Руки дрожат.

Нет, это из какой-то странной пьесы.
Из до или послевоенных лет..
Не может легкий шарфик стюардессы
Напомнить окровавленный брезент...

Мы с тобой обязательно послушаем церковный орган.
Следующий Новый год мы встретим вместе.
А пока складываю ладони. Молитва.
Приблизить тебя к лицу.
Всю. Всю. Всю.
Вместе с музыкой и теплом твоего дома.

Последняя ночь на афганской земле. Разговор с водителем.
— Что ты думаешь об Афгане?
— Как вам сказать, в моей жизни ничего ТАКОГО, наверное, не будет.

Товарищ майор, а после вас кто-нибудь будет?
Молящие лица женщин в черном у дверей кушкинской таможни.
Изумленный взгляд ооновского наблюдателя: зачем их сюда пустили?
Сказали бы, что их сын погиб, спасая товарищей... Так все-таки легче...
Мы вышли. У нас масса проблем. Мы живы.

Снится Афганистан. Аэродромными огнями мерцает буква «Ш»—
Шинданд.

На каждом изгибе дороги замотанный в одеяло сорбоз вскидывает автомат.
— Аз феркее шоурави.— Я из советской дивизии...

— Степа, ты после надевал свою афганскую форму?
— Да, когда относили заявление в загс.

Кружится голова.
Может, для того чтобы стать нормальным,
Нужно взять себя в руки
И кружиться, кружиться в обратном направлении?

Ты все-таки согрей меня
Своим прикосновением,
Таким, каким ты согреваешь клавиши...

*Шинданд — Турагунди — Кушка,
февраль 1989 г.*

«Прощай, Афганистан, которого мне жаль...»

Это строчка из песни самого афганского из советских бардов — военного корреспондента «Правды» Виктора Верстакова. Песня впервые прозвучала двадцать шесть лет назад, в день, когда СССР вывел войска из Афганистана. Нам и сейчас жаль страну, где не растут цветы. Из нее мы ушли, не доделав задуманного. Жаль афганцев, с одинаковым достоинством смотрящих на жизнь и на смерть. Потом к этой жалости добавился стыд за предательство преданных нам. Но сегодня, восполняя тогда недосказанное, мы вспоминаем себя молодыми: «Мы вышли. У нас масса проблем. Мы живы...»

Пророчество дервиша

...Год 1988-й. Близ Шинданда. На сносном русском языке витийствует афганский дервиш с завязанной в пояс медалью «За победу в Великой

Отечественной войне». Возможно, единственный ее участник и кавалер из живых афганцев. Его забрили в 1944-м по ошибке, когда он гостил у тестя в советском Таджикистане. «Вы пришли, чтобы отсрочить большую войну афганских таджиков с пуштунами. Оставайтесь здесь подольше. Если войну не закончите, заберете ее с собой», — пророчествовал морщинистый дервиш. Он не ошибся...

...Сверхсрочник-чеченец осаждают дивизионный политотдел: «Поймите, у меня пять дочерей, ни одного наследника. Хочу усыновить парнишку из гератского детдома. Это и есть мой интернациональный долг». Не дали из-за санитарных различий здесь и в Союзе. Где ты сегодня, старший сержант? Не надели ли твои наследницы пояса шахида?

...С придорожной заставы по-разгильдяйски «сбежал» одиночный да еще и почти безоружный бэтээр: до родного гарнизона 40 километров, всегда сходило и сегодня сойдет... Заглох на ночной дороге. Машину окружили спустившиеся с гор духи — много духов. Пришлось задраить люки-двери. Духи постучали по броне, стали разжигать на ней хворост. Сержант принимает командирское решение — застрелиться всему экипажу. Последним стреляет в себя. Еще через какое-то время подходит подмога. Откачали одного сержанта. Слабо, Голливуд?

Поблизости от этого сюжета — разгадка: почему за весь Афган не захватили ни одного западного наемника. Целый отряд «черных аистов», наверное, слишком доверился букве советского боевого устава. Поэтому резонно рассудил, что дистанция между головной походной заставой и основной колонной не может быть километров в семьдесят... Головных «аисты» сожгли заживо, нимало не сомневаясь, что в их руках вся колонна. Пытались даже проникнуть внутрь сожженных машин. Тут-то и подошли основные силы...

Могла ли кому-нибудь из шурави прийти в голову хоть строчка из Женевской конвенции о правилах ведения войны и тем более о каких-то там пленных? Когда все стихло, кто-то догадался снять с останков «аистов» штаны. Обрезанных среди них почти не было, да и бельишко — ой какое неместное. Предъявить миру такие политически востребованные доказательства возможности не было. Ущелье. До ближайшей безопасной для вертолета площадки километров сто. И жара за пятьдесят. Так что обошлись без политики и панихид, прости, Господи, нас, грешных...

Доскажем историю до конца...

Завершение войны пришлось на период мазохистских саморазоблачений, а то и подлости. Откуда у солдат, уходивших брать караваны, оказывались не только цэрэушно-бенладенские версии «Красной звезды», но и вполне отечественные листовки на тему: бери шинель, пошли домой? Мол, доберешься до Москвы, заходи или звони — поможем. А под листовками стояли подписи ох каких известных тогдашних политиков. Потом те же сострадалцы взяли чистый лист и дотошно заполнили одну сторону. Обратную. Так и осталось: мародерство, дезертирство да дедовщина.

Прочтя «а», допишем и «б». Сколько в памяти случаев, когда командиры безо всяких инструкций устраивали шмон вернувшимся из рейда солдатам. Обнаружив у кого-нибудь в кармане часы, старшина или ротный выводил парня перед строем на импровизированный плац. Затем обладателя «боевого трофея» посылали за пудовым валуном. Причем не всегда в ближайший овраг. Не дав времени на перекур, пацана гнали за такой же второй каменной. А потом заставляли положить часики на один валун и прихлопнуть другим. Безразличных к зрелищу оставалось, поверьте, немного...

А что до дедовщины, то и здесь из песни слов не выкинешь: практически никто из последнего афганского призыва на «боевые» не ходил. «Деды» не пускали. Вплоть до того, что «строили» не в меру ретивых лейтенантов.

На фоне первых перестроечных съездов звучала и такая хлесткая тема: мол, били по своим... Многие бывшие афганцы помнят, как в 1987-м вертолетчик, кстати, сын популярного военачальника, в суматохе боя дал залп по своим же десанникам. Потом пытался застрелиться. Вернули в Союз. Списан и спился. Было.

Было и другое. В ходе одного из самых кровопролитных боев за всю историю афганской войны — в ноябре 1988-го близ Кишкинахуда, провинция Гильменд, командир взвода лейтенант Гончар, санинструктор рядовой Абдурахманов и рядовой Семашко свыше трех часов доставали из самого пекла погибший экипаж танка... Доставать оказалось нечего. Взорвалась боеукладка. Принесли из танка один обгоревший автомат...

Третий тост

Из старого афганского блокнота выпадают полустершиеся листки. Сохранить бы то, что осталось: пыль, гравий, цветные портреты полковых героев. Хаотичная мозаика сюжетов, фраз, случайных взглядов, как душа непогрешенного. Афганистан. Снится. Было.

Пусть сегодня, спустя 26 лет, напомним о себе шурави, прогрохотавший в полдесятого утра 15 февраля 89-го к Кушке. На последнем в нашей колонне грязном танковом тягаче с залихватской надписью «Ленинград — Всеволожск»... Может, кто-нибудь встречал сублильного доктора, который, как запечатлено в песне, «плюнул и к минному полю пошел». В предпоследний день афганской войны?

...И расскажет о своем послеафганском бытии прошедшая ад госпитальных ампутаций медсестра, представлявшаяся «разведенкой с Гражданки»... Пусть поведает о своих потомках контуженный под Кандагаром водила, который заявление в загс относил в афганской форме: не было у парня ничего более святого. Жив ли ты, «минный тральщик», 14 раз (!) подрывавшийся на своем танке — значит, переживший столько же контузий? С зажатым в трясущейся ладони «Красным Знаменем». Где ты — подполковник Саркис Хамедов, полуармянин-полуазербайджанец, спустя год оказавшийся в телевизионном фокусе карабахского конфликта?

* * *

...Ностальгия никогда не отпустит. Ностальгия по времени, когда за спиной стояла страна — проблемная, но великая. В Афгане проявлялось это по-разному. Например, во время киносеанса в солдатском клубе Шинданда — «Несколько интервью по личным вопросам». С несравненной Софики Чиаурели — воплощением безгранично-женского обаяния и общесоюзной интеллигентности — «без России, Латвии и Грузии»; в «казарменном» русско-украинском суржике, пересыпанном восточными словечками: «На ужин ниякого гуманитарного бакшиша нэ маемо?», что воспринималось как язык воинов-интернационалистов...

В редакционной полуземлянке дивизионной газеты под маскировочной сетью собирались барды-«пииты» со всего многотысячного шиндандского гарнизона.

Именно Афганистан подарил нашей культуре пронзительную поэтическую струну, которая до сих пор прочнее, чем СНГ, связывает бывший Союз: Игоря Морозова — «И отплясывают рьяно / Два безусых капитана /

Два танкиста из Баглана / На залатанной броне...»; Михаила Михайлова — «Мы еще не вернулись, / Хоть привыкли уже / Находиться среди улиц / И среди этажей...»; наконец, Виктора Верстакова — «Прощай Афганистан, которого мне жаль...».

Не бойся, если вдруг тебя разлюбят...

Его полное имя звучит торжественно — Али Абдул Гафур эль-Кундузи. Посвященным оно говорит о многом. Об арабских корнях, о высоком месте в иерархии этой сверхпереплетенной даже для многонационального Афганистана провинции — Кундуз. Другое дело, что тамошняя аристократия, вопреки европейским представлениям о ханах и шахах, отличается от прочих живущих сколько-нибудь с достоинством разве что ценностью ковров, обязательным еженедельным пловом да могилами родственников, упокоенных на священных кладбищах — мазарах. О родстве с хозяевами здешних мест, таджиками, причем духовного происхождения, его имя точно свидетельствует: арабское Гафур перекликается с персидским Гафар — этими именами называют общепризнанно достойных. К тому же с местной арабской голытьбой родовитые таджики не сближаются, считая их тамошними цыганами и экзотическим меньшинством — в Кундузе их всего пять-шесть тысяч. Впрочем, и в детстве, и потом его будут звать просто Али. По-русски, разумеется, Алик и даже Алеша...

* * *

В армию его забрали в 1988 году двадцати лет от роду. Забрали так, как забирали тогда всех. 53-я узбекская дивизия генерала Дустома, одного из наиболее влиятельных военачальников Наджибуллы на севере Афганистана, поочередно окружала кишлак за кишлаком, район за районом. Всех юнцов и аксакалов, кто не мог откупиться на месте, гнали, как скот, за колючую проволоку так называемого марказз-харби — дивизионного учебного центра, находившегося в четырех километрах от Кундуза. Почти сразу туда приезжали грузовики ГАЗ-66, чтобы спешно увезти хотя бы ту часть призывников, которая по внешнему виду могла носить оружие. Остальных тоже нельзя было держать подолгу: больных — их бывало до трети — отпускали к тут же толпившимся родственникам. Они, рисковавшие пополнить тех, кто за проволокой, тянулись сюда с тачками и баранами.

Счастливец отдавали не за так, а за блеющий выкуп. Кого-то фильтровали гэбисты-хадовцы: увозили не только подозрительных, но и тех, кто приглянулся им самим, — в воюющей стране военных кадров много не бывает. Да и какая-никакая конспирация: все, мол, видели, что такого-то заарканила госбезопасность. ХАД всегда имел преимущественное право на отбор новобранцев в свои ряды. Вообще-то Али уже один раз забирали в учебный центр, но тогда отпустили. Потому что за него похлопотал отец — едва ли не единственный в Афганистане араб-инженер и бывший партработник. Он позвонил самому Наджибулле.

Впрочем, все по порядку. Отец Али, Абдул Гафур, учившийся в Советском Союзе в начале 1970-х годов, вернулся в Кундуз с дипломом Ташкентского университета, активистом Народно-Демократической партии Афганистана и искренним другом Советского Союза. Правда, непростое происхождение и образованность привели его не к революционерам из бедняцко-левацкого крыла «Хальк», а к социал-реформаторам из «Парчама». Его лидером являлся Бабрак Кармаль. С ним Абдул Гафур эль-Кундузи поддерживал отношения до окончательного переезда Бабрака в Союз в 1987 году. А тогда, в 1978 году Саурской революции, сначала халькист Тараки, потом его еще более радикальный соратник Хафизулла Амин сочли всех парчамистов главными врагами народной демократии. Парчамисты, кому удалось миновать кабульский застенок Пуле-Чархи, бежали кто куда. Проще было бежать из провинциального Кундуза. Впрочем, в сентябре 1979-го за семьей Али приехал русский советник в советско-афганской компании по строительству железной дороги Термез — Хайратон. Он работал здесь уже несколько сроков и, как и отец Али, называл себя путейцем-железнодорожником — «по крайней мере, в душе!». Гость прилично знал дари и арабский, что, собственно, и сблизило его с Абдул Гафуром. Может, из-за этого знакомства семейство не трогали ни при короле, ни при Дауде, ни при народной власти. Дружба с «шоурави» — «советским» тогда дорогого стоила... Ведь Иттэхад Шоурави — Советский Союз — это страна Аллаха. Так считали все, кто по случаю гостил по ту сторону Пянджа — Аму-Дарьи... Или по крайней мере верил не только в Аллаха, но и в лучшую жизнь для своих детей. Может, поэтому и сегодня большинство афганцев зла на шурави не держит...

Грузить небогатые пожитки (ковры да швейную машинку) помогал дервиш-узбек — едва ли не единственный афганец — участник Великой Отечественной войны: его забрали в 1944 году по ошибке, когда он гостил у родственников в узбекских Каршах. Бачам-пацанам со всего квартала-ма-

халля он показывал замотанную в поясной платок медаль «За победу над Японией».

Не по-афгански маленькая семья перебралась сначала в Термез, потом в Москву. Здесь отца встретил Бабрак, формально — афганский посол в Праге. Он-то и передал Абдул Гафуру наполовину самопальный указ Амина о назначении его в представительство Афганистана в Тунисе. Других путей обезопасить свои семьи у врагов Тараки-Амина не было. Как и кадровых дипломатов. На место разбежавшихся королевских послов назначали «комиссаров Саурской революции», а порой и просто образованных членов НДПА.

Там Али, которому к этому времени исполнилось одиннадцать лет, узнал о вводе советских войск на свою родину. Отнесся к этому с детским энтузиазмом: теперь и в Афганистане у каждого будет водопровод, холодильник и телевизор. Будет, как у душанбинского родственника матери бобо (дядя) Бахтияра. Того, кто угощал его и еще двоюродного брата диковинными яствами под названием: «яхмос» (мороженое) и «картошка».

Но уже через год партия отозвала отца Али на родину — не из кого было набирать уполномоченных центральной власти на местах в так называемые оргъядра: партсекретарь, глава уезда, начальник Царандоя (милиции), начальник ХАДа (госбезопасности). Али, продолжившего учебу в школе советского посольства, и жену Абдул Гафура, Мир Ваэзу, также принятую на работу в посольскую парикмахерскую, муж оставил в Тунисе. До лучших времен. Но они так и не наступили. Абдул Гафур, направленный секретарем волостной партиячейки в шиитский Хазаратджат, последующие пять лет воевал с отрядом проиранского полевого командира Муллы Насима. Пока не договорился с ним и местным предводителем хазарейцев узкоглазым Султаном о «разграничении полномочий». Как воевал и какие там были «разграничения» — отдельная тема, к Али она прямого отношения не имеет. Абдул Гафур так и жил с редкими выездами в родной Кундуз и лишь дважды навестил жену с сыном: на большее у Афганского государства не нашлось валюты. Он ждал перевода даже не в Кабул, а на обещанную ему Бабраком зарубежную работу: он в Москву хотел. На худой случай — в «родной» Ташкент. Но в 1987 году на место Бабрака пришел Наджиб. Насколько удалась его политика национального примирения, известно из истории. Но при нем вновь стали подниматься халькисты — часто пуштунские националисты. Они посчитали, что парчамист, да еще араб Абдул Гафур слишком миндальничает с Муллой Насимом, забывшем о Дарай Юсуфе. Это местечко такое, где в 1979 году аминовские палачи живьем сбросили в шахту сотни хазарейцев.

Абдул Гафура вернули в Кундуз, но к партийной работе уже не подпустили: Наджибулла опирался на свои кадры. Отцу предоставили прежнюю должность — в дорожном управлении провинции. Тогда-то Абдул Гафур решил привезти своих домочадцев из Туниса домой. Нет, не навсегда. Для того, чтобы оформить паспорт Али, который достиг совершеннолетия. Ну и еще: с приходом Горбачева отношение к Афганистану и афганцам стало меняться — Мир Ваэзу уволили из совпосольства, взяв на то же место тунисскую француженку-полукровку. Собственно, Мир Ваэза и сама дождалась лишь окончания сыном школы. Поступить в Афганистане в институт, известный кабульский политех, Али в тот год не успел. Да и не очень к этому стремился, рассчитывая на следующий год перебраться если не в Москву, то хотя бы к душанбинским родственникам матери. Продолжение учебы в арабских странах для него стало проблематичным из-за репутации отца-мунафика, то есть предателя ислама и просоветского коллаборациониста. Было и еще одно обстоятельство: приятелем Али по посольской школе (строго говоря, в ней учились дети не только советских, но и других дипломатов) оказался Виктор, сын Алексея Михайловича, того самого русского советника по железной дороге. Его отец, как выяснилось, был еще и военным дипломатом. Поначалу Виктор был вроде как переводчиком Али. Он когда-то жил в Таджикистане и немного понимал схожий с таджикским язык дари. Правда, стараниями учительницы русского языка из числа старых русских эмигрантов в Тунисе языковой барьер был преодолен за год: никто так быстро, как восточные люди, не усваивает чужие глаголы-падежи. Бывая в семье бывшего мушавера (советника) Алексея Михайловича, Али неоднократно выполнял его мелкие поручения: отнести, принести, позвонить по телефону. Их он выполнял не без расчета на последующую протекцию. В восточном обществе об этом задумываются раньше, чем в европейском. Прощаясь с Алексеем Михайловичем, он услышал: «Не дрейфь, Алик, мы обязательно свидимся. Хуб? А теперь целуйтесь с Виктором. Он твой барадар (брат)».

Но уже в Кундузе Али об этом вскоре забыл. Особенно когда его, переводчика с русского языка, чуть было не забрали в армию Наджибуллы. Впрочем, в 1988-м его, как мы помним, все-таки призвали. Может, потому что отца в этот момент не было в Кундузе, а матери, готовящейся второй раз родить, было не до него. Али вместе с другими задержанными доставили в провинциальное управление МГБ (ХАД) и сначала стали дотошно выяснять, каким образом отец передавал им деньги в Тунис. И сколько? И не встречался ли Абдул Гафур с пакистанскими эмиссарами тунисской

«Джамаа ат-таблих» — исламистской «Группой предупреждения о грядущем страшном суде»? Али многих подробностей не знал. Поэтому вызвал подозрения. Особенно когда его отвели к следователю-халькисту, не скрывавшему, что в 1979 году он буквально на час опоздал с арестом отца Али. Наверное, только юношеский идеализм да почти десятилетний отрыв от кровавой афганской круговерти не позволили ему испугаться по-настоящему. Хотя прошел он тогда по лезвию кинжала. Но как ведь бывает: именно когда следователь решал, что делать с «агентом пакистанской разведки», в кабинет зашел русский мушавер из разведотдела 53-й дивизии некий подполковник Стальцов. Али обратился к нему на русском языке доблокадных петербуржцев, усвоенном от учительницы эмигрантки: «Не соблаговолите ли о здешнем конфузе уведомить атташе по вопросам обороны советского посольства в Тунисе полковника Кирсанова?» Мушавер от неожиданности даже присвистнул: «Алексея Михайловича, что ли? Так его...» И осекся. «Бали, рафик мушавер!» — «Да, его самого» — «А ты откуда его знаешь?» Плохо знавший русский язык хадовец-халькист так и не понял, о чем шла речь. Но в главном не ошибся: с этого странного араба уже ничего не стрясеешь. Даже под угрозой расстрела.

Али действительно забрали в Кабул. Там его принял не по-афгански лаконичный полковник Абдул Хак — возможно, единственный живой участник восстания советских военнопленных в пакистанском лагере Бадабера. Перебирая четки, он медленно произнес: «Али-джан, я видел настоящих шоурави. Они совсем не похожи на шакала Горбачева. Русские не понимают, что потеряют себя, если предадут нас. Мы тебя действительно отправим учиться в Россию. Ты можешь быть полезен Афганистану, если научишься разбираться в русских». Али никогда не узнает, что халькист Абдул Хак, последний адъютант Наджибуллы, разделит участь своего патрона, хоть немного управлявшего страной. А четки, некогда принадлежавшие главному афганскому революционеру — Тараки, потом оскверненные пальцами Амина, в конце концов окажутся в одном из питерских домов. Не придется ему увидеть и могилу отца на мазаре. Абдул Гафура в числе тысяч кундузских таджиков, узбеков, пуштунов, арабов, дехкан, ремесленников, торговцев, менял, не говоря уже о никому не нужных путейцах, обезглавят талибы. Они ворвутся в Кундуз в 1999-м, первым делом разбивая телевизоры. Какое-то время им еще посопротивляются узбеки Дустома, никогда не делившие Афганистан на халькистов — парчамистов, правоверных — мунафиков. О том, что дорожное управление до последнего отстреливалось под откуда-то

взявшимся флагом Киргизской ССР, тоже никто не вспомнит. Узнав об этом, Али не усомнился, что среди «киргизов» наверняка был и его отец — «советский» араб Абдул Гафур эль-Кундузи. Мать, родившая второго сына, отошла четвертой женой к младшему брату Абдул Гафура, плотоядному конформисту и хозяину нелегальной опекурильни. От неприятностей с шариатским правосудием его спасало то, что один из родственников примкнул к талибам и даже куда-то там выехал: выезжал на учебу в Пакистан и не только.

О светском прошлом матери Али какое-то время напоминала грамота, которую ей вручил русский посол в Тунисе 8 марта. Потом она сама ее уничтожила — от греха подальше. О Мир Ваэзе, потерявшей в вихре событий, в памяти Али останутся только любовно подкрашенные ею карандашами карточки из советского прошлого отца, сфотографированного на фоне ташкентского ресторана «Голубые купола». Да еще унылая русская песня: «Не бойся, если вдруг тебя разлюбят», часто звучавшая из раздолбанного магнитофона в парикмахерской советского посольства в Тунисе. Али она запомнилась дальней аналогией с протяжными мелодиями модного в 1980-х годах афганского певца Замира.

Летом 1989 года Али поступил в московский Университет дружбы народов, еще носивший имя Патриса Лумумбы. Учиться ему не мешали, лишь изредка задавая вопросы об однокурсниках-афганцах и арабах. Когда Али перешел на третий курс, посольство Афганистана оказалось не в состоянии оплачивать его образование. Его кураторы тоже помочь ему не могли. Именно тогда к Али приехал полковник Кирсанов, едва ли не впервые с признаками тяжкого похмелья. Разговор оказался кратким, но предметным: «Хочешь домой — до Душанбе добросим. Но ты, Алеша, уже не афганец. Там тебе не поможет даже мама. Могу предложить... поучиться. Оно ведь в жизни...» Полковник не договорил. Впрочем, владимирская школа милиции, которую Алексей Алиев окончил в 1994 году, на киношную разведшколу явно не тянула. Но именно тогда он получил российское гражданство. В том же году оборвалась и телефонная связь с Афганистаном. Лейтенант милиции Алиев был назначен в Грозненский (сельский) ОВД фактически уже не существовавшей Чечено-Ингушской Республики.

Едва он сдал предписание, настала пора сворачиваться. Он и сворачивался — единственный в райотделе офицер, не получивший ни общежития, ни «макарова». Той зимой 1994-го он эвакуировался с отдельским начопером капитаном Черенковым, бывшим подчиненным командира рижского ОМОНа Чеслава Млынника, на родине списанным за ненадобностью.

С клеймом врага свободы и демократии. Уже на перроне гудермесского вокзала кто-то из тамошних ментов окликнул одетого по гражданке Черенкова — тоже, кстати, Алексея Михайловича. Черенков отчего-то эмоционально отнекивался. Потом сплюнул и позвал здесь же крутившегося рыжеусого чеченца Ваху Исаева из гаишников. Он как раз паковал вещи обоим милиционерам. Ваха, бывший старшина-афганец, подошел к Али и почему-то его обнял: «Хуб, шурави. Аллах акбар?» Али ничего не ответил. Некоторое время он молча смотрел вслед уходившим с вокзала ментам, даже не простившимся со своими женами: «Мы сейчас. До отхода поезда еще час с лишним». Этим же поездом в Москву должен был вернуться и лейтенант Алиев. В конечном счете так и получилось. А пока Али из солидарности с коллегами направился к стоящему наискосок от вокзала райотделу милиции. Он видел, как его бывшие сослуживцы вошли в брошенное здание. И почти сразу же к нему побежали несколько вооруженных парней. Потом еще с десяток. Один из них — явно не местный, в черной косынке с арабской вязью — показался Али знакомым. Тот тоже бросил взгляд на Али: как будто вспоминал, где его видел. Был ли это его двоюродный брат или просто на него похожий — Аллах ведает! Али помнил брата только по общей душанбинской фотографии — жили-то в разных местах.

Чем Али мог помочь сослуживцам, занявшим оборону в окружаемом бандитами райотделе? Ничем. У него не было даже пистолета. А рижанину Черенкову и афганцу Вахе смерть достанется лютая своим предисловием. Как ведь, оказывается, было дело? Им приказали перед отъездом взорвать в райотделе переполненную боеприпасами ружейную комнату. Они ее и подорвут. Вместе с собой. Когда на них пошли под тридцать боевиков, они поделили магазины. Но тут в клумбу под райотделом бросили их раздетых жен — Верочку и Иситу, снятых с того самого поезда: отдайте оружие или... Первым не выдержал Черенков: «Ты в мою... Я в свою... не могу». Два выстрела слились в один. Это последнее, что запомнил Али из своего двухмесячного пребывания на первом месте службы. Может быть, именно тогда Али понял, что поменять сторону баррикады он уже не в силах. Нет, он, пожалуй, не струсил. Назад на вокзал его увлекла людская волна. Обезумевшие люди инстинктивно искали убежища в вагонах с табличкой: «Гудермес — Москва»... А оборонявшиеся в райотделе еще выпустили несколько очередей — сначала длинных, потом совсем коротких. Затем обнялись: «Капитан, это не чеченцы. Это — пидорасы». — «Прощай, Ваха. Прощай, шурави». Взрыв, разметавший полрайотдела, слышал и Али в жестко тронувшемся поезде. Все...

В Москве он пробыл недолго. Бесконечные перестановки среди российских силовиков, втянувшихся в первую чеченскую кампанию, штатные изменения и межведомственные перетасовки привели к тому, что о лейтенанте Алиеве на время забыли. Его направили в Краснодар, где на базе местного учебного центра для иностранцев проходили подготовку и те, кто служил в арабских аналогах внутренних войск. Ну, а раз так, там же находилась и группа преподавателей, в том числе владимирской школы милиции. Кто-то из них вовремя вспомнил о недавнем странноватом выпускнике — то ли афганце, то ли арабе. Его нашли, тем более что преподавателям был нужен свой подведомственный переводчик, а не чужой — от Минобороны. За четыре последующих года старший лейтенант Алексей Абдулович Алиев четырежды прошел курс спецподготовки — опять-таки не такой, чтобы стать Рембо, но... Об этом никто не задумывается, но зачастую переводчики приобретают разнородные знания и навыки лучше самих инструкторов: способность быстро перенимать — профессиональное качество толмача. Программы не меняются годами, а преподаватели разные. В том числе толковые...

Замкнутый от одиночества, скорее упорный, чем упрямый, не особенно распространявшийся о своем происхождении, он даже среди многих арабов и афганцев, осевших в России, слыл чужаком. Избыток свободного времени заполнял самообразованием, ибо условия для этого имелись: многие военные переводчики, его соседи по общежитию, работали и с английским, и с французским. Последний он подтянул быстро: девять лет, проведенных в Тунисе, чего-то стоили. Впрочем, когда он подал рапорт на курсы «ай-пи-ти-эф» — международной полиции, ему дали понять, что с его биографией рассчитывать на особый служебный рост не стоит: остался живым — вот и радуйся. И так ходишь не в участках. И не на Колыме... Более того, впервые за милицейскую службу его дернула контрразведка: не общаешься ли с родными? Если да, то на чьей они теперь стороне? Али вспомнил о встрече с боевиком-моджахедам у гудермесского райотдела, но ничего не сказал... В Краснодаре же Али познакомился со Светланой, выпускницей местного пединститута, девушкой лиричной, но серьезной. Что сказать? Ему — 27, ей — 23. Казалось бы, и Бог им в помощь... Они встречались около трех лет, ссорясь чаще, чем одаривая друг друга. И хотя Светланин отец, заигравшийся кубанский казак, был против брака дочери с «этим черным ментом», жизнь все-таки взяла бы свое. Светлана его любила сильнее, чем он ее. Она всегда была ведущей. Но араб не может жениться, не спросив

разрешения старшего родственника, — он ведь не безродный дервиш, причитающий у мечети. Он эль-Кундузи.

Али не видел ни отца, ни матери с 1989 года. В 1999-м на свой страх и риск окружными путями добрался до Таджикистана, побывал у родственников. Они подтвердили гибель отца, еще нескольких родных, кого Али уважал и на чье благословение мог бы рассчитывать. Душанбинцы поведали ему о беспросветной гаремной судьбе матери. А ведь в Тунисе по-восточному яркой и по-светски обаятельной парикмахерше многие оказывали знаки внимания. Но — шариат... Максимум легкомыслия, которое она могла теперь себе позволить, — это строгий тюрбан вместо платка да европейская расцветка длинных закрытых платьев... Стоя у Аму-Дарьи, Али уже почти договорился с контрабандистами о переправе на афганский берег. Понятно, что из всех родственников, кого он мог найти в Афганистане, ближайший — это брат отца и муж матери. Но репутация этого брата, прямо скажем, не отцова... За этими размышлениями он не заметил пограничников. Контрабандисты, челночившие на плоту из камазовских камер и уже подплывавшие за ним с афганского берега, увидели погранцов первыми и повернули назад. Пришлось уносить ноги и самому Али. Слава Аллаху! — его не задержали: все-таки выучка. 31-летний милицейский старлей вернулся в Краснодар. Ни с чем. Там его ждал сюрприз: начальником военных, то есть Минобороновских переводчиков, назначили майора Виктора Кирсанова, сына «железнодорожного» мушавера и тунисского атташе. Его сослали в Краснодар за скандальный развод с оч-чень непростой москвичкой.

В тот же вечер Али взял с собой Виктора на встречу со Светланой. Девушка поначалу была раздражена: все-таки да или нет? Достали нарды. Али молча сбрасывал костяшки на доску. Собирал, тряс и сбрасывал, забывая о самой игре. Может, тогда Светлана впервые перевела взгляд с Али на Виктора? Их интерес друг к другу постепенно переходил в роман. Нет-нет, без пошлых суеты и лукавства. Только Виктор за стаканом коньячного спирта уже не доказывал самому себе, что его вот-вот заберут обратно в Москву, где его ждет такая... А Светлана все чаще находила уважительные причины не встречаться с Али. Через месяц Али, как это часто бывает, почувствовал, что теряет Светлану. Была ли за этим боль от потери или боль от потери любви, он ответа не находил. Оценивая свое состояние, он впервые ощутил драматическую раздвоенность своей многонациональной души: как мусульманин он хотел взять и победить, как русский — любить и быть любимым... Изменились роли: у него чувства разгорались. У нее — тоже, но уже не к нему. Еще через месяц Али сделает Светлане предложение.

Она, к этому времени 27-летняя женщина, произнесет на выдохе: «Позвони в семь». Он позвонит в восемь. Светланин отец не без издевки ответит: «Светочка только что уехала. С этим, как его? — Виктором Алексеевичем. Будет только в понедельник». Али заплакал. Слабым утешением донеслось из глубин памяти, из того незабываемого тунисского детства: «Не бойся, если вдруг тебя разлюбят. Еще страшней, когда разлюбишь ты». Еще вчера смысла этих строк Али не понимал.

С Виктором Али долго не хотел видаться. Молчание нарушил Виктор. Он пришел в комнату Али с каким-то Валерием Владимировичем, давшим понять, что миссия Виктора на этом исчерпана. Виктор, не глядя в глаза Али, через паузу произнес: «У тебя будет новая жизнь. Это все, что мог сделать я. И мой отец. Он обещал твоему...» Валерий Владимирович положил перед Али анкеты с десятками подробных вопросов. Попросил ответить на некоторые из них по-арабски, на дари и по-французски. Некоторые поясняющие термины он дополнил еще и на пушту. Умение складно писать — отличительная черта образованного мусульманина. Как и способность в один виток — изящной арабской — начертать имя Пророка. Еще через месяц пришел приказ министра внутренних дел об исключении старшего лейтенанта милиции Алиева Али Абдул-Гафуровича из рядов МВД в связи с назначением в распоряжение командира войсковой части такой-то. Без подробностей. Настроение Али перед отъездом менялось в зависимости от внезапно наступающих эмоций по всей шкале Восток — Запад. От «влюбленный волк — уже не волк» до «чтобы найти свою женщину, нужно сначала ее потерять».

Что это была за новая часть, Али когда-нибудь расскажет сам. Впрочем, как это ни странно, его учили на специалиста по борьбе с наркотрафиком. Уже на первой стажировке 33-летний Али, теперь переводчик службы наркоконтроля России этнический таджик Гафур Назаров, остановится на том самом месте, где два года назад договаривался с контрабандистами-наркокурьерами. Много воды утекло с тех времен в Аму-Дарье. Его родному брату Исмаилу должно исполниться уже тринадцать лет. Душанбинские родственники матери еще два года назад рассказывали, что он очень похож на отца. Шел сентябрь 2001 года. Вернувшись в служебную квартиру на душанбинской улице Техрони (Тегеранской), он решил позвонить двоюродному дяде матери бобо Бахтияру. Бобо тихо произнес: «В Кундузе талибы ведут охоту на хозяев опикурилен. Так что...» Когда Али включил телевизор, президент Путин выражал соболезнования Джорджу Бушу. На казенном никелированном календаре стояло 11 сентября. Выйдя в тот же

вечер на проспект Рудаки, Али обернется на заговорщицкое предложение по виду афганца в камуфляже: «Эй, командон. Руски ханум нада?» Так его в первый раз признали за русского. До сих пор для него «руски ханум» была только Светлана. Отведя альфонса во двор бывшего кафе «Шарк» (Восток), Али также впервые будет бить своего земляка. Бить ногами, брезгуя касаться руками. Бить, сожалея, что под руками нет главного афганского орудия «бесследного» возмездия — обмотанной войлоком увесистой дубины. Бить тем сильнее, чем тот явственней начнет подозревать встречу с соотечественником-кундузцем. Бил альфонса, а мстил Виктору Кирсанову. Мстил за свою разорванную жизнь.

Впервые за тринадцать лет Али вернется в Кундуз с войсками Рашида Дустома. Войдет как российский офицер, без акцента ставящий задачи замешкавшемуся майору-эмчээсовцу. Это случится уже зимой 2002-го. Обнищавшую беззубую мать, теряющую рассудок после недавней казни мужа, он, вопреки всем законам и правилам, посадит в вертолет российского МЧС. Без документов. И без брата. Его месяцем раньше заберут талибы, учившие всех юнцов стрелять из гранатометов. Собирая в десантную сумку все наследство рода эль-Кундузи, он в последнюю очередь запихнет помятую замызганную фотографию отца, снятого на фоне каких-то перекрашенных в зеленый цвет куполов. В дорисованных одеждах. И с дурацкой надписью поверх лозунга на троллейбусе: «хадж, год 1375».

Еще через полгода, летом 2002-го, на командирской вертолетной площадке «Бронза» в чеченской Ханкале его встретит один из руководителей контртеррористической операции на Северном Кавказе странноватый, как и все военные интеллигенты, полковник Виктор Алексеевич Стальцов, которого он, кажется, когда-то видел. Накануне взятый в Чечне наркокурьер, он же связной Аль-Каиды Саид Абдул Кабир эль-Кундузи на допросе назвал Али Абдул Гафура своим двоюродным братом и пособником. Изобличенный в участии в буденновском рейде Басаева, а до того — в нападении на гудермесский райотдел милиции в 1994 году, он заложил... Заложил всех. Чтобы тоже отомстить. В том числе и родному дяде — бобо Бахтияру из Душанбе, далекому — седьмая вода на киселе — родственнику таджикского кази-колона (имама) времен гражданской войны по имени Турадджонзада. Полковник, неплохо знавший не только послужной список капитана Назарова, но и персидский язык, после десяти общеознакомительных фраз предложил Гафуру прогуляться вокруг волейбольной площадки. Говорили они вполголоса. На дари. «И где он, этот брат?» — «Покончил с собой. Под тяжестью улики». — «Рафик

дагерволь — товарищ полковник... Его — вы?» — «Нет, им занимался подполковник Кирсанов Виктор Алексеевич. Мой тезка. Он, кстати, вас знает. А меня вы помните?..» — «А протоколы допросов?» — «Вы их прочтете. Там сплошная путаница. И имя ваше названо с искажениями, и другое...» — «А можно встретиться с подполковником Кирсановым?» — «Он на задании. Знаете, это между нами, у него много проблем. Жена, говорит, ушла, поэтому сюда и напросился. Бывает... Но по вашему делу мы дали неподтверждение. Вам — лишь подписаться под ознакомлением. Порядок, сами знаете...»

Али не помнил, как летел из Моздока в Москву. Вернувшись в свою холостяцкую однокомнатную квартиру в Бирюлево, он первым делом налил стакан водки. Потом открыл подаренный Стальцовым зеленый пластиковый паек-рацион. Сначала он позвонил маминной сиделке. Она сказала, что улучшения нет и вообще не понимает, что говорит эта «узбечка» — то про Ташкент, то про «сефаратэ шурави» (посольство) или восьмое марта. Все время ищет Исмаила... Еще через глоток Али набрал номер отставного полковника Кирсанова: «Послушай, Алеша. Витя в первый раз повел себя как двоюродный брат... Сам знаешь, какие они бывают. А сейчас он стал тебе родным... кровным. Прими это как есть. И вообще... не бойся любить себя...». И еще, как востоковед Алексей Михайлович не мог не вспомнить что-то из восточных притч: «Дурак живет прошлым, безумец — будущим, остальные — настоящим». Краснодар ответил долгими ночными гудками: «Поздно. Где ты был все три года?» Русский капитан Назаров допил водку и достал листок мелованной бумаги: «В связи с открывшимися обстоятельствами, в кои ранее я не был посвящен, но предвидеть которые был обязан, прошу вас ходатайствовать перед вышестоящим командованием об увольнении меня с действительной службы по личным мотивам...» Сев в свой дешевенький фольксваген, он включил радио. Из динамиков звучало окончание стародавней песни: «...еще страшней, когда разлюбишь ты...»

Последний аккорд перебил неожиданный звонок по мобильному телефону...

ЧЕЧНЯ

Сначала были деньги

Об истоках и начале чеченской войны мы и сегодня знаем не намного больше, чем в декабре 1994 года. Пока здоровы и политически живы те, кто ее начинал, особые открытия нас не ждут. Впрочем, более разговорчивы рядовые участники событий, предшествовавших новогоднему штурму Грозного.

С чего началась война?

Уже тогда возникал вопрос: как правомерно-советский генерал Дудаев стал лидером сепаратистов? Что стало Рубиконом в эволюции его взглядов? Наблюдения его тогдашних соратников и родственников дают пищу для размышлений. Возьмем расхожее мнение о том, что в начале девяностых Дудаев был направлен в Чечню Ельциным для свержения прогорбачевского клана Завгаева — последнего первого секретаря чечено-ингушского обкома. Это мнение не подтверждают очевидцы. Дудаев, «конгрессом чеченского народа» избранный главой Чечни (еще в составе Чечено-Ингушетии), предложил Завгаеву пост президента Ичкерии, до поры довольствуясь неформально-общественным лидерством. Куда бы пошла Чечня, если бы Завгаев взял союзником всечеченски признанного, но политически не искушенного первого генерала-чеченца? Даже став первым политическим лицом в отрывающейся от Москвы республике, он, скорее всего, рвать с Россией не решился бы. Его окружение составляли сегодня забытые, но привычные ему по многолетнему опыту военной службы бывшие советские полковники Шамханов, Дениев, а также мой собеседник, ныне занимающий один из заметных постов в сегодняшней Чечне, поэтому ограничимся первой буквой его имени.

На вопрос, что хотел Дудаев, С. ответил: «Не допустить взрыва страстей у земляков — носителей излишне “подсолнечного” темперамента. Ожидаемые события в Союзе (Югославия к тому времени уже полыхнула) не исключали кровь. В будущем Джохар рассчитывал на широкую автономию республики в составе нового Союза — о другом до конца 91-го года никто не думал». Сходной позиции придерживался главный интеллигент в тогдашней чеченской элите — диссидентствующий актер Ахмед Закаев, а также возникший на политической периферии еще один полковник — Масхадов. Непримируемыми они стали потом. Дудаеву противостоял главный (тоже по-своему непримиримый) федералист — влиятельный мэр Грозного Бислан Гантамиров, убежденный в своей эксклюзивной ценности для Москвы после сдачи ею Завгаева.

Еще одно «если»: если бы Москва с самого начала среагировала на Гантамирова, не допустила его бодания с Дудаевым, более того — объединила всех «примиримых»? Но Борис Николаич с Михал Сергеичем никак, понимаешь, не находили консенсуса. На этом фоне окрепла третья внутричеченская сила, к 1994 году ставшая первой — криминал-сепаратисты с идейно-исламистским самооправданием. Их объединили Яндарбиев, Басаев, Удугов.

С. считает: «Война началась, когда через них Дудаеву пришли деньги». И добавляет: «Я ушел от Джохара, когда в его доме в Катаяме появились коробки от бананов, наполненные пачками “зеленых”. Я спросил: “Как ты собираешься их отмыть?” Дудаев помолчал и отрешенно ответил: “Я не могу отмыться уже сам”».

Матчасть войны

Малоизвестная справка: к декабрю 1994 года Дудаев имел до 50 тысяч в основном ополченцев, вооруженных 42 танками, 66 боевыми машинами пехоты и бронетранспортерами, 120 артиллерийскими орудиями, 42 тысячами единиц стрелкового оружия, 27 вагонами боеприпасов. Это осталось от советских частей после их спешного и ничем не объяснимого вывода в 1992 году. В защиту военных, прежде всего тех, кто отвечал за арсеналы, приведем мнение дудаевца: более половины «крупных стволов» были явочным порядком выведены из строя. Рассказывает бывший зампотех танковой части: «Технику принимал мой бывший прапор-западенец. Сука дудаевская. Проверил ходовую часть. Но, ручаюсь, ни один танк стрелять не мог».

А сверху шли приказы с очевидным подтекстом: пусть все идет, как идет, но если что — спуску не будет. Свое дело делали и те самые деньги, в армейских порядках явно не засветившиеся. А еще — «сложные» по происхождению дудаевские советники, подписывавшие заявки на восполнение некомплекта. С чем до зимы 1994-го прибывали в Грозный самолеты из освободившейся от «советского тоталитаризма» Восточной Европы? Кто хочет, поверит, что с излишествовавшим после ухода «оккупантов» банно-прачечным имуществом. Не увлекаясь поисками мировой закулисы с вечно гадающим нам турком (немцем, англичанином, американцем...), ограничимся констатацией: тема иностранного участия в подготовке сепаратистов — тикающая бомба. И все же, чем руководствовались те, кто дважды за четыре года (в 1992 и 1996 годах) подписывал распоряжения о передаче имущества «чеченской стороне»? Служили ли в Чечне их сыновья? Скандальных отставок по этому поводу память не сохранила. Существует и иной, реже задаваемый вопрос: на что рассчитывали дудаевские власти, вооружавшие народ так, как это запомнилось другому моему собеседнику, тоже предпочитающему не раскрывать своего имени? «Автоматы грудой свалили с КамАЗа (!). Эмир, бывший товаровед (!), расписался в квитанции за списочный состав ополченцев — фактически всех мужчин от 14 до 50 лет, потом запер оружие в своем магазине. Магазин вскоре ограбили, наверх доложили о рейде федеральных спецназовцев. Потом, правда, привезли еще. А эмира после убили. Говорят, из-за денег».

Мифы и мотивация

Еще менее известная тема: как Дудаеву с Басаевым удалось загнать в окопы почти весь чеченский народ? За кого — Басаева с Радиевым? — шел умирать и грозненский инженер-нефтяник, и гудермесский железнодорожник. Рассказывает родственник Кадырова, отвоевавший за Дудаева всю первую кампанию: «Нам сказали, что есть указ Ельцина о повторной депортации всех чеченцев. Причем на сей раз с уничтожением всех до одного. Знаешь, с чего началась война? С захвата грозненского изолятора — говорили, там сидят шесть азербайджанцев, которые пришли в Чечню, чтобы предупредить чеченцев. Потом я встречал многих бывших зэков — все они говорили, что азербайджанцы-спасители сидели именно с ними — в том числе и за пределами Чечни. Многим освобожденным выдали по 300—500 долларов как пострадавшим от московского режима. Большинство зэков той

волны долго не прожили, в том числе из-за наступившей здесь с 1993 года всесоюзной бандитской вольницы: «Парень-шатоец ехал в Грозный, чтобы поступить в охрану Дудаева. Его взяли в заложники. А отцу предложили выложить 5 тысяч баксов. Отец пожаловался Дудаеву. Тот отрядил своих охранников на выручку. В кровавом месиво погибли почти все бандиты. Чеченцев среди них не было»».

Я спросил: «Неужели никто из чеченцев не задался вопросом: зачем Москве новая депортация?» Получил ответ: «Говорили, что чеченцы — самые богатые в Союзе. Поэтому в их домах расселят выводимых из Европы военных». Было и теоретическое обоснование. Вот конспект политзанятий на тему «Почему побеждают чеченцы?». Пункт первый: «Пророк Мохаммед, Коран о неизбежности победы чеченского народа». Пункт второй: «Первый президент Чеченской Республики Ичкерия Джохар Дудаев о неизбежности» того же. Пункт третий — в оригинальной стилистике: «Руски собаки — дураки». Ничего не напоминает? Красноречивый подпункт: «Сколько Русня задолжала чеченцам?» На сепаратистском плакате-аналоге «зовущей матери»: Дудаев в пилотке и с волком у ног: «Наш бог — свобода. Наш закон — война». Заменя «наш» на «их» — строчка из Лермонтова. Впрочем, кого это волновало, если с начала девяностых здесь ждали, когда «из кухонных кранов кавказских кувейтцев потечет коньяк»?

Не сдающиеся пособники Дудаева

Это в первую очередь русскоязычные представители транснациональных корпораций, чей патриотизм легендами не оваян. Очевидны «военно-чеченские» интересы мировых нефтетранзитчиков, опасющихся стратегической конкуренции со стороны стабильной России. Война вспыхнула как раз тогда, когда нефтезапасы каспийского дна были названы вторыми по объему после Персидского залива с Ираком-Кувейтом и саудитами-эмиратами: сотни миллиардов долларов на тридцатилетнюю перспективу. Если это так, то труба, проходящая через Чечню — Ставрополье — Кубань, обогатила бы все окрестное население. Десятилетняя же война, какими бы ни были оценки каспийского нефтяного потенциала, пока съедает наши бездонные ресурсы. Это первое, что не требует экспертизы. Безотносительно нефти признаем второе. Никто из наших новых партнеров практической помощи в борьбе с сепаратизмом нам не оказал. «У России, сынок, два союзника — армия и флот», — говаривал Александр III будущему императору Николаю II.

Нескончаемое чеченское лихолетье — это фактор многими желаемого ослабления России, которое нашим ненавистникам неизмеримо дороже любого сочувствия к жертвам Буденновска, «Норд-Оста», Беслана... Скажем больше: происходящее в республике определяет по принципу реостата силу внешнего давления на Москву: уступаем натовскому расширению — нас на время «не ругают» за зачистку Чечен-Аула. Критикуем американцев за Ирак — значит, плохо учимся демократии и Чечня тому — «всепогодный» пример. Третье и, пожалуй, главное: эхо грозненской канонады уже десять лет в немалой степени задает мещанское отношение к федеральной власти: нет терактов — и слава богу! Главное, чтобы доллар не обвалился. Допустили теракт, значит, трехтысячные «новогодние» потери ничему власть не научили. Технология противопоставления общества государству освоена в декабре 1994-го, когда на дудаевской стороне оказалось большинство отечественного журналистского сообщества, представителей прочих гражданских институтов. Увы, государственная информационная машина так и не научилась взаимопольному диалогу со всеми согражданами, во всяком случае — по теме Чечни. Наш правый политический фланг по-прежнему считает, что от шахидов можно отделиться рвом или забором, а военные — главные провокаторы очередной волны взаимного насилия. Левые, кроме пресловутого импичмента, ничего внятного предложить не смогли. А центр, во всех странах представляющий интегрирующее начало нации, главных выразителей национальной идеи, имеет партию, но не социальную опору. Следовательно, нет глубинной патриотической идеологии, не подменяемой партийными установками. Федералы и общество остаются если не в афронте друг другу, то без взаимного доверия.

Свернуть голову 50-тысячной армии генерала Дудаева — при любых спорах о нем самом и времени, в котором он жил, оказалось проще.

Прорыв от Крюкова канала*

Боевые приказы рождаются штабными мудрецами, а исполняет их глупая война... От того-то и мужество военное встречается чаще мужества гражданского, что не все на войне идет по плану. Мы сейчас — о разведчиках, без которых войны подчас начинают, но никогда не выигрывают...

* Отдельные сюжеты чеченской прозы вошли в военный роман «Рота. Дожить до весны». Автор — Андрей Константинов при участии Романа Цепова и Бориса Подопригоры. Издательство «Олма-пресс», 2004.

Начальником разведки федеральной группировки был полковник Сергей Алексеевич Вальховский. Как и подобает разведчику, в глаза он не бросался, но личностью был заметной. Происходил из потомственных военных, которые берегли не только коричневые картонки семейных фотокарточек, но и традиции своего рода. Вместе с ермоловским крестом «За службу на Кавказе», полученным еще его прапрадедом, командиром кавалерийского полка, за взятие Чечен-Аула, из поколения в поколение передавались и духовные заповеди: Вальховские не стреляют ни в царей, ни в народ. Или: Вальховские обходятся без гувернеров и ими не служат...

Дед по линии отца — выпускник Академии Генерального штаба. В Первую мировую служил у генерала Брусилова непосредственно в подчинении его начальника штаба — не менее известного генерала Деникина. Того самого — кстати, скупого на награды. Но за Брусиловский прорыв, во многом предопределивший благополучный для Антанты исход всей мировой войны, именно Антон Иванович наградил штабс-капитана Вальховского вторым после Порт-Артура офицерским Георгием. Было за что: разработанный при его участии план стратегической маскировки впоследствии стал учебным пособием для военных академий. Еще раньше, в Порт-Артуре, судьба свела двух поручиков-квартирмейстеров: Сергея Вальховского и Владимира Мерзлякова. Владимир по окончании восточного отделения Императорского Санкт-Петербургского университета считался одним из лучших в армии переводчиков с китайского языка. По семейной легенде, он последним видел в живых адмирала Макарова и художника Верещагина. На сестре Мерзлякова, Сонечке, субтильной петербурженке и учительнице французского языка, потом и женился полный тезка и дед нашего Сергея Алексеевича. В 97-м, находясь в составе российского миротворческого контингента на Балканах, уже полковник Вальховский нашел на белградском кладбище Нове гробле скромный крест: «Владимир Галактионович Мерзляков. 1878—1920. Упокой, Господи, душу Его, русскую»...

А вот штабс-капитан Вальховский встал под красные знамена, позже воевал в Испании и к 1937 году вырос до комбрига — начальника разведки округа. Расстрелян вместе со своим начальником, командармом Корком. Оставил сына Алексея, недоучившегося по понятным причинам курсанта артиллерийского училища. Худшего не произошло: супруги Вальховские развелись накануне ареста комбрига: возможно, именно так он, предвидевший свою участь, отводил удар от семьи.

Финская война частично реабилитировала Алексея: приняв командование взводом, красноармеец Вальховский первым водрузил флаг на трехэтажном бункере линии Маннергейма. Награды он, конечно, не получил, но дважды направлялся на офицерские курсы. Дважды и возвращался ни с чем. Демобилизоваться не успел. 22 июня 1941 года встретил рядовым во взводе артиллерийской разведки. Как сказать, было ли это восстановлением справедливости, но зимой 1941-го после Невской Дубровки старшину Вальховского все-таки направили в Ленинград доучиваться на офицера.

Блокадный дом на проспекте Римского-Корсакова, где жили мать, Софья Галактионовна Мерзлякова, с младшей дочерью и бабушкой, был мертвым во всех смыслах слова. Открыв вмерзшую в косяк дверь, Алексей нашел у порога свою мать. Окоченевшей. И еще бабушку и одиннадцать тел соседей по большой коммунальной квартире. Сестры не было. Собрав одеяла-ковры, ремни и веревки, старшина стаскивал тела на площадь Тургенева, где замерзшие трупы складывали, как дрова. Хоть и легкими были мертвецы, но раненный в оба плеча старшина за одну ходку больше двух оттащить не мог. Когда Алексей вернулся за матерью и бабушкой, из скрипнувшей парадной показался силуэт старика-доходяги — соседа по двору. «Вы Веру Вальховскую из четырнадцатой квартиры не видели? Девчонка восьми лет? Рыженькая такая, не помните?» Старик меланхолично произнес: «Не видел». Потом, когда Алексей вытащил на улицу последних жильцов четырнадцатой квартиры, не уходивший никуда старик вспомнил: «Посмотри, солдат, вон в том подвале. Там вчера что-то варили. Пар шел».

Дверь в подвал не открывалась, но Алексей, завершив прощальный обряд, все-таки вернулся к дому. Совсем из другого подвала донесся запах чего-то горелого. И, кажется, даже голоса. Алексей раскопал занесенное снегом окошко, влез. Там в темноте искрились какие-то огоньки. Посветив фонариком, Алексей нашел двух девчонок, опаливавших на костерке мерзлую крысу. Одна, постарше, со знакомым еврейским акцентом чему-то назидательно учила младшую... Свою сестренку Верку и двенадцатилетнюю соседку Бэлку, внучку профессора Гринберга, Алексей повел сдавать в детдом на Демидовом переулке. Шли сначала по Римского-Корсакова, потом по такому же безлюдному Крюкову каналу. У Мариинского театра они остановились: женщина непонятного возраста пыталась взобраться на сугроб, скрывавший перила моста; но сил не хватало, и она соскальзывала вниз. Даже не глазами, а выбившимися из-под платка прядями она кивала на пробитую снарядами полынью и отрешенно шептала: «Не могу видеть, как умрет Настенька». Алексей достал из вещмешка буханку и двумя руками

протянул ее Матери... Они еще долго оборачивались, пока не растворилась в декабрьской метели стоящая на коленях Мать. Осеняла их крестным знаменем... Во имя Отца, Сына... Значит, и Внука...

Недавно умерший Алексей Сергеевич Вальховский закончил войну на Дальнем Востоке майором, начальником разведки полка. Ушел в запас полковником, преподавателем Военной академии, доктором военных и кандидатом филологических наук. Позднее по учебникам отца, а заодно и статьям деда постигал военную науку и слушатель Академии Фрунзе Сергей Алексеевич Вальховский, пятый в роду полковник российской армии. Отец офицера, единственного сына в благополучной московской семье. Дед только что родившегося внучонка, Сережки.

* * *

Сергей Алексеевич долго стоял перед занятым боевиками Грозным и что-то внимательно разглядывал в бинокль. К нему подошел нестроевого вида агентурный начальник в гражданке, и они некоторое время вполголоса что-то подсчитывали. Непосвященный мог понять только последние слова: «Нет, Геннадий Александрович, не четыре, а все шесть тысяч». Именно столько на самом деле и было в Грозном боевиков — бойцов, по существу, регулярных формирований масхадовцев. Как их выбить из разрушенного города, еще недавно едва ли не самого красивого на Северном Кавказе? И с минимальными потерями для федералов? План начальника разведки приняли не сразу. Он состоял в том, чтобы после мощных ударов по основным узлам обороны оставить соблазнительно открытыми для боевиков несколько коридоров. Лучше по направлению к горам. Но как заманить боевиков «свободным» проходом именно туда, где для них готовят ловушку? Кого послать к масхадовцам с правдоподобной подсказкой?

Командование торопило, но решение принималось непросто. Уже в штабной «бабочке» выкуривший полпачки сигарет полковник Вальховский позвонил агентурщику: «Геннадий Александрович, пришли сюда моего Алексея». И добавил уже официально: «Капитана Вальховского к начальнику разведки». Сын полковника, участник «первой Чечни», несколько раз бывал в Грозном и при масхадовцах — внешность позволяла, да и не дурак. Арабист, с красным дипломом окончивший Военный университет (в прошлом Военный институт иностранных языков Красной армии, где после Великой Отечественной учился и его дед — полный тезка), Вальховский-младший рассматривался кандидатом для поступления в очень серьезный профильный вуз. Документы на имя майора Власова (фамилия —

уже часть замысла) с соответствующей легендой были готовы к вечеру. «Предателю Власову» предстояло выйти на масхадовское командование с предложением торга. За рукописные (на кальке) копии карт оперативной обстановки, так называемые кроки, майор Власов намеревался выкупить из плена своего «брата»: разведчики знали, что солдат по фамилии Власов действительно находился среди заложников у некоего Доку Саламова, но, по оперативным данным, в живых его уже не было. Общение майора Власова с боевиками должно было происходить в два захода. В промежутке планировалось нанести по масхадовцам главный удар. Стоит ли говорить о возможных для офицера-федерала последствиях?..

Алексей спустился в город под вечер следующего дня. Как ему удалось пройти несколько масхадовских застав и ополченческих (к счастью!) патрулей, он, возможно, когда-нибудь расскажет сам. Его путь лежал не прямо в «штаб обороны Ичкерии», а в бывшее отделение милиции аэропорта Северный. Там, по информации командования, должен был находиться перекрасившийся сотрудник еще советской милиции, имевший собственный интерес: он состоял в родстве с влиятельным масхадовским командиром — Доку Саламовым. Доку, в свою очередь, как никто другой, стремился быстрее покинуть Грозный, да еще в ореоле спасителя чуть ли не всего сепаратистского движения. Десять лет промышлявший захватом заложников, он слыл человеком небедным, но с «товарищами по движению» делился далеко не «по понятиям». За это и чувствовал по отношению к себе брезгливость Масхадова и «приветливый взгляд исподлобья» Радуева, Бараева и особенно Басаева — главного конкурента по тейпу бенной. Причем уйти из обреченного города Доку собирался не в чисто-поле, а туда, где прятал «семейные накопления» — не меньше чемодана. Но и политическое влияние «бригадный генерал», он же — всяческий «председатель-уполномоченный», терять не хотел: привык быть у руля.

Бывший милиционер принял гостя не без опаски. Постоянно поглядывал на противоположную сторону дороги, где находился Галанчежский райотдел департамента шариатской госбезопасности Ичкерии. Вопли пытаемых доносились оттуда каждую ночь. Особенно после того, как из соседнего с дэшэгбистами дома уехали федеральные эмвэдэшники — единственные представители Москвы при Масхадове. Это произошло в 1998-м после похищения в аэропорту Северный генерала Шпигуна. Майор Власов передал часть рукописной карты и записку с описанием обстоятельств пропажи брата. В записке содержались условия следующей встречи — через сутки у последнего дома в станице Петропавловской

должна остановиться машина: будет в ней брат — будут и другие такие же карты, не будет брата — цена картам 10 тысяч зеленых на выкуп пропавшего, но уже по другим каналам.

Вернувшегося под утро капитана Вальховского подробно расспрашивал отец. А вот записка майора Власова, минуя Доку, дошла до Масхадова той же ночью. Бывший советский полковник — волк стрелянный. Он даже вслух размышлял, откуда растут ноги — из ФСБ или военной разведки. Тем не менее поставил задачу полковому командиру Халеду Юнусу проверить надежность подкаazanной «калитки». Почему именно ему? Формально потому, что его отряд находился к ней ближе других. Возможно, Масхадов больше доверял Халеду Юнусу как «тезке». После совместного с муфтием Кадыровым хаджа Аслан Алиевич принял имя Халед. Так же, как и его менее известный полевой командир — по метрике Хамзат Алихаджиев. Это была еще и проверка на вшивость. Уйдет — значит, предатель. Погибнет — станет шахидом. Проверит и вернется — значит, свой. «Своими» тогда запасались все лидеры Ичкерии. Хамзат вернулся в тот же день: «до Алхан-Калы путь открыт». Удар по позициям боевиков нанесли через полтора часа. Что оставалось делать «штабу обороны»? Масхадов вызвал Доку и в присутствии своих главных инквизиторов из ДШГБ напрямую спросил: «Этот Власов у тебя?» Тот ссылаясь на смену имен, пенял на память (четыре контузии), но сказал честно: «даже если у меня, то — в Ведено. Оттуда не привезти». Раскошелиться на 10 тысяч за сверхценные карты пришлось все-таки ему.

Боевики сложа руки не сидели. Яростно сопротивлялись и заодно искали пути выхода из окруженного города. Их мелкие группы вырывались в пригороды, попадали под удары федералов и откатывались назад. Вернувшись, только ужесточали сопротивление. Поздним вечером у последнего пустого дома станицы Петропавловской притормозила белая «копейка» с дагестанским номером. В ней находились по документам брата Дадаевы, на самом деле аэропортовский милиционер и полевой командир Хамзат. Майор Власов подошел к машине лишь тогда, когда она собиралась было уехать: «Где брат?» — «Будет брат. Где карты?» — «Карты спрятаны. Недалеко». Сидели в машине и молчали. Первым заговорил Хамзат: «Скажи домашний телефон брата. Я проверю, кто ты. Если ты Власов, получишь восемь тысяч и пойдем за картами. Если ты шутник...» Такое предложение было предусмотрено. В далеком Нижнем Тагиле в доме сотрудника ФСБ зазвонил телефон. Голос почти без акцента спросил: «Ромка не нашелся, нет?» Жена фээсбэшника ответила чуть состаренным голосом: «Ой, подождите. Вы что-нибудь знаете о Ромочке?» Гудки означали, что проверка состоялась. Но во внешнем

облике майора все равно было что-то непредательское... И нервничал он как-то не так. Чтобы психологически сблизиться с собеседником, а заодно поймать его на чем-нибудь случайном, Хамзат первым, за ним милиционер вывернули карманы: «Не бойся. Смотри, ствола нет. А нож — это национальный... Теперь — ты». Майор сделал то же самое и добавил: «Карты отдам только за брата. Я передумал». — «Тогда выйди. Позвонить надо». Алексей вышел. Из машины кому-то звонили. «Значит, так: восемь тысяч — и базару нет». Майор стоял на своем... Хамзат внимательно оглядывал подступы к пустой лачуге, из-за которой вышел майор, размышлял: «Если он спрятал карты, то где-то здесь. Да и ближайшие дома как будто жилые». Брикетик новеньких сто долларовых купюр Хамзат извлек из того кармана, который только что был пуст — фокусник! «Или карты за баксы — или...» На второе «или» майор припас аргумент: «Я специально расписался за карты. Если я не вернусь, то... обстановка изменится». И добавил: «Она, я думаю, и так изменится. Дня через три... А пока разойдемся. Завтра в том же месте. Вы — с моим братом». Хамзат понял, что решение принимать нужно на месте. Во-первых, кроки — это не сами карты. За кроки он вряд ли расписывался. А за сутки никто его не хватится. И второе: несмотря на моросивший дождик, майор сел в машину почти в сухом бушлате. Значит, ждал в доме. Там и нужно искать... Но что это? С федеральной стороны как будто показались огни фар... Предусмотреть этого не мог даже начальник разведки, подписавший десятистраничный план операции. В нем и остался нереализованный замысел дальнейших действий...

...Увернуться от удара тем самым «национальным» ножом Алексей не успел. Увы, спецназовцем он не был. Лезвие вошло в шею. «Братья Дадаевы» обшаривали фонариками дом еще полчаса. Нужного не находили. Уже собрались уезжать, когда бывший мент заметил, что на остатки прикрытого навесом забора кто-то недавно мочился. По ассоциации осмотрели и то, что осталось от туалета: вообще-то чеченцы, в отличие от русских, даже в столь неформальной обстановке предпочитают улице туалет. За сохранившимся ящиком для бумаги нашли мятый конверт с неразборчивым штемпелем и детским почерком — на имя Власова Игоря Валерьевича. В конверте находились три листка кальки с теми самыми кроками. Хамзат отзвонился тут же. Белая «копейка» поспешила в сторону Грозного.

Коллега Алексея майор Магомед Гасанов, уже третий месяц «плотно работавший» в Чечне, наблюдал за происходящим в прибор ночного видения. Из дома поодаль, тоже брошенного, он видел, как упал Алексей, как его собеседники обыскивали полуразбитую лачугу, потом уехали возбужденные.

Но Алексей, кажется, все-таки шевелился — вот руку приподнял... Да, во всех других случаях Гасанов должен был прийти на помощь. В других. Не в этом. За свиданием могли наблюдать и с той стороны, причем местные. Те, кто тут же сообщат, что к телу подходил неизвестный. Тогда — кроки не сработают. И, надо сказать, Магомед осторожничал не зря: уже потом в ближайшем от лачуги доме взяли весьма профессионального духовского агента, по крайней мере знавшего позывной Масхадова.

Когда машина ушла, не спавший уже несколько ночей полковник Вальховский получил условленный сигнал: операция проходит по плану, но с осложнением. «С осложнением» — значит, ценой жизни ее проводившего. Все, что мог сделать еще более поседевший за последние сутки начальник разведки, это «разбудить» село привычной стрельбой по квадратам. Вокруг села. Но суеты, на которую рассчитывали для правдоподобной эвакуации тела (убитого? раненого?), увы, вызвать не удалось. К канонаде здешние уже привыкли, да и народу в станице оставалось мало. И лишь когда грозненские боевики стали необратимо собираться к «вальховскому» коридору, ногаец Миша (Магомед) Гасанов получил команду: действовать по обстоятельствам... Алексей был жив, но вместе с сознанием терял и кровь. Когда приходил в себя, пытался зажать рану, но подняться уже не хватало сил. Небесное благословение его не оставило — не то ли, еще дедово? У театрального мостика в блокадном Ленинграде? До сонной артерии нож не достал. Когда над Алексеем склонилась небритая физиономия майора Гасанова, он его не узнал, успел выдавить: «Игорь Власов» и опять потерял сознание. Через двадцать минут его уже увозила медицинская таблетка. Встречавший ее через 12 километров полковник Вальховский поверил медику, сопровождавшему сына в медсанбат: «Через месяц плясать будет...» И, чуть придя в себя, отодрал, как помойного кота, водилу разведбатовской санитарки: тот мышшь летучую намалевал рядом с красным крестом. Тоже мне — с понтом — боец невидимого фронта! Жизнь и война продолжались одновременно...

Не менее трех тысяч боевиков уходили из Грозного по «вальховскому» коридору. Хамзат шел с Басаевым. К устремившимся в прорыв присоединялись все новые и новые формирования масхадовцев. Правда, самого Масхадова с ними не было. Говорили, он с 20—30 особо приближенными успел уйти по коридору-приманке, тому самому, который проверял Хамзат. Как он выскользнул, сегодня уже неважно. Не исключено, что Масхадов все же разгадал замысел федералов: советским офицером он был далеко не последним. Разгадал для себя лично... С уходом десятков приходилось

мириться. Важнее было вывести в чистое поле тысячи... Эти тысячи и устремились в сторону изобавительного Аргунского ущелья. Туман обещал им прикрытие с воздуха. Иными словами, перенесение войны в горы. Но на этот раз поднимать вертолеты не пришлось. В семи-восьми километрах от города колонны остановились. Впереди оказалось минное поле, которое на «власовской» кальке не значилось. Сзади и с флангов медленно, но верно подтягивались федеральные части — в основном пехота и артиллерия... После первых подрывов и артиллерийских залпов отступавшим стало все ясно... Несдающихся «убеждали» прямой наводкой, без соприкосновения с федералами. Второй раз Грозный брали совсем не так, как первый. Донесения о пленных никогда не секретились: больше тысячи, в том числе 22 полевых командира, а также почти весь штаб Басаева. Доку Саламова Басаев расстрелял лично. Сэкономленные им 10 тысяч баксов сочли прямым доказательством его продажности.

Ну, а потом... Партизанские войны так просто не кончаются, но история более-менее регулярных «вооруженных сил Чеченской Республики Ичкерия» завершилась в «вальховском» коридоре. Впереди все же лежали горы. С частью боевиков, пробравшихся туда заблаговременно. Да и местных удельных воинств всех окрасов и повадок там тоже хватало. Туда же устремились и федералы, попутно фильтруя разномастные толпы людей, согнанных войной с насиженных мест. Были ли среди них непримиримые боевики? Конечно были. И многие из них понимали, что при более строгом фильтре за ними потянется хвост ой какой пестрый...

А пока: спасибо тебе, пропавший без вести рядовой майкопской бригады нижнетагилец Рома Власов. Прости, что тебя выручить не сумели... А ты и после своей смерти помог спасти тысячи... В том числе сотни молодых земляков твоих мучителей.

Командующий федеральной группировкой обнял полковника Вальховского: «Сергей Алексеевич, я только что звонил живодерам — ничего страшного с твоим Алексеем нет. Но в Моздок отправим — для страховки. Пиши представление: хочешь — на орден, хочешь — на майора. А пока — мне только что прислали из Ростова, — генерал достал из стола беленькую корбочку с черно-золотым ермоловским крестом «За службу на Кавказе», — вручи прямо сегодня от моего имени — тебе пока не дам». Такой же, только потертый крест хранился среди семейных реликвий Дома Вальховских. Вместе с «красными звездочками» полковника Вальховского-старшего. Жаль, «знамена» и кресты комбрига Вальховского изъяли при аресте.

Жизнь — она как тельняшка...

Солдатское все

Солдатское все — это байки: духовная надстройка жизни. Не раз бывало так: невероятное оказывалось правдой, а «ты же сам видел» — фуфлом. Так к этому и отнесемся.

Вот, например, история о казаке. Звали его Валерий Павлович. Одни говорили, что он из Ставрополя, другие называли его терским — с надтеречной части Чечни. Кому-то он даже записывал свою фамилию, но она как-то не отложилась: Валерь-Палыч и Валерь-Палыч. Серьезный мужик, но ох какой непростой: воевал там, где считал, что служит России. Воевал, считай, с начала 1990-х и рука об руку с очень разными союзниками-попутчиками. «Нефедеральными» в том числе... Погиб казак. Одни рассказывали — подорвался на mine, другие — сам себя подорвал. Вроде как попал в окружение. А действовал в последнее время с такими же, как он, двумя-тремя «профедеральными» одиночками. Когда узнали о его смерти, нашли бумажку с именем — типа визитки. И прочли: Валерий Павлович Луспекаев. И телефон, начинающийся с кода 812. Налили. За державу обидно.

Был еще Серега Виноградов — почти сорокалетний контрабас. Простой, как «Прима», но балагур — то ли от Бога, то ли от черта, то ли от того и другого сразу. О чем только он не травил! И сам Брежнев его на руках нянчил, и хоккеист Старшинов — его дядя, и у Гагарина в гостях бывал. Пацаны смеялись, подначивали, просили подробностей: правда, что этот (называли спортивную или иную знаменитость) пил как лошадь? а что пил? Попутно выясняли, кто с чьими женами как себя вел. Тут Серега, когда был под хмельком, так живописал, что и порнухи не надо. Но чаще стеснялся... Думали — фантазии не хватает. Но потом опять садились вокруг печки и снова спрашивали: «И чего — Гагарин?.. А она — чего?..» И опять балдели: во дает! Закончился у Сереги контракт. Уехал. Через месяц прислал мужикам ксерокопии нескольких фотографий: и вправду, он какой-то родственник хоккеиста Старшинова. Потому и крутился еще малолеткой вокруг культовой по тому времени хоккейной сборной. Отсюда и Брежнев с Гагариным.

Много баек о бабах. От их дефицита. Что ни говори, а солдат, особенно контрактник, завсегда об ей думает. Да и среди господ-офицеров celibat не замечен. Так что все поголовно сублимируют в байки. Самое безобидное — это когда громко завидуют тем, кто служит в больших гарнизонах. Туда приезжают артисточки и вообще «телки» ходят необъезженными

табунами. Уверяли, что некоторые специально сооружали для актрис-певичек высокие подмостки, чтобы наслаждаться не только музыкой. Только никакие конкретные гарнизоны при этом не назывались. А гарнизонные «мадонны» — тема мутная. Тут диапазон — от и до. Большинство все же посередине. Не жить же в одиночку, но и домой дурную репутацию везти зорно. Молва распространяется с профессиональной оперативностью: большинство женщин — телеграфистки. Как правило, одиночки. А медички? Часто приезжают сплоченными женско-мужскими коллективами: посторонним вход воспрещен. Подсел выздоравливающий к дежурной сестричке, юной и нежной: «Хочется?» Покраснела: «Очень». А сама на руки ему смотрит. Е-мое, так это она о кетчупе — в холодильник нес. Поставил перед ней бутылочку и пошел, бедолага, спать.

То там, то здесь оказываются на блокпостах «обалденные» залетные журналистки или «ищущие мужского плеча душевные» дамы. Остаются ночевать после универсального средства от простуды. Много ли, мало их на самом деле, но насчет журналисток, точнее одной, — история такая. Ее, кстати, небезызвестную, искали недели две: родная редакция спохватилась. Дошло до самого верха — выше не бывает: «вы что!?!», «похищен журналист, а командование и ухом не ведет!»... Ее нашел замкомандующего группировкой. Случайно. Пьяная, одеться сама не может. Да и из одежды на ней — чуть ли не одна аккредитационная карточка, оформленная правильно и непросроченная. У прапора, начальника блокпоста, спрашивают, почему она здесь. «А куда ее девать? Она с утра уходит “за живым материалом”, потом возвращается — датая». — «А почему не доложили?» — Молчит. Найденная «фея пера» — девица, судя по публикациям, вполне патриотичная. И по судьбе — несчастная, откровенна, как первоклассница у врача. Но «тему» она задала хлопотную. Оставлять ее на блокпосту нельзя, а забирать — вроде как «злоупотребляешь служебным положением». Решение пришло само. Прямо с поста звонит замкомандующего в Ханкалу: нашлась, мол, такая; доложите тому, тому и еще этому. Значит, увозит ее «официально». Приехали в Ханкалу. Вечер. Вертолеты — только завтра. Куда ее девать? Пошел замкомандующего по женским контейнерам — устраивать гостью на ночлег: подчиненных подставлять неудобно. Женщины ухмыляются: где взял, туда и отдай. Нашелся-таки пустой контейнер. Попрощались. Через полчаса она заявляется — в том виде, в котором ложатся спать, просит займы бутылку. Иначе — не уснет. В присутствии понятых (не дай бог, такого понапишет!) налили стакан. А дальше — как в «Осеннем марафоне»: «А поговорить?» А работы в тот вечер выдалось немерено! Через каждые

полчаса то посыльный, то сам порученец командующего заглядывают: «Вас, товарищ полковник, к правительственной связи». Утром с ней расстались: приехали — подарили новый камуфляж, посадили на ближайший борт до Моздока. Аккредитацию отобрали, но без дискредитирующих барышню последствий. Дальше — хоть стой, хоть падай. Ее чеченские публикации признали едва ли не лучшими на тему всенародной помощи воюющей группировке.

С чеченками — все ясно. В массе — морально неуступчивы. Говорили, правда, что в тех же Шалах уже 20 проституток. Только не про нашу это честь. Хотя и упоминают о каких-то местных путанах: полупридурочных-полубомжистых. Отсюда и молва, что чеченки не только не забытые, но порой даже очень «творческие». Отдельная тема: поймали сообщницу духов. И всей ротой оставили ее в живых. Аж дух захватывает! Только если что и было, то вряд ли кто из участников-очевидцев в этом признается: желающих повторить судьбу полковника Буданова что-то не находится...

Тут и предисловие к полуполюгендарной, столь же деликатной теме прибалтийских или прочих снайперш, так называемых белых или еще каких «колготок». Вообще говоря, колготки — не самый практичный на войне вид одежды, да и не самый «верхний». Пока тетенька жива, что там она носит снизу, вопрос, конечно, интересный. Но вживую сверху — чаще камуфляж-унисекс, на худой конец — брюки. Сами чеченки не в счет: разговор не о них. А если нашли труп, то столь «въедливого поисковика» самого еще надо поискать: брезгливость сильнее любопытства. Да и зачем?.. Может, кто из снайперш и носил белые колготки — для адреналина. Но, скорее всего, это — журналистский штамп. А вот русские женщины на дорогах Чечни, в том числе нестарые, иногда встречаются. Порой с непонятными документами и невразумительным объяснением, что они здесь делают. Кого-то из них фильтруют, но по чеченским весям русские жены и сестры действительно разыскивают своих пропавших без вести... Иногда даже предъявляют духовские бумажки... Жизнь — она, конечно, о разных сторонах. Только трудно вообразить, что та, кто ищет близкого, думает о чем-то еще... А кто ищет другого? Нужно ли для этого ездить в Чечню?

Один же рассказ кое-какие подтверждения получил. Ходили в одну спортивную школу парень и девушка — постарше. Занимались сначала биатлоном, затем она перевелась на одну стрельбу. Настырная девка — на мастера спорта сдала. Сережки оригинальные носила — черно-зеленый

«камуфлированный» квадратик — запомнились. Потом жизнь развела. Парень стал прапором-спецназером. Ехал в электричке из Прохладного в Моздок, узнал девчонку по сережкам, подсел. Она: «Обознался, парень. Не Аня я — Вера. К мужу еду. Во Владикавказ. Сережки? Он и подарил. На восьмое марта». Не поверил спецназер: она это, она — только постарела. Расстались... Брал спецназ дом в Грозном. Тяжело было. Снайпер с восьмого этажа грамотно работал: пять трупов за час. И все же сбросило снайпера взрывом. Упала под ноги того же спецназера. С теми же сережками. Кто-то, ожесточившись, вырвал сережку с частью уха — спецназовец забрал ее с собой. Приехал в отпуск. Через бывшего тренера нашел адрес. Поднялся в квартиру: «Где Аня?» — «Анечка в Италии работает, вот уже два раза по 300 долларов прислала: у нее ведь сынишка. А вы проходите... Она вас помнит». Постоял спецназер: показать сережку или нет? Говорит: «У вас из почтового ящика конверт иностранный торчит. Может, от Ани?» — «Ой, наконец-то. Сейчас спущусь». У пустого ящика первым оказался спецназер. Бросил сережку с частью синей мочки. Так было или иначе, но место событий называли одинаково: у станции метро «Удельная», Санкт-Петербург.

Отдельная тема: прибытие пополнения. Новички, особенно контрактники, свои байки рассказывают, а старожилы их к «духовной жизни» коллектива приобщают. Главное, чтобы рассказ был и правдоподобный, и плутоватый (начальника подкололи), и цепляющий за живое, и немного сентиментальный. То есть бугорок на ровной поверхности серых буден. Хорошо, если он еще и на притчу похож. Вот спрашивают: будут ли «иностранцы» из бывшего Союза в «красной армии» служить? Так они уже служат. Много ли, мало — другой вопрос... А история такая: жили-были два родных брата, не близнецы, но друг на друга похожи. Один в Ростовской области жил — русский, значит. Другой — в Донецкой. То есть по паспорту — хохол. Хохол, звали его Семен, до 1992-го в Советской армии прапорщиком служил. Уволился, пошел работать в шахту, но шахта закрылась. А семья — будь здоров: семеро по лавкам. Приезжает в братское зарубежье, просит «русского» брата: «"Потеряй" паспорт, но сразу не заявляй». А сам с его паспортом — в военкомат. И «характеристики» принес. Так, мол, и так — возьмите контрактником. Взяли Семена. В Чечню направили. Хорошо служил: всю дагестанскую операцию взводного заменял, контужен был, на медаль Суворова послали. Хоть и малость прижимист: никому не одалживал, не пил, не курил, «боевые» всеми правдами-неправдами выцарапывал и сразу домой отправлял. Вдруг с опером-особистом целая боевая

группа приезжает — «засланного духа» вязать. Разобрались: Семен, оказывается, ежемесячными пятью-семью тысячами заделал «рокфеллерами» все свое семейство. Такое не скроешь: в его «хохлошахтинске» половина населения зубы на полку кладет. Соседи от зависти «бдительность проявили». Просигналили в местную «беспеку-сигуранцу»: такой-то в Чечню подался — наверняка к боевикам. «Беспековский» же начальник оказался горячим патриотом России: сообщил коллегам через границу. Те — к брату. Раскрутили... Уволили Семена. Правда, ротный ему и за последний «грешный» месяц «боевые» выбил. Через месяц ехал другой контрактник через Ростов. В привокзальном кабаке встретил Семена — он на самом деле Ленькой был. В Чечне Ленька спиртное на дух не переносил. А тут разливает с бомжами «Великорусскую». Рассказывает: вернулся домой — те же сусиды ему с порога: «Гэть, морда бандитская!» Перевез домочадцев к тестю в Ростов. Стал работу искать... Куда ни придет — через час в «обезьяннике» оказывается. Ориентировку на «террориста» разослали, а забрать забыли. Или говорят то же, что и на родине. Только на великом-могучем... Сидит Ленька пьяненький, плачет: «Может, и вправду надо было к духам податься? Хоть необидно бы было». Но — что любопытно — добавляет: «Невезучий я. Только с моей шахты двое таким же макаром в российскую армию устроились. Помнишь Генку, царствие ему небесное? Деньги с ним передавал... Так он такой же Генка, как я — Сенька!»

Применение тактических приемов и боевых средств тоже обсуждают. Чем дальше они от десантной стези, тем интереснее: свои «дела» и так знаешь. В первую кампанию дело было: пригнали вэвэшники бэтээр с «матюгальником», чтобы духов распропагандировать. Те на консервном заводе засели. Причем ситуация такая: на первом этаже — федералы, второй держат духи, за третий этаж бой идет. А самого спеца-«матюгальщика», видать, не было. Посадили вроде как техника роты — станцией управлять умел. Геройский парень: он и задачу усвоил, и слова ключевые запомнил, а диспозицию изучил вообще досконально. Только по национальности он то ли абхаз, то ли сван. Что тут про акцент говорить: он «япону-мать» с трудом «конструировал». Но на «передок» выкатил отважно, встал за укрытием и на всю Ивановскую провещал: «Вах, сейчас консерви-цех, бутылки-склад нэ отдашь — сдохнешь, как ишак. Тэбэ как гуманист прошу — виходы один за один. Слышишь, да?» Стрельба, надо сказать, несколько поутихла. И те, и другие поэтажно прислушались: машина вообще-то федеральная, а вот обращение... Говорят, сначала с «федерального» этажа даже очередь дали. Потом прикинули, что «консерви-цех» боевики держат. Они первыми

и очухались. Решили, наверное, что «свой» «собакам» проданся. Занялись охотой. Огонь по «предателю» открыли остервенелый. Молодец абхаз! Так завлекающе для духов маневрировал, так красочно предрекал торжество федерализма, что они то и дело пулемет КПВТ перетаскивали. Поставят с одной стороны, а его уже раззадорили — он с другой выползает и на пол-Грозного: «...шак-к-алы вонючие. Да я твою маму, твою бабушку...» Пока духи мельтешили, федералы новый штурм начали. На сей раз удачный. Возможно, к тому же микрофону подсаживался и другой стихийный «матюгальщик». В качестве журналиста там находился писатель Андрей Эдоков. Филолог и вообще умница, он, однако, тоже нерусский и говорит с особенностями своей этнической среды. Кто из духов тогда остался в живых, наверное, спятили. А точка в рассказе — грустная. Погиб абхаз в тот же день. По-дурацки. Из брони вылез и попал под огонь своих.

А вот спятил или не спятил прапор из комендатуры, не знал даже комендант. Прапор был начпродом. И во «вторую Чечню», и в первую, когда тоже служил в комендатуре. В ней и прыгала по этажам живая мартышка — Маруська. Забавляла всех, но на голову садилась только хозяину-прапорщику. Пошел прапор на базар за «деликатесами» к праздничному обеду по случаю Дня защитника Отечества. Мартышка, как всегда, сидела на голове: «вшей искала». Прапор — мужик опытный: троих автоматчиков с собой взял. Ни с ним, ни с ребятами ничего не случилось. А вот мартышка пропала: сиганула куда-то под прилавки — и с концами. Зачем — непонятно. Прапор за пределы комендатуры «выездной». Даже бананы ей привозил, а стуженки — хоть залейся... Перевернули весь базар, даже ментов местных напрягли. Нашли Маруську. С перерезанным горлом. Принес прапор в комендатуру еще одну безвинную «жертву международного терроризма». Пытались ребята забрать обезьянку, похоронить в клумбе перед крыльцом. Комендант — насколько несентиментальный мужик, но и то разрешил. Сам пришел к прапорщику — утешить. Не отдает прапорщик мартышку. Плачет навзрыд и никого в свою каморку не пускает. Даже стол вместо него накрывали. Сели праздник отмечать. Немного разгулялись, но веселья не получалось. Опять послали за начпродом. Привели. Налили: «Давай, Митя, скажи, чтоб война эта проклятая быстрее кончилась». Встал Митя и выпалил: «Я за Маруську всю жизнь мстить буду. Я ее во Владике за сто баксов купил. Дристалась она — я ее калганом отпаивал. А зимой с собой в постель ложил. Чтобы не простудилась...» И снова в плач: «Как они, изверги, могли! Бля буду, найду гада — этими руками задушу». Такой вот праздник получился. Защитников

Отечества. Нашел — не нашел прапорщик гада, история умалчивает. Но вскоре отправили прапора домой. От греха подальше.

Война — она и есть «бугорок». На ровной поверхности бытия...

Шахиды — от политики... или от отчаяния?

Принесение себя в жертву во имя других (так полагает смертник) существовало всегда. В нашем случае, сразу оговоримся, речь идет не о матери, ценой собственной жизни спасающей ребенка. Вне темы и самоубийство на почве неразделенной любви. Сюжет, облагоустроенный Шекспиром, находится все же в поле исследования психиатров. Идею же самопожертвования в любой культуре считается актом отчаяния. Отсюда и соответствующее отношение к смертнику-самоубийце: это тот, кто на своем роду-племени поставил клеймо: «с ситуацией не совладал». А это уже — генетика. В раннем христианстве даже родственники самоубийц обрекали себя на добровольную изоляцию: стыдно.

Другое дело, что взгляд на «отчаянность ситуации» в значительной мере обусловлен культурно-этнической средой. Например, в странах относительно благополучного Запада, где смысл жизни во многом имеет материальное выражение, само попадание в такую ситуацию по меньшей мере не делает чести умеющему считать. Да и нельзя переступать через Божий промысел: родился — терпи. Таким образом, срабатывает предохранительный клапан.

Новый день приходит с Востока

Иное — Восток. Относительная скудость материальной жизни большинства гиперболизирует духовную составляющую бытия. Прежде всего в ее ритуальной, наиболее понятной оболочке. Восточный смертник как будто бы напоминает своим единомышленникам: терять мне нечего, и ценой своей жизни я доказываю ее смысл. И только потом погибающий в бою становится шахидом, как на мусульманском Востоке, или — ранее — камикадзе, как в Японии. Той, что в прошлом тоже не отличалась сытостью своих граждан. До недавнего времени Япония единственная обладала опытом организованной подготовки смертников.

Но вот цифры. В среднестатистическом 2001 году (будем считать его годом отсчета) СМИ упоминали об 11 камикадзе — всех с Ближнего Востока,

с допуском включая сюда «штурманов» 11 сентября. Но за 2002 год безо всяких допусков одна Палестина дала 26. За первые семь месяцев 2003 года террористическое самопожертвование совершили 17 палестинцев и пять чеченок. Налицо тенденция роста, следовательно — «технологизация» подготовки смертников. Не говоря о палестинцах, кандидаты в общеисламские, национальные или прочие шахиды готовятся в Шри-Ланке с ее тамильской проблемой, а также среди «униженных и оскорбленных» пакистанцев и мусульман Индии. Возможно, к ним следует добавить таких же иракцев и алжирцев. Но мы узнаем не о фактах самоубийств, а о достигнутых таким образом политических результатах. Какой процент кандидатов доходит до финиша, определить трудно. Явно мифологизированный японский опыт 1943—1944 годов показывает, что при конкурсе камикадзе в 25 кандидатов на место лишь 5 процентов вылетевших на самолетах-снарядах и смертников-торпедистов достигали цели, о которой с их смертью становилось известно...

Еще одна грань вопроса: в камикадзе набирали не самых умелых летчиков-штурманов и в основном из семей дворян-самураев. Тех, кому при военном поражении все равно бы пришлось держать ответ. И тем не менее еще задолго до окончания войны на Тихом океане японское командование отказалось от использования камикадзе. Затратно и неэффективно. Стоимость одноразового самолета составляла приблизительно 85 процентов обычного. Можно, казалось бы, ставить точку...

Кто такой шахид?

По исламским канонам шахид — это погибший за веру в открытом бою с неверными. Шахидам, непременно пролившим кровь (желательно в песок), гарантируется райское блаженство как венец многотрудной земной планиды. Гарантируется притом автоматически, то есть без очереди и «мандатных комиссий», привередливо оценивающих богоугодные деяния правоверного, и наоборот. Существует, правда, понятие «истишхад». Это тот, кто готовится стать шахидом и на этом пути совершает нечто, субъективно посвящаемое Аллаху. Но не больше. Важнее, впрочем, другое: мусульманке самоубийство непростительно еще в большей степени, чем христианке: у мужчины на содержании всегда много детей, притом маленьких: куда же им без матери? Но и мусульманин, оставивший многочисленных чад на попечение своей вдовы, поступает не лучше. И главное, ислам кровную месть не освящает. Есть, правда, другое: родственник настоящего шахиды, не становясь тако-

вым, как бы продолжает судьбу погибшего и ставит в ней точку. Такова, в упрощенном изложении, мотивация палестинцев. Но это, как и в случаях с «истишхадом», — жертвенность без райских гарантий: Аллах просто не замечает того, что представший пред его ликом — самоубийца. И судит его по всему свершенному до рокового нажатия кнопки.

Хроника шахидства

Другое дело — адат — народное право чеченцев, живущих с оглядкой на местные обычаи и понятия. Он-то не только приемлет, но и институализирует кровную месть. Особенно для тех, кто иначе не в состоянии поддержать репутацию семьи-рода. Иными словами, эксплуатируется отчаяние маленького человека, своей культурной средой вынуждаемого к поступку. Ничто так не эксплуатируется политиками, клерикалами, всеми неравнодушными к власти, как это отчаяние нереализованности: действительной или подсказанной. Общая формула идейного самопожертвования выглядит одинаково — вне зависимости от истории с географией. Суть этой формулы незамысловата: подбирается кровник, лишенный возможности отомстить конкретному обидчику. Далее — техническое натаскивание и, наконец, Аллах Акбар. Есть и второй путь: будущий камикадзе готовится, точнее зомбируется, с «детских припухлых желез». Далее — варианты. С материальным стимулированием семьи мстителя или исключительно с опорой на его идейность... Чаше практикуется комплексный подход.

В Чечне первые шахиды заявили о себе в 2000 году — при подрыве комендатуры в Алхан-Юрте. Мужской почин продолжили женщины. В 2001 году к военному коменданту Урус-Мартановского района полковнику Гаджиеву подошла женщина — якобы с вопросом о судьбе родственника... 2002 год вошел в хронику шахидства событиями на Дубровке («Норд-Ост») и взрывом здания чеченского правительства. Число жертв шахидского террора превысило 200 человек. 2003 год добавил еще около 50.

Откуда берутся шахиды?

Самые явные — это фанатики, на каком-то жизненном этапе оказавшиеся бессильными сделать что-либо другое, кроме пожертвования своей жизнью. Почти десятилетие повстанчества упростило сознание боевика

до слепого принятия жизни как бесконечной войны: родился, чтобы убивать. По дудаевскому призыву, заимствованному из лермонтовской строки, «Наш бог — свобода. Наш закон — война». Эти люди не отягощены ни семьями, ни знанием, в том числе небоевых традиций. «Чеченец — это тот, кто и убитый падает в сторону врага. Чтобы испугать его собственным падением». Психология этих людей незамысловата. Годы экстремального туризма вперемежку с подрывами федеральных машин и снайперским отстрелом «собак» подвели к выводу: вот сейчас я покажу, как надо поступать с неверными. За мной последуют другие. И победа будет гарантирована. Федералы ведь так не могут! В знаменателе — ожидание каждого дня как боя. Последнего и решительного. В числителе — убежденность в том, что 10 процентов неверных мешают жить 90 процентам правоверных современников. Как на карте для политзанятий с моджахедами: сплошной исламский мир вот-вот дождет последние плацдармы супостата: Америку, «Русню» и Израиль. Все плацдармы — по территории не больше земли обетованной. Вот так! Как таких наставлять на путь примирения, практика пока не подказала. Другое дело, что эта категория действует все же прямолинейно. Пусть таковых насчитывается и несколько сот. Но сколько бы терактов они ни совершили, кратно больше удастся предотвратить. В том числе на месте расстреляв мерзавца, ставящего бомбу на рынке.

Более многочисленная и опасная категория шахидов — это заложники и мнимые или не мнимые должники. В основном те, кто «провинился» перед моджахедами, главным образом сотрудничая с федеральными властями. Возвращение похищенного брата или отца оговаривается актом возмездия «собакам». Многие из этой группы ничем не отличаются от мирных, имеют легализующие их документы. Живут и ждут команды. Кстати, именно такие террористы выступили исполнителями теракта у Дома правительства. Сколько таких потенциальных шахидов ходит по чеченской земле, сказать невозможно. Но регулярно приписываемые федералам похищения мирных чеченцев весьма часто имеют отношение к их последующему террористическому будущему. Те из чеченцев, кто знает правду, молчат. Боятся повторить судьбу несчастных — похищенных и «свободно живущих» заложников. Под должниками понимают и реально растративших чужие деньги (в условиях разбитой Чечни это может быть 5 тысяч рублей), и должников мнимых, отягощенных, однако, перспективой заложничества. Случай осени 2002 года. В относительно благополучную семью, проживающую на севере республики, приходит гонец: «Ваш сын в Красноярске задолжал три тысячи долларов». Никакие документы, доказательства не приводятся. Зато воз-

никает альтернатива — либо плати баксы, либо откупись соседом (найди, подставь, купи — делай, что хочешь!), но нужен исполнитель теракта. Тогда — обошлось. Нашелся «красноярец», к тому же авторитетный... Но, скажем прямо, это ведь случайность...

Теперь о женщинах, ставших главными фигурантами летних терактов в Москве 2002 года. Понятно, что среди них есть те, кто от первых двух категорий отличается лишь полом. Но в своем классическом виде эта категория самая опасная: и осторожны, и непримиримы. Начнем с того, что никак не идеализируемый федерал обыскивать женщину все же не станет. Порой даже вопреки приказу: слишком легко сойти за домогателя с последующим митингом местной «общественности» на тему: «Федерал насилует» при публичном «раскрытии» подробностей. Скорее всего, это принимают к сведению организаторы терактов, по крайней мере в самой Чечне. На эту категорию мстительниц и распространяется адаптированная местными условиями формула мести. Как правило, подбирается целая группа девочек из одного тейпа, чтобы выстроить круговую поруку. Все к тому же должны быть мотивированы гибелью родственников. Это нулевой цикл. Найти этих девочек, увы, пока нетрудно. Десять лет чеченского лихолетья разбросали сирот кого по высоко нравственным родственникам, кого — по всяким... Затем над участницами «исламских чтений», «активом жен-дочерей шахидов» или названными как-нибудь еще группами молодых женщин проводятся целенаправленные сеансы глумления, попросту — коллективные изнасилования. Вначале — для «закаливания воли». Потом, потому что «он не насильник, а моджахед». На третьем этапе жертве объявляют, что случившееся уже нанесло непоправимый урон «столь уважаемому тейпу». И смыть позор можно, только если «послушаешь старших братьев». «Братья» готовы простить, но за «подвиг во имя Аллаха». Существуют веские основания предположить, что основу бараевской группировки на Дубровке составляли женщины такого рода.

Разумеется, это уже клиника. Требуемая всесторонней психологической реабилитации жертв социальных потрясений. Для справки: англичанка — жертва семейного насилия имеет право на двухнедельную помощь стоимостью 1800 долларов, не считая, при необходимости, полного пансиона.

* * *

А пока — рабочий блокнот. Отсюда — телеграфный стиль и не редактируемые подробности... Шахид лежит на бетонном полу КПЗ

райотдела милиции, на каждый вопрос приподнимается на локтях. Нет, не избитый, только со ссадиной на скуле. С парализованными ногами. Ухоженный, интеллигентного вида, даже холеный, в белой, чуть ли не свадебной рубашке с расшитой кружевами грудью, черных вельветовых — явно парадных — брюках, модных остроносых туфлях. Очень похож на субличного, запомнившегося по телеэкрану помощника убитой питерской депутатки...

Он ищет сочувствия: поймите, не ВВ победили, Я не смог... Час назад его серую «Волгу» — с ручным приводом — отсек от колонны ВВ замыкавший ее бронетранспортер. Остановили за сотню метров до привала, где планировали отдохнуть-оправиться более сотни солдат-дембелей. Показалось подозрительным, что «Волга», долгое время преследовавшая федералов, не обогнала медленно ползущую колонну по другой дороге. Да и машина — с неизвестным регионом на номерном знаке: откуда? Вот и решили проверить. Когда спрыгнувший с брони федерал приблизился к «Волге», ее водитель пытался соединить какие-то провода. Но как-то лениво. То ли не смог — все-таки наполовину обездвиженный, то ли... Раскрыли багажник: более 60 килограммов взрывчатки. Без слов... Ох, и пили же дембеля в тот вечер!

Он, скорее, разговорчив. Возможно, от непрошедшего шока. Хотя, может, и уколотый: характерная бессвязность речи. Родился в одном из райцентров горной Чечни. После десятилетки учился в автодорожном техникуме. Не ваххабит, хотя и служил механиком в дудаевском ополчении, где этих исламских фундаменталистов было в преизбытке. А брат, по его словам, федеральный милиционер, погиб за федералов: вместе с Алхановым, главным чеченским ментом, позднее ставшим президентом республики (между двумя Кадыровыми, отцом и сыном), защищал от боевиков грозненский вокзал.

В 1999-м попал под обстрел. Обезножил. Родственники набрали долгов. Не вылечился, а деньги ушли. А потом пришли «ребята с гор» во главе с бывшим учителем физкультуры («я его с бородой не узнал»): отдавай долг. Да и за вскормленного семьей героя-федерала надо бы рассчитаться. Или тобой, или всей семьей, сам же моджахед — понимаешь? Проклятый чеченский разлом: задолжал 3 тысячи зеленых, плюс — брат. Впрочем, половину суммы принесли из тут же обысканного дома — мать отдала. Вторую половину, по словам шахида, обещали принести после... Сейчас она стоит на коленях перед райотделом, плачет и маленькими кулачками в такт своим стенаниям бьет по бетонному крыльцу, выкрикивая на

редкость правильно по-русски: «Пожалейте, он не виноват. Тридцать лет, завуч. Клянусь Аллахом, он страховку получил. Старший сын — орден Мужества».

Угнанную из Астрахани «Волгу» с ручным управлением ему вручили вместе с задатком. Объяснили задачу: вклиниться в колонну между двумя «Уралами». Показали, что нужно делать потом. Проводили до ближайшей колонны — мало ли их ежедневно бороздят Чечню. Намекнули, что в этой колонне едет Сам: кто — не сказали, то ли Путин, то ли Кадыров... Из-за пыли не смог обогнать. А затем — «этот кагратник правда вырвал и павалил на эмлю, “сука” — кричал»... Тот чеченский день закруглила выданная в эфир фраза: «Обстановка сложная, но контролируемая».

*Горная Чечня,
август 2002 г.*

Мстители

Ныне врачующий где-то в Америке хирург Бачаев ампутировал у Басаева полуоторванную ногу. Бачаев был из тех, кто оказывает помощь любому... Но с басаевцами дальше в горы не пошел — другой тейп. С Басаевым ушел Хамзат. Но Чечня живет по законам куначества. Кунак — это прежде всего родственник. К ним относятся и соседи-односельчане. Все собратья по роду-тейпу — тоже кунаки, но подальше. Кстати, когда чеченец говорит «братья», он имеет в виду свой род или из уважения причисляет к нему собеседника — на время беседы.

А пока алероевцы Хамзата с беноевцами Басаева шли вместе по направлению Сержень-Юрта. Несмотря на промозглый в этих краях декабрь, погода стояла ясная и солнечная. Впереди маячил набирающий крутизну лысый, почти бесснежный склон. Шли молча, постоянно поглядывая на небо. Только бы не заметили с воздуха... Несколько раз дозорные улавливали какой-то гул. Тогда все замирали, искали укрытие. Нет, просто воздух в тот день был каким-то звенящим и гулким. Беда для уходивших в горы боевиков пришла с вершины. Когда передовой отряд растянулся на последнем перед перевалом склоне, оттуда ударил снайпер. Или даже несколько. Первым потери понес Хамзат. Его люди бросились оттащить мертвых собратьев. Чуть отстававшие басаевцы прийти им на помощь особенно не спешили. Хамзат пытался кого-то выслать для перехвата

стрелявших, но от Басаева последовала команда: «Отходить!» Спрятаться было негде: весь склон для снайпера был как на ладони. А он, невидимый, бил зло и метко. После четвертого упавшего хамзатовца наступила очередь отряда Басаева: первым схватился за горло его носильщик. Потом молча уткнулся в снег радист, недолго искавший противника в прицел своей снайперской винтовки. Кто-то из басаевцев крикнул Хамзату: «Всех убитых и раненых стаскивать назад, вниз!» Но сам не столько принялся спасать хамзатовского раненого, сколько за ним укрылся. Очередная пуля добила хамзатовца. Басаев, скатывающийся уже без носилок, что-то кричал. Но здесь уже каждый был за себя или за свой тейп. Вот и другой беноевец укрылся за раненым моджахедом хамзатовского отряда. А двух своих, сраженных снайперской пулей, басаевцы-беноевцы стаскивали бережно — заслоняя собой. Наверное, что-то заметил и снайпер. По понятным только ему признакам, он методично добивал тех, кто к нему оказывался ближе. Ближе были алероевцы, своими телами, как щитами, прикрывавшие беноевцев. Когда спустились на километр, оказалось, что Хамзат потерял девять моджахедов, Басаев — четырех. Остановились. Тяжело дышали. Кто-то из басаевцев клял спецназ, но в это что-то не верилось. В этих горах могли быть только свои. Тогда и прозвучали имена никому не подчинявшихся русских мстителей — Палыч и Полина... Хамзат от Басаева ушел, простившись как моджахед с моджахедом, талиб с талибом. Их многое связало и столько же развело.

В сборнике всезнающей ОБСЕ «Кавказ в поисках мира» на 185-й странице есть набранная петитом почти незаметная сноска: в мирные годы 1991—1994 и 1996—1999 до шестидесяти тысяч русского населения бывшей Чечено-Ингушетии исчезли бесследно. И далее: близка к этому судьба ногойского населения Шелковского района, вытесненного с мест своего обитания... В некоторых селениях ногойцев священный для мусульман обряд обрезания проводится после принятия у мальчиков зачета по стрельбе: испытание выдерживает тот, кто со ста метров срежет у бегущего барана рог, не задев головы... Осенью 1999 года затерялись сведения о судьбе нижнетагильской биатлонистки, неоднократном призере мировых первенств Полине Власовой. Она сама разыскивала мужа — сгинувшего в плену солдата майкопской бригады. Двадцатисемилетняя дочь бывшего тренера сборной Союза в пятнадцать лет стала мастером спорта по стрельбе.

Федералы широким фронтом входили в горную Чечню. Командование жестко требовало результатов, генпрокуратура — точно так же — соблю-

дения законности: если мочить, то только, как велено, в сортире... Но какая там законность, когда в каждом третьем селе федералам предъявляют семью, которая только вчера кого-то схоронила: подкралась, подстрелили, ушли... Но мочили-то, действительно, духов. Откуда знали?

Командующий собрал узкое совещание. Заслуги начальника разведки, а заодно главного фээсбэшника не вспоминали. А прокурор — тот вообще, не отрываясь, нервно рисовал чертей по всей странице рабочего блокнота. «Ты мне найди, Сергей Алексеич, кто там бузит, — распаялся командующий, — у тебя, сам же говоришь, если не дух, то доверенный? Ты что, не понимаешь — население провоцируют на повстанчество? Возьми негодяев и сдай прокурору. Это — приказ. Мы — законная власть, а не бандиты. Вот и в Сержень-Юрте, завтра, как пить дать, будет митинг. Там четверых сняли. Говорят, мирных. Кто снял? Я тебя, Сергей Алексеич, спрашиваю?» В распоряжении начальника разведки оставался все тот же майор Миша Гасанов, знающий Чечню как восьмиметровую комнату в своей махачкалинской общаге: ну, какой же майор со своей квартирой? Рано!

Позицию ногаец Миша занял безупречную. С ним было четверо спецназеров — в секрете, то есть кустах. Если кто пойдет, мимо не проскочит. Ранним туманным утром от села, которое назавтра должны были занять федералы, почти не таясь, спускались трое в гражданке. За плечами — футляры, похожие на те, в которых носят музыкальные инструменты. В руках — какие-то необычные стволы, вроде израильских «узи». Впереди шли двое: рослый русский мужик с такой же молодой девахой в спортивном костюме — бесбашенно-расхристанной, матерившейся, с рыжими волосами до пояса. Шли как по своей улице, никого не боясь, с готовностью к последнему бою. Она, явно поддавшаяся, называла его Палычем, откликнулась на имя Полина... Миша вполголоса подал команду на захват. Командир спецназеров, цыганистого вида прапор по кличке Вася-Хаттабыч, уже сказал: «Вижу». Но вдруг на лютой смеси русско-матерного и ногайского языка шедший чуть сзади окликнул: «Чую, бля, здесь засада. То ли духи, то ли федерасты. Своих бы мудаков не захерачить». Миша дал команду: «Отбой!» Потом, сославшись на простуду — полтора суток ждали «негодяев» — залудил прямо из хаттабычевой фляги на чем-то настоящий спирт. И доложил бате, Сергею Алексеичу: «У меня все спокойно. Снимаюсь».

Рабы

То, что в каждом втором-третьем чеченском селе находят так называемых работников — привычно. Впрочем, при проверках «хозяева» представляют их по-разному, но деликатно: «Вот — Муса, мой родственник. Скажи, Муса, хорошо у меня жить?» — «Очень хорошо!» — «Иди, Муса, иди». — «Это — беженец. Помощник мой. Документы сгорели. Отец-мать-брат — нет». Но чем дотошнее становятся проверки-зачистки, тем реже встречаются «работники». Летом их прячут на дальних полевых стоянках, в кошарах — скот пасут. Зимой — в пещерах, иногда в хлеву, бывает, в подвалах домов, чаще брошенных. Смирных просто запирают. Буйных иногда пристегивают наручниками к открытой двери: внутри тепло, когда по нужде требуется, можно из помещения «выйти». Кормят? Бьют? Об этом после...

Этих взяли случайно. Всех двенадцать. Хотя в селе их было больше. Дело было так. Вэвэшный спецназ гнал остатки большой банды. Банда серьезная: наемники. Не только из Турции, но и арабы с немецкими паспортами. Идейные, значит. Бинтов-шаболов кровавых по кустам понабросали. Оставили четыре трупа — не отступали, удирали безо всякой карты. Наобум. Потому и скрылись: все «логичные» маршруты были перекрыты. Спецназовцы по инерции зашли в село, ближайшее по маршруту. Оно оказалось на ингушской территории, но население смешанное — есть и чеченцы. Они особняком жили. Вэвэшники прошерстили несколько домов. Следов бандитов не обнаружили, но сразу наткнулись на нескольких «работников». Их с летних стоянок уже забрали, а на «зимние квартиры» еще не спрятали. Октябрь. «Работники» — ребята незатейливые: «Один не пойду. Только с Николаем-маленьким. Он мне бутылку должен». «Где Николай-маленький?» — «Вон там». «Маленький» тоже не идет без «Вовки-немца»... Так двенадцать и насобирали. Местные сначала поартачились: «Прокурор жаловаться будем. Президент письмо писать». Пытались и шантажировать: «Зачем корову зарезал?», «Зачем женщину приставал?» На них цыкнули. Кто знает, как работает спецназ, догадывается, что в рейде не до женщин с коровами: не знаешь, кто кого пасет-догоняет — мы духов или духи федералов. Спецназовцы доложили наверх. Наверху — не до гуманитарных операций: «Почему духов отпустили?» Потом сообразили, что к чему, дали команду оставить при «работниках» одного-двух спецназеров, чтобы привели освобожденных в базовый район. Остальным — без остатков банды не возвращаться. Хоть с живыми, хоть с мертвыми.

Спустя часов пять все освобожденные кучкой сидели у импровизированного автозака, ГАЗ-66 со стальным контейнером-камерой в кузове. Под охраной взвэшного часового. Впрочем, внутрь их не загоняли. Некоторые, возможно, самые старые и изможденные, иногда сами поднимались в контейнер — полежать на полу. Хотя разве металлический пол теплее земли? Почему их разместили у автозака? — Не ясно, куда девать, к кому они ближе. Прежде всего по санитарным нормам. Да и подозрительность называется на войне бдительностью. Бывали случаи, когда вместе с освобожденными заложниками пытались легализоваться отпетые духи. Некоторые даже весьма правдоподобно рассказывали чужую биографию. Чужую — это того, кого уже нет в живых.

Сейчас они грелись у костра. На воздухе — плюс 4—5. Несколько картонных коробок от пайков валялись тут же. Пайки им дали сразу. Предложили разогреть на костре. Куда там! Съели так. Подошел медик. Кого-то проверил. Все кашляют. И с сыпью на коже. У некоторых на голове подозрительные плешки. Медик ничего не сказал, быстро ушел. Потом принесли несколько буханок хлеба. Кстати, хлеб — по полбуханке на брата — умяли в пять секунд. Многие и потом что-то жевали-грызли. Например, сухари из пайка, которые сами солдаты почти не едят, тем более на боевых, когда кормят прилично. Чем они грызли сухари — неясно: зубов ни у кого не было. Много пили воды: им принесли котелка четыре. Они просили еще технической, из камеры. Медик не дал: «Вам еще полтора часа лететь»... А когда не грызли, жадно курили: каждый получил по пачке «Примы». Один из них затушил еще длинный окуроч в банке с остатками тушенки, доел остатки, потом достал из пачки новую сигарету, а затушенную спрятал за подкладку телогрейки. И еще: им дали газету, причем недавнюю — разжигать костер. Один из них взял ее в «щепотку» — за середину абы как сложенной полосы. Так берут незнакомую вещь.

Что на них было? Одним словом — рвань. Но какая, одной фразой не описать. Бросалась в глаза нелепица в гардеробе: на остатки длинной осенней куртки натянута короткая женская кофта или драный свитер. Многие сидели в одинаковых грязных камуфлированных штанах. Возможно, им их выдали уже взвэшники — из автозаковского комплекта. На эту же мысль наводили и военные ботинки: берцы — не берцы, что-то стоптанное, замызганное и без шнурков. И последнее, никто бритвенными принадлежностями не пользовался уже давно, может, никогда. Сквозь неровную волосатость лиц смотрели разные глаза: тупо-безразличные, с шизофреническим отливом, бегающие, с конъюнктивитом, заплывшие глаза пьяницы-полутрупы. Речь... Остались подробно заполненные листы допросов.

Уже в Ханкале взвэшники по одному подводили освобожденных к столу с лампой. За столиком сидели два офицера, возможно, опера, умевшие разговорить Тутанхамона. Впрочем, многие освобожденные говорили бессвязно, но в основном — с жадностью. Кто-то пытался понравиться, кто-то с опаской... Потом для доклада один из офицеров подчеркнул красным фломастером избранные места из монологов «гостей». В той последовательности, в которой их приводили конвоиры. Первых семь. Остальные — такие же. Обойдемся без фамилий: неизвестно, как сложились их судьбы, да и не все услышанное требует публичности. По разным причинам...

Михаил Т., 1945 г. р., из Орловской области, до 1990 года шабашил там же. Были там и чеченцы. Вместе с ними уехал в Грозный. Попал к хозяину. Хороший мужик — партийный и партбилет показывал, одно слово — пенсионер, немолодой, не давал молодым бить, даже одежду дал зимнюю и крестик оставил. Обещал сделать документы, чтобы вернуться домой, но началась война. Вместе с хозяином прибыл в село, работал у него и еще у главы администрации. Никуда без охраны не выпускали, хотя кормили с двумя другими работниками. Больше всего хотел побывать в магазине: купить чаю и мыла, но денег не платили. Бежать не решался: болен, возможно, туберкулез. «Ты считал себя рабом?» — «Нет. Все так». В селе осталось еще шесть-семь работников.

Владимир Ш., тот самый «немец», с Украины, год рождения точно не знает, кажется, 1960-й, малограмотный, три ходки на зону, потом пил беспробудно, не помнит, когда и как попал в Чечню: «Ребята пригласили еще при Горбачеве». Летом пас баранов у дяди главы администрации, зимой сидел в подвале. Денег не получал, но когда чеченцы победили, хозяин всех напоил самогоном и после этого не бил — самое сильное впечатление за жизнь.

Валерий Т., 1966 г. р., родился и жил в Казахстане, грамоту забыл, во времени не ориентируется, в рабах — с середины восьмидесятых, на вопрос, где именно жил, ответил: «У элеватора, там еще автобусная остановка». «Отпустили в увольнительную, встретил чечена, тот забрал с собой». На вопрос, где служил, ответил: «В котельной. Там забор был». Задал вопрос: «А что, правда — между Горбачем и Ельциным война идет? А за кого чечены, за Ельцина?» Сам подсказал ответ: «И правильно, зачем Горбач водку по талонам сделал?» Спросил: «А на зоне телевизор есть? Никогда не видел. Чудно, ребята в армии рассказывали». После побоев за пьянку пытался бежать. Догнали с милицией. Вернули хозяину: «Он бек, это как

начальник котельной в армии, потом хозяин сам принес водку и сказал: «Убежишь — яйца отрежу». Это он, наверное, дяде Николаю яйца отрезал, чтобы тот не дробил при его бабах». В селе остались еще семь рабов.

Геннадий С., 1956 г. р., из Подольска: «Я мастерской, хорошо зарабатывал, купил квартиру», в 1992 году «наехали черные», предложили поменять Подольск на Грозный в счет долга. Не обманули, даже устроили работать сварщиком — за харчи, денег не платили. Бежал, сначала удачно, но потом сбился с дороги, вернули и избили. «Я единственный, кому раз заплатили 150 рублей — печку сложил. Конвертов купил. Писал. Но никто не ответил». «В 1999 году чечены всех рабов мобилизовали рыть укрепления. Потом расстреляли». «Я не раб, я человек, я даже не пьющий. Могу с вами остаться, у меня все равно никого уже нет — забыли. Я в армии сержантом был».

Анатолий Е., 1947 г. р., из Оренбурга, в рабах с 1968 года: приехал на заработки, но пропали документы. Потом перепродавали от хозяина к хозяину. Уже не пьет, болен. Пас баранов у директора школы. Сначала пас вместе с Колей, потом он умер или его убили: видел, как хоронили за скотным двором. Зимой держали в подвале. Когда приезжали к хозяину родственники, сажали на цепь: «Может, и к лучшему — молодые всегда бьют русских рабов». Кормили в отдельном закутке в хлеву. Дважды бежал — пока здоровье позволяло. Догоняли — били. «Спасибо, что освободили. Только куда мне сейчас?»

Сергей К., 1953 г. р., из Владимирской области, когда-то был здоровяк, в 1990 году ехал забирать родную сестру из Сумгаита, подпоили, сняли с поезда, отобрали документы. Дважды убежал. Первый раз поймали сразу, избили, вернули в кошару. Второй раз — ползими ходил по горам. Нашли боевики. Сломали ребро, выбили зубы. Заставляли принять ислам. Насильно обрезали. Но идти воевать отказался. Хотели зарезать, но подвернулся богатый хозяин. Заплатил 500 долларов. Однажды видел федералов. Побоялся подойти: «Я ведь целый месяц ходил с боевиками».

Юрий Д., 1970 г. р., из Николаева, в рабах с начала 1990-х, типичный заложник, за которого не заплатили, возможно, из интеллигентной среды. После побега били по голове: остались шрамы и наполовину оторванное ухо. Страдает психическим расстройством — речь бессвязная, но симптоматичная: «Если хозяин скажет, что я у его собаки хлеб воровал, не верьте. Это я у резвановой. Она добрая».

Их отдали на сортировку. У милиции ко многим есть вопросы: не все в их словах сходится. Да и те, кому положено быть внимательным, кое-что «брали на карандаш». Их всех этапировали на фильтропункт. Там будут разговоры еще и еще. Только там они уже не рабы. Временно задержанные.

А знаете, что прервало допрос? — Спецвыпуск новостей. В Москве боевики захватили концертный зал на Дубровке.

В последующие часы и дни журналистские обращения к командованию группировки начинались с вопроса: «А правда, что?..» За этим следовали предположения, а то и предложения, порой фантастические. Приходилось особо жестко следовать принципу: ни слова, ни намек во вред московским заложникам. Тем не менее официальные пресс-релизы выходили два-три раза в день. Вот характерные цитаты из того, что в те дни поступало из Ханкалы в информационную сеть.

«9.00. 24 октября: события в Москве на обстановку в зоне ответственности группировки не повлияли. Объективные показатели внутричеченской динамики (число обстрелов, подрывов, объем и содержание конфиската) ниже среднесуточных».

«18.00. 25 октября: власти ряда населенных пунктов заявили о готовности своих земляков прибыть в Москву для замены ими заложников. Командование объединенной группировки с пониманием относится к этому человеческому порыву, но разъясняет, что разрешение подобных ситуаций не приемлет стихийных действий».

«9.00. 26 октября: личный состав группировки занимает выдержанную государственно-патриотическую позицию и не допустит спекуляций на национальные темы».

Что же стояло за приведенным официозом? Прежде всего демонстрация подконтрольности событий в самой Чечне и хладнокровия командования. Впрочем, и население Чечни в эти дни, безусловно, испугалось внутричеченских последствий «Норд-Оста». Никогда ни раньше, ни позже вся двенадцатикилометровая трасса Ханкала — Грозный не выглядела такой пустой, почти вымершей. Уже потом при уточнении местной криминальной хроники выявились всего два происшествия — оба относились к вечеру 25 октября: подрыв чеченца, возможно, ставившего мину, и обнаружение крупного лесного схрона с заготовками на зиму — на юге Чечни. Только недели через две-три некоторые подростки, небесприбыльно тусовавшиеся перед журналистами, бравировали родством с Бараевыми и даже представлялись «счастливым скрывшимся из театрального центра на Дубровке». По последней теме — это ложь. Проверяли «глубоким бурением». Одновременно опровергаю любой домысел на тему «сдерживания реваншистских порывов федералов». Что было в душах людей — в них и останется. Но эксцессов не было. На последнее обратили внимание даже те чеченцы, которые Москве не симпатизировали.

Такова реальность той октябрьской Чечни, не всегда адекватно отраженная в СМИ. Больше всего вопросов возникло о Бараеве — Мовсаре Сулейманове. Предположу, что до октября он не только находился в Чечне, но и был в поле зрения соответствующих служб. Было весьма небезосновательное предположение о его гибели. Об этом действительно были оповещены мировые СМИ. В расчете на то, что если он и жив, то объявленный убитым — скорее выдаст свое местонахождение в «опровергающем» радиообмене. Увы, выдал себя он уже в Москве.

*Бамут — Аршты — Ханкала,
октябрь 2002 г.*

Аслан Масхадов: зеркало чеченской трагедии

Полковник Советской армии

До 1992-го его жизненный путь был прям, как просвет на офицерском погоне. Он родился в 1951 году в Карагандинской области Казахстана в депортированной чеченской семье. В шестнадцатилетнем возрасте вернулся в родовое село в Надтеречном, следовательно, более «европейском» в сравнении с горной Чечней районе. Как и многие из его рода, отличался деловитостью и стремлением к карьерному росту. После окончания в 1972 году Тбилисского артиллерийского училища получил назначение на Дальний Восток. В тридцатилетнем возрасте окончил Артиллерийскую академию в Ленинграде, был одним из ее самых молодых выпускников. Бывшие однокашники вспоминают: нормальный, но не самый заметный офицер, не «блатник», не бабник. В отличие от других кавказцев, штатным тамадой и душой компании не был. О таких говорят — себе на уме. Происхождение не афишировал: «В служебное время я русский, в отпуске — кавказец». Продолжил службу сначала в Венгрии, потом в Вильнюсе. К сорока годам стал полковником, начальником ракетных войск и артиллерии мотострелковой дивизии. Его профессиональные, да и личностные качества, проявившиеся в сходящей с советских рельсов Прибалтике, все-таки приукрашивают. Вот личное впечатление о Масхадове 1991 года: сосредоточенный, безусловно деловой, неглупый, угрюмый, обидчивый («вечно недооцененный»), довольно четко выражающий свои мысли. Политики — с начала известных вильнюсских событий — скорее сторонился. Потом как будто пытался наверстать упущенное: участвовал в спорах с напористыми представителями

«Саюдиса», хотя и не всегда убедительно — политического кругозора, да и полемических навыков все же не хватало. Почти афористичный эпизод тогдашней вильнюсской хроники: на прямой вопрос: «Верите ли вы, господин полковник, хоть в Бога, хоть в Аллаха?» — Масхадов после паузы ответил: «Я верю в артиллерию». Оказывал профессиональную помощь вильнюсскому ОМОНу — главной местной антисепаратистской силовой структуре. Кстати, там и находился при «телеисторическом» январском (1991 г.) ночном визите невзоровских «600 секунд» на омовскую базу в Антакалнисе. В конце того же 1991 года по призыву Джохара Дудаева прибыл в Чечню. При очевидном дефиците военных кадров среди новой элиты мятежной республики за последующие три года вырос до начальника главного штаба сепаратистских вооруженных формирований, хотя собственно к политическому Олимпу его не подпускали. С Дудаевым не ссорился, но и не дружил. С Басаевым и особенно с Радуевым был откровенно на ножах. В первую кампанию (1994—1996 гг.) руководил деятельностью боевых отрядов сепаратистов. За счет профессиональных качеств, но не интриг, стал самостоятельной и популярной фигурой чеченского масштаба. Его несомненной находкой явился территориально-ополченческий принцип организации обороны в сочетании с дерзкими вылазками наиболее подготовленных отрядов. Федералы, действовавшие по академическим учебникам, перестроиться не сумели, да и времени на перестройку им не дали. Красноречива, хотя и двусмысленна частная оценка Дудаевым тогдашних заслуг Масхадова: «Аслан, ты хороший начальник штаба, но в Советской армии ты бы генералом не стал».

Эмир собственной резиденции

Тем не менее успешность его тактики предопределила избрание Масхадова на пост президента Чечни после гибели Дудаева в марте 1996 года. Вырос ли он при этом до политика — вопрос спорный. Удельная партизанщина («каждый сам защищает-освобождает свой чечен-аул») привела к явочной суверенизации каждого района-аула и раздроблению далеко не монолитной дудаевской элиты. Образовался конгломерат эмиров-князьков, действовавших от имени всей Чечни, но командовавших максимум двумя сотнями земляков-соплеменников. Воевать так можно. Но что при этом построишь? Вероятно, правы те, кто считал Масхадова одним из наиболее внятных и договороспособных руководителей на время признанной

Москвой Ичкерии. Внятным — на фоне оголтелых Яндарбиева, Басаева, Радуева. Как правоверный суннит, он совместно с тогдашним муфтием Чечни Ахматом Кадыровым совершает хадж в Мекку и принимает религиозное имя Халед. А потом узаконивает на чеченской земле ваххабизм как объединительную идеологию. К расколу чеченского общества по отношению к федералам добавилось религиозное противостояние, в свою очередь детализированное обострившимися межтейповыми противоречиями. Масхадов-президент становится не более чем комендантом собственной резиденции, не смевшим наведаться в Веденский район без разрешения его настоящего хозяина — Басаева. В ответ на попытки Масхадова установить связь с федеральным МВД «заслуженный бандит» Ичкерии Арби Бараев едва ли не церемониально похищает, а затем и убивает московского генерала Шпигуна. В августе 1999-го Масхадов, возможно, и не знал, что Басаев с Хаттабом готовят свой дагестанский поход. За ним наступила вторая чеченская кампания.

9 мая и 8 марта

Следующим этапом сепаратистского движения при масхадовском руководстве стал набор протокольных титулов, пафосных директив «командующим фронтами» и расписок за получение кредитов. Масхадов оставался знаменем «национально-освободительной борьбы», но на фоне новых «героев антирусского сопротивления» — Гелаева, Абу Аль-Валида, Арби Бараева, Умарова — его авторитет померк даже среди вчерашних единомышленников. На импровизированных чеченских толкучках кассеты с возваниями «эмира всех моджахедов» совершенно не благоговейно меняли (для новой записи) на номер «СПИД-инфо», не говоря о пачке сигарет. Далеко не профедеральные чеченцы относились к нему с элементами пренебрежения и сочувствия. Если Дудаев — в народно-базарном восприятии — первый лидер свободной Ичкерии, Басаев — лихой мститель-абрек, то Масхадов — скорее неудачник, ввергнувший чеченцев в национальную трагедию. Подтверждением тому — страницы семейных альбомов с вырванными фотографиями родственников-кровников. И все же. При проведении летом 2002 года в Ножай-Юрте всечеченского форума «Единой России» глава чеченской администрации Ахмат Кадыров по-русски весьма жестко характеризовал Масхадова как преступника, вероотступника, наймита и прочее. Не преминул при этом добавить, что в Мекке Масхадов

вез получившего травму ноги Кадырова на тележке-коляске. Но в его речи по-чеченски явственно прослеживалась мысль: если Масхадов явится с повинной, то будет прощен. Об этом едва ли не напрямую Ахмат-хаджи говорил накануне своей гибели 9 мая 2004 года. Не потому ли он погиб, что в Масхадове-сепаратисте были заинтересованы «вкладчики» в дело «освобождения Кавказа», а гипотетическая связка недавних хаджи обещала завершить кровавый кавказский круг? Не исключено, что на возвращение блудного сына исподволь рассчитывали и сами федералы. Конкретные факты, по понятным причинам, никто не приведет, тем более осведомленные. Так или иначе, жена Масхадова Кусам долгие годы получала полковничью пенсию мужа. Как бывший советский полковник стал главным врагом российского федерализма — тема другого разговора. Еще менее предметен спор, являлся ли Масхадов сторонником, тем более вдохновителем терроризма. Как номинальный лидер сепаратистских сил, он должен был нести ответственность за все, что от их имени происходило. И за «Норд-Ост», и за Беслан. Столь же скользок вопрос о его личной приверженности переговорам. По сути он всегда предлагал одно и то же — признать независимость Чечни и вывести из нее федеральные войска. Как на мирных переговорах в Хасавюрте в 1996 году, обернувшихся нападением террористов на Дагестан в 1999-м. На такой основе серьезную политику не ведут. 8 марта 2005 года Масхадов погиб в результате хорошо спланированной операции федеральных сил. Как до него погиб и Дудаев. Произошло то, что произошло...

Басаев: «доигрался, подлец!»

Такими словами Сталин встретил известие о смерти Гитлера. Басаев не Гитлер: не будем все же демонизировать его личность — пусть и нарицательную в кавказской истории. Обойдемся и без плясок на его обугленных костях. Биография Басаева мельчит подробностями его злодеяний, но цельной картины не содержит. Более того, зияет черными дырами. Из них веет мифотворчеством. С ним и поборемся...

Сначала был ГКЧП

Он родился в 1965 году в горно-чеченском селе Дышне-Ведено в семье колхозного служащего. Неправда, что сама история его рода подвигла

Шамиля к продолжению дела его знаменитого аварского тезки. Многие говорят за то, что по дальнему происхождению он русский. Во всяком случае его пращуром мог быть заложник или беглец из армии генерала Ермолова — по фамилии или прозвищу Босых или Босой. В неприметном музее города Георгиевска среди борцов за советскую власть на Северном Кавказе упомянут некий полурусский-полуосетин Босаев, который приходился родственником Шамилю. Его отца — Салмана — это от депортации не спасло, но затем помогло ему куда-то там избираться. А вот характеристика, данная ефрейтору Ш. С. Басаеву, солдату пожарной команды военного аэродрома: «Толковый, цепкий, очень спортивный парень, лидер от природы, но какой-то утрированный чеченец». Его призвали в армию как целинника — до этого он с отцом поднимал земли в Волгоградской области — фактически шабашил. Представители не менее известного в России клана Хасбулатовых, куда более родовитых конкурентов Басаевых по тейпу бенной, напрямую называли его неофитом, силившимся доказать, что он больший чеченец, чем все остальные. Касаясь легендарной причастности Шамиля Басаева к российским спецслужбам, поясним: почти сразу же после срочной службы он действительно проходил сборы запасников на базе разведбата мотострелковой дивизии: если кто-то считает, что бывший пожарник за тридцать суток становится рэмбо, — армейским пиарщикам делать нечего. В 1987 году с учетом ныне забытых льгот — нацкадр из здоровой советской среды и с комсомольской путевкой целинного совхоза, к тому же спортсмен — он поступает в Московский институт инженеров землеустройства. Там его преподавателем информатики становится доцент по имени Константин Боровой, умевший просвещать молодежь — по крайней мере политически. В марте 1996-го эта история получит драматическую развязку: Константин Натанович станет последним телефонным абонентом Джохара Дудаева, с которым за пять лет до этого познакомился не без участия Басаева. Но еще до окончания первого курса Шамиля отчисляют из института — за хронические прогулы. До августа 91-го он вроде бы охранял кого-то из перестроечных неформалов. Доподлинно известно о его участии в обороне Белого дома от так и не напавших на него гэкачепистов. Вопреки опровержениям Хасбулатова, он мог быть одним из помощников его помощников: по тейповым законам конкуренция не мешает сотрудничеству. Но выполнения деликатных поручений Ельцина — Коржакова известная нам хроника не подтверждает, хотя сам Басаев на это намекал. Тем временем он возвращается в бурлящую Чечню, вооружившись ельцинский лозунгом дня: «берите суверенитета, сколько хотите». Чувствуя себя обстрелянным

демократом, Басаев на тамошних президентских выборах противостоит просоветскому генералу Дудаеву, но с треском проигрывает.

С досады — на одном демократическом порыве — угоняет самолет Минводы — Анкара: душа требовала признания. Отдышавшись от не самой шустрой погони, сначала воюет за Азербайджан в Карабахе. Потом — это уже серьезнее — учится в талибской школе в Пакистане. Но уже весной 92-го около двадцати северокавказцев перешли из чечен в абхазы. До того захватив автобус с заложниками — в ответ на попытку задержания по самолетно-минводовскому делу. Защитник свободной России, не став политиком, эволюционировал в уголовника, а затем в боевика-террориста. За полгода Басаев пережил больше, чем граф Монте-Кристо за всю жизнь...

Ни года — впустую

Что же до Абхазии — из песни слов не выкинешь. Война против грузинских уголовников и местных шеварднадзевских приспешников прибила в абхазский стан и преданных «нерушимому Союзу» (преданных «новой Россией»!) прибалтийских омовцев и казаков — как патриотов, так и авантюристов. Время подскажет, к кому отнести уже упомянутого нами отчаянного казачьего атамана-рубаку, называвшего себя Валерием Павловичем Луспекаевым (сына?). Между боевыми порядками местных ополченцев (кстати, почти на четверть — тоже грузинами) и пришлых интернационалистов нашлось место и воинству «Конфедерации народов Кавказа», выдвинувшего своего командира в замминистры обороны Абхазии — по добровольцам. Оценки полководческого дарования тогдашнего Басаева расходятся. Остановимся на бесспорном: не щадил ни себя, ни своих, ни чужих. Но перевес абхазов над грузинским воинством, рекрутированным, напомним, из руставской колонии, обеспечили все же местные пассионарии, импортировавшие ельцинский лозунг в доселе изнывавшую под тоталитаризмом страну пицундских пляжей и сукумских мандаринов. В феврале 1994 года Басаев во главе 500—600 боевиков из «абхазского батальона» вернулся в Чечню, закрепив связь с освобожденной Абхазией, в том числе сыном от гражданского брака с абхазкой из Гудауты Индирой Джения.

Северокавказские рыскания Басаева известны по прямому эфиру. Напомним лишь некоторые штрихи. Летом 1994 года его батальон сыграл решающую роль в отпоре профедеральному формированию Лабазанова, по

неизвестной причине остановившемуся в двухстах метрах от грозненского Дома правительства. С этого времени Шамиль становится вторым после Дудаева лидером Ичкерии. Но друзьями они никогда не были: не только из-за оскорбительной для Дудаева предвыборной агитации Басаева в 1991 году. Первого президента Ичкерии откровенно раздражали его волчьи повадки. Даже на заседание правительства он мог прийти за пять минут до его завершения или уйти на второй минуте. Впрочем, эта сверхподозрительность до времени спасала ему жизнь. Хотя... К июню 1995 года худо-бедно освоившиеся в Чечне федералы по существу разгромили его группировку в две тысячи боевиков. 3 июня прямым попаданием ракеты в родовой дом Басаевых были убиты большинство его близких родственников, в том числе жена и дети. В Чечне говорили, что без наводки со стороны «товарищей по движению» дело не обошлось.

Так или иначе в ответ Басаев проводит тот самый рейд. Его конечной точкой должна была стать вертолетная база. Басаев по срочной службе считал себя специалистом «авиационного» профиля. Но поворот на базу проскочили. Впереди высились корпуса районной больницы Буденновска. 14 июня 1995 года из телефонного диалога Басаева с Черномырдиным мир узнал о «чеченском сопротивлении». Но совсем не в том ракурсе, на который рассчитывал Дудаев. Уничтожение авиабазы статусно уравнивало бы его с федералами. Захват больницы превратил сепаратистов в террористов. Басаева повысили из «подполковников диверсионно-разведывательной службы» в «бригадные генералы». И от греха подальше назначили комендантом Веденского района. 3 августа 1995 года в туннеле на грозненской площади Минутка басаевцы взрывают узик командующего федеральными силами. Генерал Романов, возможно, ближе других продвинулся к сколько-нибудь приемлемому перемирию с Дудаевым, который действовал через Масхадова. Впрочем, тогдашний муфтий Ичкерии Кадыров впоследствии это отрицал. Но с тех пор Дудаев с Масхадовым становятся для Басаева почти предателями. Ибо в мирной Чечне места для Басаева не было. Весной 1996 года он пытается устранить президента Ичкерии, но его опередил телефонный звонок Константина Натановича Джохару Мусаевичу. Впрочем, похабный Хасавюртовский мир — в августе 1996-го — все же подпишут. После контрзахвата Грозного, в котором преуспел скорее Масхадов, «дальновидно» поручивший Басаеву подготовку Хасавюртовского договора.

В 1997 году Басаев еще померится с Масхадовым силами на следующих президентских выборах. Но став абреком общероссийского масштаба, он исключил себя из политиков даже в тогдашней Чечне. Ничего качественно

нового в его биографию не добавили ни поход в Дагестан в 1999-м, ни еще 14 (!) организованных им громких терактов-нападений. От взрывов московских многоэтажек (в том же 1999 г.) до резни в Назрани (2004 г.) и Нальчике (2005 г.). Через «Норд-Ост» (2002 г.) и Беслан (2003 г.). Около двух тысяч только мирных жертв поставили его в один ряд с бен Ладеном.

Басаевский архив

Четыре увесистые сумки, захваченные в схроне, приоткрыли завесу над его личностью. Пунктуален, мелочно бережлив, сентиментален. Хранил справки о болезнях своих и родственников. Конверт со школьными аттестатами, сочинениями, рисунками: учился средне. Рисовал (перерисовывал или ему рисовали) терминаторов. Дневник за 8-й класс: благодарность за помощь в обеспечении порядка на конноспортивном празднике. Личная переписка — умел быть не по-горски лиричным. Перевязанные резиновым жгутом расписки — «Я — Ф.И.О. — поддерживаю кандидатуру Шамиля Салмановича Басаева на должность Президента Чеченской Республики Ичкерия и добровольно передаю в его пользу принадлежащий мне...» Далее — от холодильника до магазина. Ф.И.О. и заключительная подпись — часто неразборчиво. Зато — «передаю автостоянку с трофейными (!) автобусами. Сиденья украл...» — следует армянская фамилия. Пригласительные билеты в театр имени Нурадилова: карандашная пометка: «Д (Дудаева) — не будет». Снизу приписка: «Будет Алла и Кусама» (жены Дудаева и Масхадова) — в театр не пошел. Списки «предателей» и «преступников»: в их числе ряд известных российских журналистов (не будем их задним числом пугать). Варьируемые цены за голову. Арабские прописи и учебники — почти без пометок: филологом не был. Значки, повязки, ритуальные погоны — наградами и статусом дорожил. Тысячи групповых фотографий: семья, родственники, много узнаваемых лиц. Последние — в основном за период между двумя чеченскими войнами. Застольные встречи — скромные, внешне без спиртного. Несколько журналов по шахматам...

* * *

Свою партию он отыграл. Операция по его устранению продолжалась не один год. На авось действовать было нельзя, чтобы не начинать все сначала. И еще, при облове на волка никогда не знаешь, на кого в конечном счете он выскочит: на главного снайпера или загонщика. Теперь это и неважно...

ХАНУМА ФАТУМ

Эфиопия: зигзаги интернационализма

Эфиопию редко вспоминают. Даже тогда, когда речь заходит об Африке. Однако именно наши с ней отношения во многом предопределили сегодняшний день родины кофе. До середины 1970-х эти отношения распались на две, как оказалось, политически несоизмеримые части. С одной стороны, официоз — в виде очередного «Ила», дарованного Москвой императору Хайле Селласие I. С другой — до 1977 года наше участие в судьбе единственной на зеленом континенте цивилизации, близкой к православию, ограничивалось поддержкой оппозиционных императору сил. На что были политические причины.

Наши сепаратисты

Создав на континенте, избавляющемся от колониального наследия, Организацию африканского единства, эфиопский император стал флагманом всеафриканской борьбы за чуждые Москве западные идеалы. Но в самой Эфиопии зрели сепаратистские настроения. И зрели не только в мусульманских районах — на северо-востоке — в Эритрее и на юго-востоке — в Огадене, но и чуть к северу от столицы — в недовольной притеснениями центра этнически смешанной провинции Тигре. Под влиянием сепаратистов, небеспочвенно называвших себя друзьями Москвы, оказалась почти четверть империи, в том числе все жизненно важное для нее побережье Красного моря.

Как тут было СССР не протянуть руку братьям по антиимпериалистической борьбе? Тем более что в той же эритрейской столице — Асмаре — с послевоенного времени исправно функционировал американский

разведцентр. Да и соседняя с Эфиопией страна — Сомали — оказалась куда ближе к Москве, провозгласив антизападный путь развития. За что и получала не только моральную поддержку. И немалую.

В 1974 году в самой Эфиопии — одной из самых голодных, даже в Африке, стран, испытавшей до этого трехлетнюю засуху, произошел «демократический переворот недовольных полковников». Искать в нем аналогию со свершившейся через пять лет Саурской революцией в Афганистане не стоит. Члены недолго правившей военной хунты учились в США, Великобритании и Израиле и на Страну Советов смотрели соответственно. Совсем не так, как их подчиненные в званиях младших офицеров. Капитан-тыловик из 6-й дивизии по имени Менгисту Хайле Мариам уже в 1976 году назвал «полковничий переворот» эфиопской «февральской революцией». Тогда же, возможно, не без политического подтекста, половина «контрреволюционной военной хунты» была расстреляна в квартале от Русского леса — советского посольства в Аддис-Абебе.

Война за обе стороны

«Подлинно народная» революция 1976 года нашла сочувствие в Москве, поначалу не подкрепленное военной помощью. Необходимость последней вызывалась не столько «сопротивлением контрреволюции», сколько весьма энергичным наступлением сомалийцев на «ранее отторгнутую» от них императором-империалистом Хайле Селласие пустыню Огаден. Благоприятным моментом воспользовались и северяне — Эритрея с Тигре. Советскому Союзу пришлось выбирать между старыми и новыми союзниками. Выбор в конечном счете был сделан в пользу новых.

С лета 1977 года в Эфиопию пошли советские морские конвои, был налажен воздушный мост из 225 транспортных «Анов», по нарастающей стали прибывать военные советники и специалисты. Часто их размещали в «гостевых домиках», даже не прибранных после спешного отъезда американских предшественников. Последние ретировались из-за боязни оказаться в непредсказуемом по тому времени водовороте кровавых событий, вначале не определившись, кому следует помогать. Во всяком случае запчастей к F-5E и «Дугласам» для ВВС Эфиопии еще какое-то время шли из США. Но уже не они, а «МиГи», «Т-55» и «Грады» становились матчастью ожесточившейся войны за пустыню, а потом и джунгли. 12-тысячный кубинский контингент во главе с самым крупным в то время военным специалистом

по Африке генералом Очоа (позднее расстрелянным на Кубе как наркокон-трабандист), а также советский советнический аппарат в сто офицеров с неистовым генералом Петровым — вот кто остановил, а затем и отбросил 70 тысяч неплохо подготовленных сомалийцев.

Остановили тогда, когда сомалийский лидер Сиад Барре отправил домой все две тысячи своих советских и 150 кубинских советников. Пожалуй, впер-вые и никогда больше в истории качество нашей военно-интернациональной школы прошло очную проверку встречным боем. Как бы иронично это ни звучало сегодня, но тогда, судя по результатам сомалийского наступления и эфиопского контр наступления, Советский Союз выиграл, выступая за обе стороны одновременно. Но потом...

Памяти полковника Зайнуллина

С начала 1978 года главный и, как нам тогда казалось, бесконечный фронт сместился в Эритрею. По большому счету поражений у правительственных сил не было. Только с каждой победой сопротивление контрреволюционеров — вчерашних просоветских сепаратистов — нарастало. Стоит перед глазами пленный мусульманин-коммунист — четыре года учился в СССР, сбежал из полевой тюрьмы — зиндана. Раненому в печень далеко не уйти. На всю оставшуюся жизнь вопрос: «Что вас заставило сбежать?» — ответ остатками раздробленных челюстей, по-русски, на жаргоне курсов «Выстрел»: «А ты, сука, второй раз проживешь?» И совсем не киношный мотив «Интернационала» на амхарском. Чья-то команда: «Проветрите его». Выстрел...

Из почти забытой жизни советских интернационалистов в Эфиопии: дома — командир дивизии, а в Эритрее — советник командира эфиопского корпуса полковник Ильяс Абдулович Зайнуллин по восемь раз в день гонял штаб корпуса вверх-вниз по 300-метровой окрестной высоте. С подробными тактическими назиданиями. За что и получил кличку Инкуляль — «живчик» — «яйцо» — в небакалейном смысле слова. Полковник Зайнуллин дважды успешно поднимал фактически ему подчиненный корпус на штурм очередной безымянной высоты. Один раз — и, наверное, это прецедент в военной истории — практически без потерь. За что был представлен к званию Героя Советского Союза. Не дали: кто-то увидел Коран в нехитром скарбе полковника. Ограничились второй за Эфиопию Красной Звездой. В 1978-м среди 68 погибших в бою из состава поднятого им в очередной

раз того же 17-тысячного корпуса оказался и советский мусульманин полковник Зайнуллин. Отправленный на родину в белом американском гробу. Со стертymi по бокам — «Армия США» и какими-то буквами-цифрами. Из наших трофеев с бывшей штатовской базы... Так продолжалось следующие двадцать лет.

Историческое резюме

С начала 1990-х правительству социалистической Эфиопии пришлось положиться на себя. Не побежденные, но и не проигравшие сепаратисты нашли других, как оказалось, более благополучных арабских спонсоров. Это произошло после отзыва — в начале девяностых — советских советников. С новыми спонсорами-посредниками бывшие сепаратисты, потом — контрреволюционеры, ныне — патриоты-автономисты вместе с федералами достигли, как считает ООН, консенсуса: Красноморское побережье — Эритрее, остальное — «неделимой» Эфиопии.

Двадцативосьмилетняя война унесла почти 600 тысяч из 60-миллионного населения. Около миллиона выехали из страны. 12 миллиардов долларов невозмещенной советской помощи остались на совести преемников Менгисту. Сам Менгисту живет в Зимбабве. К 200-летию Александра Сергеевича вместо приличествующего случаю поздравления получен ответ в том смысле, что Аддис-Абеба не интересуется эфиопскими корнями иностранных граждан — вне зависимости от их статуса. Впрочем, когда-то подаренный Аддис-Абебе бюст Пушкина вроде бы цел. В отличие от гигантского Ильича на центральной площади страны, провозгласившей строительство неидеологизированного общества. Но среди эфиопских переселенцев, прибывших недавно в Израиль, одиннадцать молодых людей заявили о советско-интернациональном происхождении по отцовской линии.

Хануме Душанбе

На том стою и не могу иначе.
М. Лютер

Рассыпавшиеся ониксы сорванных бус —
с самых величавых женщин Союза.
Дрожащие капли веером обтекают ветровое стекло,
мечутся перед гибельным росчерком, чтобы
в следующее мгновение жадно броситься на безвинных соседей
и, обнявшись, развеяться в свисте времени.

...Узкий полиэтиленовый пакетик с дурманящим насваем*
между двух рядов переключателей, надставленных остывшими гильзами.
Вечерний троллейбус рассекает пелену дождя
в несмыслимом пространстве дымящейся памяти.

...Площадь Шахидон...
Как эхо: Аллах Акбар — клокочущая толпа. Белые повязки.
Мелом по стене: «Ребята, я с вами. Вова».
Вовчики.**

...Ты знаешь, с тех пор боюсь спуститься в переход.
Там везде лежали трупы.

Вошедшая на остановке грациозно стряхивает промокший зонтик,
изящно сбрасывает капюшон. Таджички почти не седеют.
Хануме Душанбе.

...Театр Маяковского...
Сюжет незавершенного фарса с трассерами в ночи.
...Два флага: зеленый — врачи — вовчики,
красный — больные — в массе юрчики...
Красные пятна на утреннем зеленом газоне.

* Нечто среднее между тониизирующим составом и легким наркотиком.

** Уличное самоназвание демоисламистов, противостоявших в гражданской войне в Таджикистане своим противникам, называвшим себя юриками.

Психиатрическая больница 1992 года:
автоматные очереди, заточки из ложек. Кто начал первым?
...Из шести ответит один. Будет клясться хлебом, матерью, женой...
Хануме Душанбе. Лилит...

Площадь Озоди — Свободы... Да здравствуют умершие рано...
Шальная пуля из прошлого:
Раис, что там нашли?
...откопали в клумбе у фонтана...
...кресты алюминиевых бутонов — как модель молекулы.
Слезы?

Шатающиеся бытовики из 201-й дивизии
собирают и закапывают тех и других.
Вовчики? — как щелчок затвора.
Послушай, ако, это — Юрчик, он — Юра, а я — Юрий Владимирович,
как Андропов... Запомни, здесь все — юрчики.

Горячая точка, расплывшаяся в горячее пятно Советского Союза.
На нем — как кипящая краска — зеленые, белые, красные.
Вовчики — юрчики.
И только неизменна — в черном плаще
Хануме Душанбе.

То ли обгоняя БТР с эмблемой ГАИ,
то ли пытаясь сбежать от навязчивой памяти,
троллейбус ускоряет ход.

Садитесь, ханум. Остудите лоб о стекло.
Неужели даже из окна троллейбуса,
как из иллюминатора вертолета,
обречены думать о стингерах?

Размытые силуэты пронесшегося мимо:
сидящие вдоль улиц на корточках.
Хорогские безработные.
В 91-м году со всего Памира против Союза проголосовали человека три,
вроде прибалты из местного погранотряда.

Говорят, раньше таджички умели носить европейские платья, как в Париже.
Когда кончится мода на черные плащи?
Хануме Душанбе, России, Югославии...
Вам не тошно?

Где остановка?
У недостроенной мечети?
У сгоревшего райкома?

Троллейбус — десять шагов освещенного тоннеля
во мраке беспощадных струй.
Как коридор рижского ОМОНа...
Тогда было еще не поздно...
...тетрадный листок среди поздравлений с Днем Красной армии:

«Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы,
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе».

Вы выходите, ханум?
Куда?

Я мысленно целую вас
через мокрое стекло.
Боюсь увидеть вас на следующий день...
...И какая-то печальная мелодия
в ритме стихающего дождя.
Апрельского.
Весеннего.

*Таджикистан,
апрель 1994 г.*

30 минут послеSLAVия

...уже потом — стрелка на оторванном крыле сгоревшей «Заставы» — СРБИЈА и закатанные рельсы социалистического пути на мертвом гиганте завода. Война началась с телекамеры на балконе. В 15.24. 15 мая 1992 года.

15.21:
...фургоны — желтые, красные...
Следим с балкона шестнадцатизащитки...
Поворот. Тузла. Босния. Еще существующая Югославия.
Стоянка. Пешеходы. Отсвечивают зеркала «Златар-филигран».
Не по-русски разноцветные футболки и коляски.

Мороженое — «сладолед».
Первые три светло-зеленых военных грузовика.
Один похож на ГАЗ-66.
Остановился. Его обходят.
Из грузовика выскакивают трое военнослужащих. Куда-то исчезают.

Грузовик разворачивается.
Не вписывается в поворот.
Развернулся.
На балконе обсуждают: Мио, ...
Грузовик трогается.
Появились два бронетранспортера.
Тоже пытаются развернуться.

15.24.
Первый заехал на газон.
Два выстрела.
— Мио, шта овде? — В чем дело?
БТР сломал дерево.
Гражданская машина развернулась и ушла.
Исчезли люди. Пусто. Грохнул БТР.
Стрельба, стрельба ужесточается...
Еще одно дерево сбили...

С балкона смотрят пригнувшись.
Грузовик с разорванным кузовом. Крупным планом.
Кто ранен? — Очереди.
Пламя из кузова остановившегося грузовика.
Маленькое, как туристский костер.

Что-то вытекает из военного фургона напротив.
Из другого тоже.
15.30. Пусто.
Еще один грузовик едет по газону.
Дым, потом пламя.
Пламя поднимается выше.
Пламя и над вторым грузовиком.
«Пуцают!» — «Стреляют!»

Военный медицинский фургон.
Выехавшие на перекресток машины, встали.
Два очага пламени.
«Гробна тишина».
Звонит колокол.

Что-то взорвалось.
Машины горят тихо — слышен шепот на балконе.
Редкие пистолетные выстрелы.
Чья-то ругань.

Горит асфальт под грузовиком.
Кузов еще одной машины — в огне.
«Одвe рат». — Это война.
Солнце и молитва:
«Да светится имя твое,
да живе королевство твое...»

«Колы, колы»... «Машины, машины».
Горящие машины столкнулись.
Дрожит объектив.
А может, кто-то знал, что это случится,
и ждал на балконе?

Сильный взрыв.
Аминь.
«Демократична дорожка».

Артиллерия.
«Наше трагичне живот... за наше Босне... укус слободе»...
Дрожит объектив. Зеленые квадраты европейских газонов.
Мелькает FS-3 — в правом верхнем углу.
Стена огня — за левым поворотом.

Черный дым. Желто-белое пламя.
Горят задние колеса грузовика, похожего на КамАЗ.
Никого нет.
Цветы на балконе.

Сквозь дым — присмиревшие легковушки — поодаль.
Дым — выше 16-го этажа.
Весь КамАЗ в огне.
Пламя обтекает кабину.
FS-3. «Демократична дорожка».
Дым застилает весь перекресток.
Вдали — стоящие светлозеленые грузовики.
«Фронт слободы... само мало разума и мира»...
Пять очагов огня. От четырех — дым.
Глухие взрывы, как в горах. Их заглушают новые.
Горящие песочницы.
Жирные следы на сухом асфальте мостовой и тротуаре.

Мат. Сильный взрыв на ГАЗ-66. Еще один. Фамилии на -ич.
Грузовик «Камкон». «Хитна помоч» — скорая помощь.
Взрывы, взрывы.
Разбросало машину.
Обломки долго висят в воздухе.
Как конфетти из фольги.
Перекресток был в дыму, а тепер в огне.
Открылась дверь у красной легковушки.

Два похожих на джиннов очага на огромном пространстве перекрестка.
Ракеты. Салют кому?
Частые глухие взрывы. Хлопушки с Нового года?
Рвутся снаряды.
Вот почему звучало: эксплозивы, эксплозивы.
«Нови рат».

15.9.1992. 15.29, ...30, 45, ...51...
Мелькают года: 93, 94, ...96...
Сплошной черный дым.
Что-то типа самодельной петарды:
растянутая письменная «м» — в воздухе.

Продолжают рваться боеприпасы.
Хорошо, что балкон огражден бетоном.
«Марко, хвала, сигарету» — «Само изволте».
Пять факелов. Виды города.

Впервые видно солдат. За фургоном, поодаль.
Звуки сирены.
Взрывается еще одна машина.
Рукав заслоняет камеру.
Титр из другой передачи, наверное, более важной:
тел. 239-07.
Улица Югославской народной армии.
...«температура — ...», а где-то — «испод ноля».

Сегодня не потемнеет. «Вечна спомен».

*Тузла,
Босния, 1997 г.*

Вуковар

«...пятнадцать минут назад в городской музыкальной школе
прерван концерт памяти...
...погибшего в Новый год при обстреле...
лауреата премии Чайковского...»

Из-за прямого попадания ... на сцене пожар...
...требуется кровь и спирт...
...городская радиосеть прерывает трансляцию
из-за угрозы повторного артобстрела...
...мы уходим в бомбоубежище...»

Из программы «Радио Вуковар»

...нет этого городка,
вальсирующего в дунайском прибрежье,
с шагающим меж платанов бронзовым Тито...
Есть Сталинград 43-го.
Есть раздрай души.
Мы уходим, уходим, уходим, уходим...
Заблудившееся эхо афганского «прощай»...

Уходим,
как Тарковский,
не оставив ни «Гамлета», ни «Бесов»,
оставив пастернаковскую неспособность к эмиграции.

Дел не хватило ни во вселенной, ни в России...
Запомнились
пожаром на сцене.

Шаровая молния отчаяния воспламенила синусоиду
между двуглавой ладьей православного храма
и субтильным минаретом с жестяным колпачком...

...еще раз прокатилась по бетонным урнам бывших очагов:
чем ближе к границе, тем с большей иезуитской назидательностью
сровненных с землей.

Allahu egber... Господу Богу помолимо...
Опоздали...

Мы уходим дорогой,
уткнувшейся в рельсовый попитр станции Вуковар,
загородивший аварийный выход.

Мы уходим
в бессрочье беловежского подполья,
помечая на трофейной карте
власовские комендатуры анэксимбанков.
Товарищ, с Новым, 1942 годом!

...я продолжаю свою войну —
он пьет ракию и курит московскую «Приму»...
...они бросили луковицу в котел с моей дочерью...

Вуко вар = волчий бульон...
Предел.

Граница. Буквы ГРС на асфальте...
Если точка после Г — граница Республики Сербской —
Терпят...
Если после ГР — Граница Сербии —
Точку закрашивают
Либо закладывают здесь фугас...

Господи, ты-то нас уважаешь?

...мы теряем и теряем...
Время и достоинство. Самолеты и Севастополь...
Пока работает телефон.

Через линию фронта:
— Завтра наступаешь?
Нарисуй на башне скрипичный ключ... Чтобы не попал... —

Точечное бомбометание.
Крест-распятие под Добоєм —
«девятой гимназической» роте:
«Жертвама бомбардованья НАТО».
Прими, Господе, непогрешне деце твоје...

В белградской Святой Троице —
приставлены к одной стенке — «Генераль Врангель» и «Храбро пали,
браче русима»:
первые десять фамилий...
Разметанные белыми стаями зимы Вуковара.

Мы уходим.
Уступая место удачливым и бессовестным,
с остатками аристократического куража —
чувствовать себя равными всем ушедшим.

Может, когда-то потом
из выжженной оркестровой ямы,
будто из глубины души,
послышится шепотом —
НАШИ!

Мы уходим, уходим, уходим, уходим,
оставляя кресты, кресты, кресты, кресты:
сифилис совести...

...закатили рукава, все думали — ищут наркоманов...
...заставили выпить по кружке спирта,
...а потом скачали кровь... до последнего розового пузырька...
...некоторые бредили... уже без крови...
и вы хотите знать, почему они не шлепнули меня?
Я — старый прозектор Додик, меня все знают...

Бред — сюжет для сна:
родился человек — посадили платан.
Умер человек — все равно растет.
В Вуковаре дольше домов горели деревья.
Стыдили живых.

Самая расцветенная вывеска Вуковара:
«Погребна опреме». Похоронные принадлежности.
Полный аншлаг...

А так хочется остаться:
весело потрескивает концертный рояль,
партитур хватит, чтобы запалить всю Европу.
Как мазохистски послушна огню брошенная виолончель!
Черным поясом отливает смычок
на талии разошедшейся скрипки,
рыжей и певуче-развязной, как маркитанка...
Пятая оргия Чайковского?

Друже команданте! Господин капитан!
Отлучитесь от рюмки.
...жизнь слишком коротка для земных утешений.

Хотя бы зачеркните последнее «н» в слове «Таллинн».
С нее начался Вуковар...

Вы не глупее тех,
кто сегодня наезжает миротворцами на Дунай,
как когда-то гувернерами — на Фонтанку!
Вы просто пьяны.

Много спирта и крови...
Успеете ли протрезветь,
пока Гамлет еще в чем-то сомневается,
пока бесы не скупили благословения,
пока мы не успели возненавидеть
Друг Друга.
До пробуждения.
Там, где заканчивается Вуковар, продолжается Россия...

*Вуковар, бывшая Югославия,
декабрь 1997 г.*

Остров Кронштадт (славянская ЛюНависть)

Говорят, русские читают стихи, как молитвы,
и пишут их, чтобы сказать правду...

Под поручнем каждого прута твоей лестницы —
не потерявший краски лоскут ткани —
символ мольбы...

Земле отпущены века
до Пришествия...
...не разглядеть кого — в перекрестье глазка.
А нам?

Неодолима чувств природа:
Ты видишь — я опять пришел.
Твой телефон молчал три года.
Тебе, я думал, хорошо.

Сверстники из пятидесятых все чаще уходят,
не развинтив цилиндрок валидола,
не дожив до тяжелых коньячных юбилеев,
не допризнавшись, не допростили...
Без покаянья...

Зияет прошедшее странно и жутко,
Как ниша бетонной стены,
Храня до поры правду наших поступков,
Былую реальность и сны.

Хотеть не ЗА ЧТО,
А КОМУ, КОМУ?
КОММУНИЗМ чувств.
Интернационал мольбы.
Ее больше, чем въелось в известь старого храма.

Мольбы...
палившей райкомы и мечети Таджикистана,
выбившей сердце сараевского Христа соборной мозаики.

Может, Таджикистан и Югославия
начались с самоубийства маршала Ахромеева?
Без покаянья.

В сараевских трамваях и душанбинских троллейбусах —
фанерные двери гражданской войны.

Мольбы...
сквозь бойницы в бетонном желобе
олимпийской трассы бобслея.

На склонах Балкан, переходящих в кладбища,
среди похожих на отчества фамилий на -ич —
в кириллице — с полями вместо цифр: римских и арабских —
Петр и Павел.
Русские дуэлянты.
С судьбой. З богом.
Без покаянья.
Нет ничего атеистичней смерти.

«В России есть остров, большой, как Сараево. Кронштадт. Оттуда Павел.
Петр — болгарин. Пел по-русски».

Не осветить в души загатниках
О прежних днях мои слова,
Пока солирует «калашников»
Калибром семь шестьдесят два.

На всю Европу хватает
римского Петра и
лондонского Павла.

Но каждой клеточкой сетчатки —
Такая русская судьба —

От Петербурга до Камчатки
За нами смотрят сразу два.

Она роняет седеющие волосы
на свои черные колготки.
40 кг тротила.
В своей квартире
на первом этаже восьмиэтажки. И...
Без покаянья.

«Ко је други моги
прочитати твоје повесци, Сарајеву?»

Острее ревности к любовнику —
Коль Бог не дал судьбы иной —
Бикфордов шнур на подоконнике —
Давай огонь. Пошли с сумой.

Пять лет в розыске.
Террористка по имени Весна.

* * *

Все романтические истории
завершаются сухим резюме,
похожим на выходные данные прочитанного романа.

И все-таки, как во сне под пятницу,
найди меня на карте ночной Европы,
где самые яркие точки — Москва и
Питер.
Большие, как остров Кронштадт.

P. S. А покаянье — дьяволу в конверте
Отправь, забудь и все-таки условь
Нам дату, место встречи после смерти.
Там Бог простит. Там русская любовь.

*Сараево,
апрель 1997 г.*

Солдатская лямка по-американски

Дополним балканско-миротворческие впечатления взглядом на американскую казарму. Причем не со стороны, а изнутри. Со вниманием к деталям, в которых вся соль. С дополнением общеизвестного личными впечатлениями. Без сусальной восторженности, но и без публицистического оплевывания по остаточному классовому или ура-патриотическому принципу. В жанре живого рассказа. Такую возможность предоставил почти двухлетний опыт службы российского представителя в американском штабе в Боснии...

Чем набор отличается от призыва?

Набор в вооруженные силы (ВС) США осуществляется через сеть recruiting stations — призывных пунктов (ПП), функционирующих из расчета: один на 70—100 тысяч городского населения и 15—20 тысяч сельского. ПП замыкаются на местную власть, но состоят в договорных отношениях с Минобороны. Персонал ПП стимулируется призовыми баллами, начисляемыми по весьма сложной схеме. Она ориентирована на преимущественный набор наиболее подготовленных рекрутов, готовых служить в не самых престижных частях. К ним относятся прежде всего сухопутные войска (СВ). Ибо в пехоте меньше условий для приобретения навыков, полезных на гражданке. Поэтому за согласившегося служить на флоте или в авиации начисляется условно один балл, за пехотинца — три. За «образованного» (с ПТУ) сухопутчика добавляется еще один балл. Освидетельствование рекрута, достигшего 17 лет, осуществляется через тесты, соответствующие требованиям к выпускнику средней школы: число отжиманий за минуту, задачки про бассейн с двумя трубами и автотрейлеры (не поезда!), отправившиеся из пункта А в пункт Б, чейнворд — «танК» — «Кухня — ... Север», диктант из местной газеты и «чем отличаются Ирак от Ирана или Персия от Пруссии?» По последнему — нужно угадать не менее четырех из десяти правильных ответов, ибо с кругозором — скажем позже — беда.

Начальную оценку качества призыва дает служба по подписанию контрактов (СПК) — первое воинское учреждение, куда попадает отобранный новобранец. СПК схож с нашим военкоматом, но через свои гарнизонные представительства сопровождает «джи-ай» (военнослужащего) в течение всего периода его действительной службы и в резерве. С СПК, минуя ПП,

заключают контракты те, кто хочет и может стать офицерами резерва, а также унтер-офицерами и специалистами: прибавка к гражданскому доходу — в среднем 6—8 тысяч долларов в год. В резерв зачисляются лица в возрасте 22—55 лет, как правило, с высшим образованием и после 90-суточных сборов. Действительная служба резервистов (сборы, участие в учениях и живых операциях) — 30 суток, минимальная — семь суток в год.

СПК через более военно-ориентированные тесты повторно проверяет профпригодность и предлагает подписать первичный контракт на два или три года. По результатам тестов новобранца опять склоняют к непрестижной службе, ибо кандидаты для престижной — приходят чаще. Типичный новобранец — это вчерашний школьник (более 60 процентов), реже выпускник ПТУ или аналога наших кадетских корпусов. Но эти воензированные дублеры технических лицеев готовят скорее будущих курсантов, чем солдат-контрактников. Ибо находятся в ведении учебных командований видов вооруженных сил. Как и у нас — Суворовские училища. Правда, более половины сержантов — это бывшие кадеты-суворовцы, не поступившие в офицерские вузы, но сделавшие выбор в пользу службы.

Отсев в ходе тестирования в СПК считается браком ПП и снижает баллы, по которым вербовщикам определяют тарифный разряд. Так поддерживается многосторонний баланс интересов между новобранцами и вооруженными силами. Обеспечивается первоочередной приток новобранцев в те части, откуда происходит их преимущественное убывание. Ныне в СВ США более 60 процентов «джи-ай» ограничиваются первичным контрактом — снижение за десять лет — по некоторым данным — на 20 (!) процентов.

Поиск и предварительная вербовка новобранцев осуществляются главным образом в школах и спортивных секциях. Бывают случаи одновременного рекрутирования целой спортивной команды — через посулы содействовать спортивному росту. В половине штатов США действует специальный закон о необлагаемой налогом рекламе вооруженных сил. Среди молодежи распространяются бесплатные абонементы на спортивные состязания, молодежные клубы здоровой направленности. Организуются экскурсии в воинские части, где дают попрыгать с парашютом, учат стрелять, водить автомобили, пилотировать воздушные суда. Некоторые вербовщики, а также состоятельные отставники-патриоты — особенно в глубинке — содержат собственные скаутские клубы (аналог наших захиревших военно-патриотических). С первых классов проводятся лотереи и конкурсы среди обладателей наибольшего числа предметов военной атрибутики, «умников и умниц» по военно-техническим дисциплинам.

Вербовщики с гражданки (с «убыточных» по американским меркам предприятий) тем не менее считают, что привилегии их военных коллег пора подрезать законодательно.

Стимулы и соблазны...

Главный высказываемый довод в пользу службы — так называемый челендж — возможность себя проявить. С ним тесно связан реальный стимул — льготное или бесплатное образование, а также повсеместно ценимый на гражданке опыт военной службы: на контракте с Пентагоном состоят около 80 только высших учебных заведений, имеющих филиалы в гарнизонах. Есть и такие, кто пришел служить потому, что «в армии больше, чем на гражданке, порядочных людей и отношения чистые, как завещал Иисус Христос (много реже — Аллах)». Кстати, о защите Америки и демократии в самой армии говорят реже, чем вне ее. Кто побогаче и попроще — на первое место ставят тягу к путешествиям и новым впечатлениям. Иногда в армии ищут спутницу, чаще спутника жизни. Хотя число внутриармейских пар колеблется в пределах 5—7 процентов на все сухопутные войска. Скажем прямо: претендентов на конкурс красоты, в отличие от спортивных дарований, в армии найти непросто. Но про ЭТО — позже.

Чтобы мотивировать военнотружущего к продлению контракта, ему для начала предоставляют право учиться лишь в системе вечерних технических школ, нередко выхолощенных до приобщения к ПК или кассовым аппаратам. Доступ к высшему или иному дорогостоящему образованию военнотружущий получает не ранее чем через пять лет после подписания первичного контракта. Через такой же срок на «джи-ай» распространяется расширенный перечень — около двадцати видов — льгот — бонусы-алаунсы: санатории, путешествия, право на выбор гарнизонов и пр. Многие «джи-ай» предпочитают финансовые компенсации за них. Непосредственное вознаграждение — 1,5—2 тысячи долларов в месяц (в боевых условиях в три-четыре раза больше) при бесплатных столовой, медицинском обслуживании (в целом сопоставимом с нашим), а также спорткомплексах — о чем придется вспоминать еще не раз. Все это имеет ценность для не особо привередливых «низших середняков» и ниже.

С Америкой в нашем сознании ассоциируется жизнь равномерно динамичная и в целом благополучная. Далеко не везде и не для всех это так. Вот суммированный пример типичной истории: вырос в негритянском

(вариант — латиноамериканском) квартале или в тоскливом американском урюпинске, пять-шесть братьев (сестер), кое-кто уже побывал в тюрьме... Варианты: «Мой отец был последним, кого в нашем штате посадили на электрический стул. Армия не только спасла от безработицы и наркотиков. Она дала мне шанс выбиться в люди». Другая — типично женская причина: «Я феминистка по жизни. Только в армии я чувствую себя человеком, а не, простите, телкой». Ну, и что дальше?

Дальше пример из жизни: прихватило как-то сердце у российского офицера в американском штабе. Уложили его прямо на пол. Вызвали медсестру — на две тысячи личного состава никого опытнее не нашлось. Ничего не скажешь — сестричка прибежала тут же. Семнадцатилетняя испуганная девчонка, только что получившая сертификат помощника эвакуатора. Не говоря о капельницах, даже в простейших пилюлях не разбирается. Зато с детской наивностью умоляет: «Держитесь, сэр. Если с вами что-то случится — мне конец». До госпиталя тащились целый час. Впрочем, там, скажем честно, и кардиолог, и младший медперсонал — все на месте. Первой подбежала шустрая негритянка: «Меня зовут Уинди (Ветерок). Правда, хорошее имя? Если что — прибегу сразу»...

Ввиду нынешней в целом неплохой экономической ситуации в США (снижение безработицы), а также прогрессирующей иракобоязни (почти 9 тысяч только дезертиров) число первичных добровольцев за 2001—2006 годы сократилось в шесть раз. Впервые с 1973 года (с перехода на контрактную службу) начальное тестирование по существу не применяется. По крайней мере в пехоту берут всех, кто хочет служить. Известны случаи нарушения законов: добровольцу обманным путем предлагают подписать «пехотный» контракт — потом, мол, переведем... Сулят службу в военной полиции. Это лучшее, что есть в пехоте: в 1997 году около 70 процентов сотрудников высокооплачиваемой гражданской полиции — бывшие военные полицейские. В 2005 году имело место поступление на службу двух лиц, находившихся под подпиской о невыезде. К очковтирателям, таким образом, повысившим процент набора, приняты драконовские меры.

Тем не менее за будущее всей системы найма, и особенно призыва резервистов, уже беспокоятся. Дело в том, что до урагана Катарина осенью 2005 года резервист заранее знал сроки сборов или участия в экспедиционных операциях. Чрезвычайный призыв 60 тысяч резервистов, не спланировавших свой рабочий график и бюджет, привел к массовому расторжению контрактов (23 тысячи человек). Кроме того, выявились разночтения по

оплате службы при чрезвычайных обстоятельствах на территории США — 9400 судебных исков с обеих сторон.

В последнее время американцами проявлен симптоматичный интерес к российской системе призыва, прежде всего к моральному стимулированию призывников (вплоть до ритуалов приобщения новобранцев к армии) и ответственности за уклонение резервистов (офицеров-приписников). С июня 2006 года повышен предельный возраст первичного контрактника — с 35 до 40 лет. Одновременно приняты меры по укреплению отношений командования частей с «большой семьей» военнослужащих — родственниками, бывшими сослуживцами, школьными учителями и тренерами. Ранее в этом, по всей видимости, нужды не было. Любопытно, что даже переименовали наших политработников. Вместо презрительного *zampolits* называют их по аналогии со своими — *welfare officers* — офицеры по обеспечению благополучия. Не менее показательно увольнение преподавателя военной академии за интервью, в котором он усомнился в эффективности контрактной системы. Контекстуально — при двух и более экспедиционных операциях, осуществляемых одновременно.

В идеале американцы хотели бы иметь армию, отражающую национальный и социальный состав общества. В реальности, по крайней мере в пехоте, служат, повторим, преимущественно выходцы из фермерских хозяйств и небольших городов — более 80 процентов — иногда при пороговом коэффициенте умственного развития (0,3—0,4 из 1). Афроамериканцев — 35—40 процентов, около 25 процентов — испаноязычные (чиканос), а также филиппинцы, китайцы, вьетнамцы, индусы. Русских — единицы.

Вопрос о равных возможностях женщин и мужчин по существу завис. Официально декларируя равноправие полов, от широкозахватного набора женщин постепенно отходят. Пик — 1994 год — 37 процентов пехотинцев. Причина — в нескрываемом ропоте низовых командиров, считающих женщин «постоянно беременными» проблемами для службы. Доказательство тому — трагикомическая ситуация: сержант в шутку запустил мыша в спальный мешок товарища по оружию, законно отдохавшей в одной с ним палатке. А у той, как на грех, молния на мешке разошлась. Причем снизу. И выявила при этом, гм, «недопустимое отсутствие элементов спального обмундирования»... Выгнали вшаей обеих. Шутника — с волчьим билетом — без пенсии и выходного пособия.

Обещанное — про ЭТО: любой «джи-ай» знает: с начальством — можно, с подчиненными — тюрьма! Впрочем, пик всеамериканской борьбы с домо-

гателями, кажется, миновал. И «характерные вербальные формы сексуальных домогательств» (цитируем) — «сладострастное аханье», «вожделенное урчание», «похотливое посвистывание», «восторженный скулеж», а также обращения типа «детка», «лапочка», «зайнка» (еще хуже — «киска») уже не размещают на стенде в столовой. Хотя «служба по обеспечению равных возможностей» никуда не делась. Добро пожаловать с закла ... в смысле — докладом. Круглосуточно и при любой погоде.

К бракам между военнослужащими отношение непростое. С одной стороны, если супруги служат в одном гарнизоне, то у обоих выше «уровень душевного комфорта». Но, с другой стороны, этот уровень должен быть единым для всех — никаких привилегий. Служили два капитана — муж и жена — только что поженились. В одном штабе, но в разных подразделениях. Следовательно, жили в разных контейнерных городках. Поскольку оба — офицеры, соседи у каждого — однополые. Сосед мужа время от времени «входил в положение». А ей — досталась завистливая гримза. В результате «служба по обеспечению равных возможностей» получила сигнал... эквивалентный 600 баксам. Соседка жены озаботилась неуставным «уровнем душевного комфорта» сослуживицы...

You're in the Army. Now — песня и проза...

Что действительно привлекает многих — это показательная (не показная) демократичность отношений между сослуживцами и подчеркнута уважительное отношение к армии со стороны гражданских властей всех уровней. Комдив займет очередь за рядовым и отстоит ее честно. За обеденным столом заключит с солдатом пари на результат футбольного (по американскому футболу) матча между «пехтурой» и «флотскими». Запишет номер (личную карточку) солдата, и если проиграет, то пошлет ему шуточный вымпелок с надписью BEATNAVY (игра слов: «Вступай во флот» и одновременно «Бей флотских»). Как вы думаете, куда в первую очередь придут навещающие гарнизон POTUS-FLOTUS (президент с первой леди), не говоря о министре обороны и ниже? Правильно. В ту же столовую. Чтобы встать на десять минут за раздачу и лично положить ошарашенному «джи-ай» кусок лазаньи или омлет с ветчиной. Чтобы через желудок преподать урок американской демократии. Действует... Притом убедительно... В офицерской среде проявляются и элементы рыцарского отношения к службе. Офицер, в отличие от солдата, никогда не захватит с собой из столовой-клуба даже

банку кока-колы. Хотя бери — сколько хочешь. Нет, если жарко, он купит такую же банку в уличном автомате.

Подробнее о рутинных буднях. Комплексная подготовка новобранца носит фактически одноразовый характер и осуществляется в учебных центрах. Срок обучения — от девяти недель. За это время некоторые новобранцы теряют до 10 килограммов начального веса. В регулярных частях подготовка проводится по двум-трем дисциплинам в учебный день недели (чаще в субботу), как правило, в полигонных условиях. Тогда же происходят тренировки флаговых церемоний (вроде нашей строевой подготовки). Учения — внешне не интенсивные — с элементами замедленности и повторением уже отработанных вопросов: каждый элемент тактической обстановки тренируют отдельно, иногда не без перебора. Например, «одиночное следование перед автомашиной, задающее скорость ее движения по жилому городку». Самое смешное потом: «Чего встал, водила? Есть проблемы?» — «Некому темп задать. Идите, пожалуйста, перед машиной».

Бумаг пишут значительно больше, чем мы, — на случай разбирательств с юристами и страховиками. На всех видах коллективной полевой подготовки экономят. Главным образом из-за боязни травм, часто влекущих за собой значительные выплаты пострадавшим. В дивизии на 13 тысяч военнослужащих приходится около 30 гражданских страховиков. Они являются главными инспекторами полевой и гарнизонной деятельности войск, и, как правило, находят изъяны в учебно-боевом планировании. Иногда на 1 доллар страховки, выплаченной жертве ЧП страховыми компаниями, приходится 40 долларов — из бюджета Минобороны. Бежал солдатик по лестнице, да и упал. Ногу сломал. Командиры и солдатика, и ступеньки проверили — все сходится: травма — при исполнении. Вот вам, господа страховики, счет. Но уполномоченный страховой компании сидит в том же штабе, что и командиры. И темой владеет не хуже. Повертели страховики солдатские ботинки — да, ведь протекторы на них поистерлись. То есть виноват сам солдатик: не сменил, не позаботился. И командиры недоглядели: положено каждый месяц подкрашивать желтой краской ребра ступеней, а после последнего обновления уже дней сорок прошло. Значит, страховая компания ни при чем: разбирайтесь сами...

Тренажеров, а также учебной техники в регулярных частях по существу нет: солдат должен с самого начала знать ту технику, на которой ему предстоит воевать. Одновременно упор делается на индивидуальную подготовку солдата и подготовку расчетов (три-пять человек). От результата ежеквартальной проверки, особенно на физическую выносливость, зависит

постоянно уточняемый размер жалованья. Прямо в столовой от души плачет девчонка с лейтенантской «шпалой». Плачет и, ища сочувствия, показывает сквозь камуфляж на внутреннюю сторону бедра. Оказывается, перед сдачей «пи-ти-ти» (физо) рьяно тренировала мышцу, ответственную за гибкость соответствующей части тела. Готовилась сдать по повышенному нормативу. Не получилось...

Одинаковой зарплаты не бывает даже у новичков. Так стимулируется интерес к совершенствованию знаний и навыков каждого в отдельности. Иная ситуация при организации боевой подготовки в специальных подразделениях (рейнджеры, спецназ, частично — военная полиция, разведка и т. д.). Здесь идет ежедневная (бывает без выходных) весьма интенсивная боевая учеба в составе отрядов, как правило, на незнакомой местности (лес, горы). Иногда — в гражданке. Все учебные мероприятия организуются жестко, но не оставляют впечатления изнурительности. Жестких лимитов по моторесурсу и расходу боеприпасов нет. Проблема в другом: американский пехотинец получает 23 наименования вооружения и имущества, за сохранность которого отвечает лично. Пирамид, ружкомнат и каптерок нет. Утраты происходят регулярно. Для поиска потерянного оружия и военного снаряжения, например касок, также регулярно отряжают целую роту, порой лишая личный состав законного отдыха.

Отношения в воинских коллективах хотя и демократичные, но с элементами конкуренции. Заклад, как мы уже знаем, считается нормой. Еще один пример: выпил лейтенант — направленец на российскую бригаду (выпил без нашего участия — бывает!) и лег спать в родном контейнере. Сосед проснулся раньше. Поэтому нашего лейтенанта разбудил уже юрист. Юрист — в том числе и «по национальности» — пожалел бедолагу-соплеменника, что, вообще говоря, редкость: «С русскими хорошо дружишь?» — спрашивает юрист. — «Хорошо», — отрешенно отвечает провинившийся. — «А какой вчера был день?» — «6 июля, а что?» — «То, что это день открытия второго фронта... Напишут русские докладную записку, что это их национальный праздник, тогда спасу». Спасли лейтенанта. Но надолго его в гарнизоне не оставили: русские ведь, помогли... Здесь требуется расшифровка. В гарнизоне принят «почти сухой закон». При проведении операций — без «почти». В изобильном гарнизонном военторге («пи-эксе», где цены процентов на 15 ниже, чем в обычном супермаркете) — объемные стеллажи с безалкогольным пивом, вином, ликерами. Такие же водку и коньяк — не видел. Но если «что-то где-то нашел» солдат, то у него два пути — раскаться и воспользоваться «контейнером для сброса незаконных предметов» (amnesty

вох): даже если увидят, что высыпашешь героин, официально ничего не будет. Или на свой страх и риск... Правда, в условиях совместной с нами миротворческой операции американским офицерам взаимодействия официально разрешалось поднять не более трех тостов в дни наших национальных праздников. По этому поводу была издана специальная директива: первый тост — за дружбу, второй — за президентов, третий... Витиеватое и непонятное даже нам разъяснение про православный обряд поминовения тех, «кто остался в небесах»... (Американцы считали, что это — про летчиков и десантников). Но надо сказать правду: служба отучает злоупотреблять даже тех, кто к этому имел склонность на гражданке. То же с курением, не говоря о наркотиках.

Традиционно понимаемого распорядка дня, как и движения в строю, нет. Нет и перспективного (на месяц и далее) планирования боевой подготовки (кроме учений). На это имеется объяснение: на войне ничего спланированного не происходит. Решение на последующие сутки принимает командир роты в зависимости от задачи дня и выявленных недостатков. Подъема и отбоя тоже нет. Но встают, как правило, в 5.30. В 6.00 — индивидуальная зарядка — кросс до трех километров. Бегут, впрочем, повзводно-поротно. С комбатом, комбригом, а порой и с комдивом во главе.

8.00 — 12.00 — занятия по выполнению типовых задач. В условиях миротворческой операции это установка мобильных блокпостов, преследование нарушителя, разминирование, ускоренная посадка на транспорт, организация боевого охранения и т. д. Методологический посыл: «солдат должен уметь, командир должен знать». На свежую голову проводят и занятия по технике безопасности (force protection). Чаще по методичке «Усвоенные уроки» — подробное описание ЧП и как его можно было избежать. Инструктируют иной раз не без утрирования. Тема занятий: «Как держать винтовку в столовой, чтобы не зацепить соседа». В боевой обстановке действуют соответственно. Прибыли к месту разминирования: «Чего жметесь?» — «Ждем, когда туалеты поставят, — без улыбки отвечает саперша с капитанским квадратиком на лацкане, — и химики местность не опрыскали (от комаров)». Поставили. Опрыскали... «Кто инженерную разведку начинает?» — «Во фраге (подробном — до сведения скул — боевом приказе) не сказано. Пусть русские начнут. У нас еще собаки (кинологическая служба — «кей-9») не поели»... Нет, американец не трус. Но от инструкции не отступит ни на йоту. И если сможет эту инструкцию интерпретировать в пользу своей безопасности, сделает это непременно. Когда есть время, все это — во благо...

13.00 — 17.00 — «расширение — в составе расчетов — профессиональных горизонтов» и «часы командирской информации». То есть овладение смежной специальностью, приобретение углубленной (вне учебной программы родного подразделения) инженерно-саперной, медицинской, парашютно-десантной, артиллерийской и прочей подготовки на базе чужих служб. Цель — обеспечить максимально широкую взаимозаменяемость. Тогда же изучают иностранные вооружения и тактику. Последнее аранжируется с узнаваемым намеком на Россию и воспринимается как изучение главного противника — мы по-прежнему в цене. Учат, судя по всему, неплохо. На соревнованиях с нами по разборке-сборке «калашника» и М-16 американцы порой управлялись с «калашом» быстрее. Спаривают практические занятия с политинформациями. Тогда же знакомят личный состав с юридическими нововведениями, проводят весьма идеологизированные брифинги по ситуации по месту дислокации: в Боснии — «сербы — террористы, остальные — пушистые».

Еженедельно тренируют выполнение коллективных нормативов по защите от оружия массового поражения. К теории отношение скептическое. Зато при объявлении учебной тревоги бросают все и бегут в убежища. Кто не спрятался — «виноват» на четверть-треть месячной зарплаты. В среднем раз в две недели проводят стрельбы, водят боевую технику. Ее обслуживают-модернизируют (особенно после остановок-поломок) порой даже ночью. И относятся к этому как к элементу повседневного слаживания. Бывает, что чумазые солдат и солдатка копаются под «хаммером» до полуночи. Причем она — даже топлес, чтобы после работы на месте принять душ и в палатку идти не «чушкой». И никаких нарушений тут нет. Как нет, напомним, «в армии США ни мужчин, ни женщин». Есть «военнослужащие, принявшие присягу на верность Соединенным Штатам». Хочется добавить: бурные продолжительные аплодисменты...

Отношение к «расширению горизонтов», в отличие от force protection, скорее экскурсионное, ибо на жалованьи это относительно не сказывается. Но присутствие на всех видах занятий обязательно. После 17.00 — формально — личное, фактически — организованное время солдата, не занятого службой в карауле. Оно тратится на многочисленные брифинги по воспитанию национальной терпимости («расскажи, за что ты любишь своего друга иной национальности»), изучению этических правил (тех же признаков сексуальных домогательств или военно-гражданских отношений), иностранных языков (проформа), на беседы с капелланами («давайте вместе придумаем текст вечерней молитвы») и знатными гостями гарнизо-

нов, артистами (иногда шокирующими своей убогостью — кто берет три аккорда — тот уже заслуженный).

Вот впечатление от инструктажа «как по именам-фамилиям определять национальность». Ее со взводом разведбата проводил преподаватель-культуролог из гарнизонного гражданского учебного центра. Открыл большой лист бумаги с характерными фамилиями: де Голль, Сервантес, Беккенбауэр... Предложил отгадать, кто какой национальности. Не ответил никто. Смущенный инструктор предоставил слово русскому гостю. На мое «назовите характерную русскую фамилию» — несколько дружелюбных благоглупостей: «У меня дома — библия на непонятном языке. Наверное, русская»... Самый активный — жизнерадостный белозубый капрал тянет руку с кружкой кофе: произнес, нечто похожее на «зад». При коллективном переводе выяснили: «царь». Инструктор догадливо бросается к новому листу бумаги и размашисто выводит маркером: «Толстоевски». Неизгладимо...

«Совсем» личное время часто уходит на все тот же спорт. В сутки необходимо пробежать 12 километров, плюс — почти непременные тренажеры: анаболики едят как хлеб. Но тут не все просто. Зашел в их тренажерный зал наш тогдашний командующий ВДВ почти 60-летний генерал Шпак. И 45 секунд продержал на перекладине «уголок». Потом снял часы и предложил: «Приз тому, кто продержит дольше». Американский главком НАТО мобилизовал двух-трех накаченных «горилл». Даже чемпион сухопутных войск США по легкой атлетике сломался на 22-й секунде. Да и периодические марафоны (5 километров в произвольной форме одежды) нередко выигрывали русские.

Много времени занимает быт — выстаивание в очередях в прачечную, на склад. Подолгу и с чувством поют в походной церкви. Особенно афроамериканцы, которых белые за глаза называют «братьями — в смысле — по разуму». Кстати, по поводу «дяди Тома»... Глубокая ночь. Два полковника — русский и белый американец — устало жуют после многочасовой дороги. В обеденный зал вваливается (мягче не скажешь) разгоряченная негритянская братва со знаками различия не выше капрала. Оружий магнитофон и брань, не более «дистиллированная», чем русская. «Полковник, почему вы не призовете подчиненных к порядку?» Американец поднимает глаза: «А вы не догадываетесь?» — и продолжает: «В 1991-м я проспорил пари, утверждая, что Советский Союз не развалится...» Понятно?

Ходят за подарками в контору американского Красного Креста: подарки от школ и хора мормонов, бейсбольной команды и коллектива «Макдо-

налдса» — открытка с сердечком: «Солдату, который промок в карауле». От «2-го «В» класса..., который любит защитника Америки». Вот тебе карточка на час работы в интернете, пара носков-платков или тубик с зубной пастой...

Играют в компьютерные игры в солдатских клубах, где масса книг, пожертвованных соотечественниками. Но читают мало. Зато часто пишут письма домой: e-mail, как выяснилось, — дорого. Посещение круглосуточно открытой и изобильной столовой — по необходимости. Но и здесь встречаются элементы утрирования. В столовую отряжают одного-двух представителей от отделения. За пайками для всех. Чтобы остальным наглядно проявить служебное рвение. Правда, сэкономленное при этом время часто занимают компьютерной игрой.

Получившие право на учебу часто относятся к ней добросовестнее, чем к служебным обязанностям, особенно при завершении срока контракта. Но это едва ли не единственное неофициально допустимое послабление.

Привычных нам поощрений и наказаний по существу нет. Наиболее показательное наказание — десять отжиманий на месте преступления — за неотдание воинского приветствия, незначительные опоздания или мелкие нарушения формы одежды. В остальном действует жесткая система штрафов за невыполнение постоянно уточняемых обязанностей. Считается, что нескончаемое нормотворчество на это и рассчитано. Главный стимул — доллар, который у солдата постоянно хочет урезать сержант, специалист по вооружению и технике, патруль военной полиции, в последнюю очередь — командир роты. Реально он личным составом не занимается — это обязанность сержантской вертикали. Перед законом равны все. С тогдашнего замкомдива Абизейда (потом он стал главкомом в Ираке) вычли 7 баксов с копейками за какую-то ерундовую недостачу: вроде как его писарь лишнюю пачку дискет получил. Отдельные заслуги военнослужащего отмечаются подарком командования — койном (то есть монетой с эмблемой части) или предметом быта (нож, кружка, интернет-карточка). Вручение обставляется торжественно. Происходит в главном штабе гарнизона при ежевечернем разборе полетов. Для большинства рядовых — это знак особого доверия и чести: глядятся-прихорашиваются.

Итогом неоднократных нарушений является снижение тарифа со стороны гарнизонного центра СПК (дивизионный штаб — около 70 специалистов) или разрывом контракта. За год беспорочной службы (обладателю пяти и более монет) этот же центр повышает тарифный разряд или дает указание финоргану на выплату разовой премии.

* * *

Что тут скажешь? В мирное время система сбоев почти не дает. В боевой обстановке — по-разному. В Ираке более трети потерь случались из-за неправильного применения инструкций, то есть жизнь оказывается сложнее, чем написано в «Увоенных уроках». Нас, по-видимому, она учит большему... Вот откровение бывшего советского афганца — ныне натовца (эмигрант): «В бою русский солдат — уникален: чем тяжелее обстановка, тем больше у него смекалки — а не наоборот». Еще: «Русский не бегаёт каждый раз к юристу и не вымещает злобу на службе, отделяет обиду от приказа». Впрочем, об этом в другой раз.

«На выходе» же между рядовым первого класса Попкинсом и отечественным контрактником Пупкиным принципиальной разницы нет. Хотелось бы, очень хотелось лучшее из американского опыта забрать к себе. Но не будем забывать, что это «лучшее» обусловлено не только экономикой, но и менталитетом с психологией. Мы не Америка. К сожалению. И слава богу...

Еще не вечер?

(Прибалтика-91 в тогдашних цитатах
и сегодняшних вопросах)

25 лет назад казалось, что Советский Союз легче сохранить, чем довести дело до его распада. За этим стояло прежде всего восприятие событий изнутри. Но сегодня, перелистывая прибалтийский блокнот 91-го года, не только отделяешь Правду Времени от правды эпизода, но размышляешь над уроками.

Когда было еще не поздно?

В конце 1990 года в советской повестке дня значилась, во-первых, социально-хозяйственная оптимизация жизни населения в условиях трех-, а потом и пятикратного роста цен на продукты. Во-вторых, сдерживание взаимно ожесточенных националистических и просоветских сил. Первые шли напролом, а вторые, как многие считали, по меньшей мере поддавались на провокации. В обострении их уличного противостояния усматривалась

главная угроза для стабильности страны. Риск ее распада не то чтобы недооценивался, но каждый день ставил локальные задачи: «Представители девяти предприятий Риги с численностью персонала от 500 человек предложили укрепить /«советский»/ Интерфронт рабочими дружинами общей численностью от 3 до 5 тысяч человек... 489 рижан (все — призыва 1-й категории) готовы вступить в формирования народного ополчения... Из них лиц латышской национальности — 142, русских — 51, назвали себя гражданами СССР — 284(!)

Правда, некоторые, прежде всего общественные защитники Союза, утверждали, что на встрече в Рейкьявике Рейган предъявил Горбачеву компромат против него такой силы, что сдача Прибалтики становилась едва ли не главным условием сохранения им власти над остальным Союзом. Приводились по-разному аргументированные предупреждения о реализации Западом плана отделения Прибалтики к осени 1991 года. Этим планом якобы закладывались три взаимодополняющих модели. Литовская — преимущественно по законодательному выходу из Союза с опорой на психологический террор против его защитников. Латвийская — через провоцирование «народного гнева», прежде всего против силовиков. Эстонская — нацеленная на межэтнический взрыв, не исключавшая резонансных терактов от имени русскоязычных «оккупантов». Эти предупреждения казались столь же запальчивыми, что и требования националистов. На практике же изначальное сдерживание просоветских сил развязывало руки их антиподам.

Прибалтийскую хронику можно разделить на два условных периода: до «кровавого января» и после. Приведем факт, на наш взгляд, ключевой. В конце марта Москве доложены цифры, сколько бы в этих республиках проголосовало за Союз, если бы республиканские власти пошли на референдум: «Против отделения от Москвы высказались бы: в Литве — 21,7 процента, в Латвии — 35,8, в Эстонии — 23,8». Уже после ГКЧП ответственные за мониторинг в Латвии и Литве признали, что эти показатели были занижены процентов на 15, а то и 20 — ради сгущения красок: принимайте, мол, экстренные меры, иначе Прибалтику не удержать. При любом прочтении эти цифры характеризуют расклад сил на пике агрессивно-митингового негатива к Москве после «кровавого января» в Вильнюсе и Риге. Впрочем, как сказано в источнике, «без учета мнений в коллективах с устойчивым советским настроением». А ведь на рубеже 1990—1991 годов «по подтвержденным данным, число активных сторонников независимости в Риге не превышает 12—15 процентов горожан,

в Вильнюсе — до 20 процентов. Число им пассивно сочувствующих — сопоставимое. За пределами столиц националистические настроения публично не проявляются».

Вопросы возникли, конечно же, после. Например, такие: как учло государство «декабрьскую» волю большинства и не слишком ли оно осторожничало с созданием антисепаратистского заслона?

Всполохи над болотом

Наиболее адекватный перевод литовского слова «саюдис» — всполох. Так называлась главная антисоветская сила в Литве. Что же ей, а заодно латвийскому Народному фронту противопоставила Москва? — Внутренне противоречивые, а порой и абсурдные резолюции типа: «исполнить при наличии условий», «работу проводить неуклонно, но при гарантированном результате», «для преодоления нездоровых настроений шире опираться на “Движение за перестройку — Саюдис”». А после январских кровопролитий — «сделать центром идеологической работы приближающийся День Советской армии». Несмотря на «августейшую» подпись под телеграммой, просоветский лидер Литвы Бурокаявичюс открыто назвал ее автора «чудаком» — заменив первую букву на инициал подписавшего. Над душевным смятением, поиском меньшего из зол, жизненным опытом тех, кто еще мог что-то изменить, витало не прописанное, но проступавшее сквозь бумагу: «пусть идет, как идет, но если что — спуску не будет».

Двулика и вязкая политическая элита, прежде всего Риги, да и Вильнюса, во многом состояла из функционеров, ждавших, когда с разрушительным местным двоевластием справится Москва, а не они сами. Поэтому верный ленинец из латвийского ЦК, инструктируя пополнение рядов КПСС, объяснял, что перестройка — это «путь к распаду империи, ибо не может же Москва устанавливать цены на рижские торты». Такая вот диалектика! Попутно заметим, что в Латвии, в отличие от Литвы и Эстонии, партбилеты выдавались еще и в июне 1991 года. Как ритуальное свидетельство зрелости гражданина теперь уже «свободной страны». Потому и лидеры «полунезависимой» в условиях 1991 года Латвии не в самом узком кругу намекали не только на «продолжение дела красных латышских стрелков», но и на приверженность «чеккистской платформе». Как говорится, на всякий пожарный...

Подтверждать ли все это именами? Остановимся на формуле: никому задним числом не мстить, но и кошку называть кошкой. В оценке же дея-

тельных защитников Союза тем более проявим деликатность. Тем более что эпически еще не раскрыта жизненная драма многих обладателей фамилий на -ис и -чюс, кто до сих пор не может навестить даже могилу матери.

А тогда? Едва ли не единственным «непримиримым» борцом за независимость выступал литовец Ландсбергис с верхушкой «Саюдиса». В Латвии таких, как он, скорее всего, не было вообще. Сквозная для советской стороны проблема состояла в дефиците не номенклатурных лидеров. Возможно, на эту роль подходили — в Литве непрерываемо харизматичный глава Шальчинкайского района Высоцкий, в Латвии, в частности, — актриса Артмане. С первым откровенно тянули из-за его польских корней, но главное — из-за его открытого выпада против Горбачева. А вторую — националисты «вовремя» подставили какой-то историей с сыном-художником. В пику ей они же назначили министром культуры не менее известного Паулса.

Его роль ситуативно, по крайней мере на пике противостояния, сводилась к посредничеству между Москвой и Ригой. Ему, всесоюзно возвращенному маэстро, приходилось на голубом глазу доказывать историческую — присно и во веки веков — вину первой перед второй. Не без его подачи прибалтийские, а потом и прочие националисты нашли врага «всего живого». Это — «Красная армия и ее клеветы», характеризующие «народными» виршами рижского января 1991 года: «Московский доблестный ОМОН! / Из дефективных собран он. / Дебилы все собрались там / И по уму, и по мордам...» Увы, с этим дружно соглашались и заезжие российские VIP-«демократы». Зачитаем из блокнота диалог, обращенный, как выяснилось, в будущее: «Товарищ депутат, вы только что скандировали: «Россия — с вами. Коммунистов — под суд. Оккупантов — вон». Кого вы имели в виду?» — «Советскую армию — главного рассадника коммунизма». — «Куда же им идти — в Россию? Чтобы усилить там коммунистов?» — «Вы откуда?» — «Из Ленинграда». — *(шутливо)* «Вам — по секрету: эх, если бы маленькая война... где-нибудь на Кавказе. Ею бы и занялись. Что тут толкаться?»

Когда же вильнюсская афиша Дольского, под которой собирались радители «нашей и вашей свободы», стала символом окончательного разрыва «масс» со «сталинскими вертухаями», вопросы возникли уже не прибалтийского масштаба и не отдельно проклятого 1991 года:

Из кого у нас выстраивается иерархия государевых мужей и кто обещает, что они воистину государевы? Каково должно быть соотношение между творцами государевых дел и их исполнителями? Только ли «революционная смердяковщина» подвигла перестроечных «прорабов» в очередной

раз «разрушить все до основания»? А затем? В чем состоит роль «государевой стражи» — в защите Отечества или в «громоотводе» на случай их принародного раскаяния? Наконец, кому и с каким нравственным охватом служит творческое сообщество страны — ей или кухонному, теперь — киберпространству?

«Дело прочно, когда под ним струится кровь»

Вопрос «быть или не быть?» с самого начала был круто замешан на теме «неизбежного кровопролития, замышляемого Москвой против борцов за свободу». Тогда же Москву предупреждали: «В условиях зыбкого равновесия главное — исключить кровь». Сторонники независимости, памятуя о том, что «дело прочно, когда под ним струится кровь», ее жаждали как главный мобилизующий довод в пользу отделения от Москвы. Красноречивый эпизод. Главный силовик литовских национал-сепаратистов Буткявичюс был задержан советским вильнюсским ОМОНОм. У силовика забрали «незаконно хранящееся оружие», после чего отпустили. С копией протокола. Об этом Буткявичюс доложил председателю парламента Ландсбергису. Спросив, почему задержанные не оказали сопротивления, получил простодушный ответ: «Иначе меня бы убили». На это последовала воистину убийственная реплика Ландсбергиса: «Ну, и убили бы...»

Но «узурпаторы свободы» никого убивать не хотели. Команды — вы их прочли — выполнялись при морфологическом нежелании вовлечь себя в какую бы то ни было авантюру. По прошествии лет события укладываются в простую формулу: радикал-сепаратисты, не стесняясь в средствах во всех смыслах этого слова, наступали и провоцировали. «Советская сторона» неорганизованно оборонялась, порой поддаваясь на провокации. А уж если кровь пролилась, тех ли назначили виновными? Записные «национал-предатель Бурокаявичюс», «промосковский редактор (?) Мицкевич», «омоновец Млынник», если вникнуть в их жизненные обстоятельства, «ягнятами» быть не могли. Но обошлись с ними по дедушке Крылову: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...»

Неделя, перевернувшая Прибалтику, началась с 13 января с кровопролития у вильнюсской телебашни. Эти события объективно не расследованы. А ведь тот же Буткявичюс ставил потом себе в заслугу «политическую» меткость своих снайперов. Мы же вместо газетной патетики приведем диктофонную запись, датированную тем же вечером: «Идут танки? — Какие? — Кажется,

Т-72. — Слышите, на нас идут 72 танка!» А вот стиль общения с теми, кто пробовал сомневаться: «Почему как минимум трое погибших у телебашни показаны в карете скорой помощи в микрорайоне Виршулишкис — ведь это не совсем рядом. Их туда было не вынести и машине не пробиться... Почему работник морга сначала разрешил узнать фамилии поступивших в него накануне 13 января, а после звонка вашему помощнику отказал? За что работников морга наградили растворимым кофе?» — «Вы провокатор. Вы глумитесь над памятью павших за свободу». Страшнее другое: как минимум четверо родственников тех, кто погиб якобы у телебашни, потом куда-то исчезли. Не потому ли, что успели рассказать что-то политически «глумливое»?

Рига. Здесь у Бастионной горки 19 января тоже прогремели выстрелы. Народный фронт тут же организовал экскурсию: «Здесь убили кинооператора Слапиньша, тут ранили журналиста такого-то...» — «Скажите, как они все разом оказались на площадке 50 на 50 метров, где, как вы говорите, ничто не предвещало перестрелки с омовцами?» — «Спросите у министра МВД Вазниса», к тому времени пережившего в борца за свободу. Вот выдержки из его телеграммы в Москву, посланной накануне рижского кровопролития: «В приемную министра позвонил работник ОМОНа ст. л-т Кузьмин и потребовал соединить его с министром. Узнав о его отсутствии, Кузьмин сказал: «Пусть министр винит сам себя» и положил трубку. В тот же день к тыльной стороне здания МВД приехали четверо сотрудников ОМОНа и провели рекогносцировку, после чего уехали. Мною... отдан приказ в случае попыток проникновения работников ОМОНа... открывать по ним огонь на поражение». Вникните в логику документа: позвонил старший лейтенант, кто-то подъезжал... Хотелось открыть огонь, — да так, чтобы пораскатицей, — его и открыли. За назначением виновников дело не встало... А расследования по существу не было.

А там, в центре Риги, мог стоять и автор другого документа, приведенного в оригинальной стилистике: «Начальнику Кировского РОВД г. Риги от Филиппова Сергея Викторовича, 1970 г. рж, 13.01, прож. по адресу: г. Рига, ул. Артиллерияс, дом 17, кв. 30, не работаю с 86.04.17. Объяснение. Я с 19 числа состою в добровольном формировании по охране Латвийской республики. Мои знакомые сообщили что дают бесплатно вино и сигареты, так как я нигде не работаю меня это устраивало. Я шел с барикад домой и был раньше судим по статье 139 ч. 2 два раза. Вчера 22 числа я выпил много водки точное количество не помню это было несколько бутылок потому и попал в атризвитель. Филиппов. 23.01.91». Безработного парня можно понять, а заодно и поздравить со счастливым для него исходом. Очевидно,

что историю не делают в белых перчатках. Но и правда — о двух концах. Например, подсказывающая рефренный вопрос: способно ли наше нынешнее государство прогнозировать социальные потрясения? Существует ли у него конфликтологический инструментарий их профилактики? Или «главным по стабилизации» у нас, по-прежнему, служит ОМОН? Как на Манежной. Наконец, жива ли русская духовная традиция — своих не бросать?

«Цветные революции» начались с Прибалтики

Это так, если под ними понимать возведение в абсолют интересов самой «мотивированной» группировки. Когда мораль и право предстают фикцией, ничто не чересчур, за граница всегда права, а человек, если он «не наш», это моль... За назидательной преамбулой — еще одно свидетельство времени. Тоже в оригинальной редакции. «По проверке заявления о выселении гр. С-ва, Михаила Львовича проживающего по адресу г. Вильнюс ул. Шевченко дом..., кв. ... так как у него незаконно проживают подозрительные жильцы... гр. С-в М.Л. дверь не открыл так как никого не было дома С-в М.Л. чинил жигули водворе... Дверь в квартиру С-ва М.Л. открыли отжатию скобы. После этого гр. С-в заявил что у него никто не ночевал только в ноябре Еврей Горохов из Орджоникидзе. Граж. С-в сказал что он бывший военный пенсионер советской армии и клеветал на верховный совет Литвы оскорблял работников милиции словами морда фашиская конная милиция и вычто ах..ели... Граж. С-в оскорблял работников милиции что сломали дверь выпустили кота и разбили чайник. После этого граж. С-в пошел в первый подезд за пьяными офицерами советской армии. Они оскорбили жильцов дома и сказали знают Еврея Горохова подполковника и начали драку об оккупации... задержаны гр. С-в М.Л. и начавший драку несовершеннолетний Дабкуст». Вы поняли, за что задержали, если не выселили несчастного? А знаете, с чего начался общепалтийский исторический реваншизм? С эстонского запроса о мерах, принятых против советских летчиков, бомбивших оккупированный гитлеровцами Таллин.

Вопрос же о национальной чистоте «всенародного чаяния» обратим Москве 91-го года в надежде, что нынешняя извлекла уроки. Почему на жизненном рубеже тогда еще единой страны столь издевательски действовали ее зарубежные недруги? Блокнот испещрен фамилиями западных миссионеров, появлявшихся даже в националистических президиумах. Какая, например, связь между охраняемым ведомством латвийских националистов

и американской христианской миссией «Добрая весть и милосердие»? Почему тоже американец некто Малкис, не скрывая своей военно-профессиональной принадлежности, участвовал во встрече с «представителями советских военных властей» в Вильнюсе? Кстати, именно он обращался к небезызвестному впоследствии полковнику Масхадову: «А вам-то, кавказцу, что до Советов? Вам о своей родине нужно думать». Или как расценить полуанекдотическое разоблачение в Шальчининкае польского «пограничника» (тогда Польша числилась в союзниках СССР!) — его жена, тоже оказавшаяся в этом литовском городке, заподозрила «неслужебный» переход супругом советской границы.

Где в конечном счете граница между суверенитетом государства и закордонными «заботами» о его будущем? Не актуальна ли и сегодня информационно-психологическая защита государства, если оно видит себя в конституционных границах?

* * *

История не стоит на месте. Бывший вильнюсский силовик Буткявичюс впоследствии осужден за мошенничество (или за развязанный язык). Рижский омоновец Млынник зимой 2004-го оказался среди тех, кто спас Абхазию от гражданской войны. Проигравших «узурпаторов» переместили на нары — Бурокаявичюс, скажем, отсидел двенадцать лет. И представьте, никакой правозащитной неистовости и «христианского милосердия». Учит ли чему история? — вопрос открытый. Очевиднее то, что ее фрагменты редко вызывают к принятию мер до завершения полного исторического цикла. А он, возможно, еще не завершен. Прибалтам помогли не только собственная пассионарность, плюс, понимаешь, чьи-то амбиции и незапятнанное политическое слабоумие... Аккумуляированный тогда заряд вероломства, лжи и пакостливости в землю не ушел. В Вильнюсе и Риге не стреляют уже 25 лет. Почти столько же стреляют на Кавказе...

Август 2008-го: победа во избежание худшего...

Такова сжатая оценка событий августа. Итогом спорадических боев столкновений и разнесенных по политическим этажам демаршей стала пятидневная российско-грузинская война, завершившаяся потерей Грузией ее мятежных автономий.

Полковник Баранкевич против «чудесного грузина»

Дело обстояло так. Грузия форсировала вступление в НАТО, ожидая, что это произойдет уже зимой 2008 года. Восстановление территориальной целостности должно было подтвердить соответствие страны по крайней мере натовским стандартам военной эффективности, следовательно, зрелость грузинской государственности. Действия Тбилиси поддерживались всеми недовольными Москвой и опирались на лучезарный прогноз: во-первых, Россия, зависящая от энергопотребителей, не пойдет на прямую конфронтацию с Западом, во-вторых, она надолго увязла в собственных кавказских делах. Москва, со своей стороны, надеялась, что Саакашвили, доселе не проигравший ни одной политической баталии, не станет рисковать своей репутацией и ограничится очередной демонстрацией силы. Тем более что Запад, по крайней мере публично, не связывал вступление Тбилиси в альянс с возвращением им этих автономий.

От противного не внушала доверия и нарочитость концентрации грузинских войск под лозунгом «последнего боя за спасение отечества». Во всяком случае российские части, накануне пройдя боевое слаживание в ходе учений в Северной Осетии, границы Южной — не пересекли. Был ли в этом элемент втягивания Тбилиси в войну, однозначно сказать трудно. Но их появление в Цхинвале до первых залпов грузинской артиллерии определенно оправдывало бы упомянутое «спасение». Хотя, кто знает, меньше или больше жертв вызвало бы экстренное усиление миротворцев? Так или иначе прибытие в Тбилиси десанта западных журналистов и отзыв с передовых позиций ряда таких же военных советников — это произошло утром 7 августа, всеэкранный (но позднее дезавуированное — бывает...) объявление антисепаратистского похода указывают на инициаторов военной кампании, а заодно на расчеты ее успешного проведения.

На чем, кстати, они строились? Иными словами, был ли у Саакашвили шанс на победу? По формальной логике был. Правда, по той же логике, «если разглядеть Грузию утюгом, получится территория, равная Франции» (цит. Саакашвили). По замыслу Тбилиси, массированный артналет на Цхинвал позволил бы грузинским танкам без боя проскочить югоосетинскую столицу и через три-четыре часа доставить к пограничному с Россией Рокскому тоннелю 300—400 спецназовцев. То есть с опережением наших войск закупорить Южную Осетию и вторым эшелонном нанести в ней «конституционный порядок», который бы немедленно признало «мировое

сообщество». Тем более что для раскочки 58-й армии требовалось не менее пяти-шести часов. В этом грузины не ошиблись. В угоду тбилиским самооправданиям упростим ход дальнейших событий. Далее в дело вмешался военный министр Южной Осетии отставной российский полковник Анатолий Баранкевич. Он лично подбил из гранатомета два грузинских танка, спешив спецназовский десант в трагическом для него удалении от Рокского тоннеля... Мертвые сраму не имут. По 400 жертв с каждой стороны соответствовали логике войны: грузины потеряли в основном военных, югоосетинцы — мирных.

Существо же событий состояло в том, что на натовскую помощь и российское головоуятие Саакашвили уповал больше, чем на собственную силу. Но натовцы не стали отягощать душу ни воспоминаниями о Косово, ни проблемами «чудесного грузина» и сосредоточились на осуждении исторического визави по «всесезонной» модели Венгрии, Чехословакии, Афганистана. Отечественное же воинство действовало в привычном для себя режиме «плановой рефлексии»: «Неужели, е-мое, 14 лет кавказской войны ничему не научили?!» Воевали, надо сказать, не без огонька и смекалки.

Чего стоит «ниппельное» обхождение ямадаевцев с главной полевой ставкой Саакашвили в городе Гори? Из него в сторону Тбилиси выпускали, предварительно разоружив, всех «спасавшихся» и жаждавших спасти грузинский суверенитет на столичном рубеже. Обеспеченный тем самым временный паралич управления Грузией стал нашим ответом западным создателям нелетального оружия. Поэтому жуть, охватившая Тбилиси на пятый день «восстановления конституционного порядка», наигранной не была. Да и из Верхней Абхазии — Кодорского ущелья, нависающего над Сухумом, защитники грузинского суверенитета бежали столь же резво, что и их верховный главнокомандующий — из Гори. Но злорадствовать по этому поводу не будем. Саакашвили когда-нибудь переберется к родственникам голландской жены, а наше соседство с менее «чудесными» грузинами никто не отменит.

В ожидании овертайма

Если суммировать волны комментариев мировых СМИ за прошедший год, то обнаружатся три неравных информационно-политических периода. В июле — начале августа в центре не самого пристального медийного

внимания находилось покушение на Дмитрия Санакоева — тбилисского ставленника в пику цхинвальскому лидеру Эдуарду Кокойты, а также спорадические перестрелки за контроль над дорогами и господствующими над Цхинвалом высотами. Даже закрытие рынков (кавказский народный «барометр» — «холодно-горячо»), эвакуация на север около 2,5 тысячи цхинвальцев, а заодно и предложение Кокойты заполнить российскими осетинами 530 вакансий в цхинвальской милиции не стали главными мировыми новостями. При этом все стороны по нарастающей обвиняли друг друга в злокозненных намерениях.

Второй период наступил 8 августа. В последующие два месяца ситуация обрисовывалась сверхэмоционально и с диаметрально противоположных позиций: Россия — агрессор, Грузия — жертва. Или наоборот — с той оговоркой, что жертвой грузинской агрессии стала не собственно Россия, а ее миротворцы, защищавшие жителей Южной Осетии и Абхазии. В этой какофонии первое военно-политическое поражение Запада на постсоветском пространстве компенсировалось не самым успешным со стороны Москвы информационным подкреплением своей версии событий. В итоге Запад на своем поражении не настаивал, а Россия не вполне распорядилась своей победой. Подтвердил свое значение афоризм информационной эпохи: выигрывает тот, кого назначает CNN.

Увы, нам не на чем было выстраивать модель поведения даже при локальной победе. Запад же использовал традиционный лозунг — «Россия не права по факту своего существования». О том, как бы мы выглядели, уступив «демократическому сообществу», и что бы стало с Южной Осетией, нам не подсказали. Мы же тогда постеснялись внятно произнести то, что спустя год услышали от американского вице-президента Джо Байдена: не надо загонять Россию в угол...

Третий период наступил к зиме 2008-го. Стало ясно, что пополнение Грузией НАТО, по крайней мере юридически, ввергнет альянс в войну, по прикидкам похожую на иракскую. К тому же возникла общенатовская потребность превратить Афганистан в мировое антитеррористическое ристалище, ибо ответственным за «штурманов 11 сентября» назначен талибан. Рисковать транзитом через Россию не решились ни Вашингтон, ни Брюссель. Дежурное же поощрение тбилисского «недосуверена» сродни поправке Джексона — Вэника. Той, что до недавнего времени увязывала торговлю с Москвой со свободой еврейской эмиграции из Советского Союза. Все понимают символичность того и другого, но избавление от образа собственной правоты снижает доверие к нынешней политике. Саакашвили

в любом его статусе, как муху в чашке кофе, отдувают по мере навязчивого приближения к непорочным устами «цивилизационных союзников».

Р. С. Уроки нашей победы

Россия одержала тактическую победу во избежание стратегического поражения. Победила, чтобы подвести черту под перечнем отступлений и потерь, до августа 2008 года именовавшихся «приобщением к демократическим ценностям». Не искушаемый да не соблазнится. Да и натовцы, как выяснилось, не всесильны. Главный же для нас урок пятидневной войны состоит в том, что подготовка пророссийского, скажем так, «резерва» из числа грузинских граждан по обе стороны Кавказского хребта обошлась бы нам дешевле военной победы. На тему второго урока спросим не только экономистов: почему безусловное экономическое, прежде всего энергетическое, превосходство России над ее соседями недостаточно для их «нужной» политической мотивации? Третий урок, он же вопрос — еще и для дипломатов: чем нам так дорого международное право, в каждой острой ситуации обращаемое против нас? Пока — многоточие...

Трофейная Грузия, или Неизвестный август 2008-го

Привет турецким морпехам...

Всего в классическом плену побывало около 30 грузинских военнослужащих, в абсолютном большинстве рядовых, даже не сержантов. Сразу вопрос: что значит в классическом? Это значит, что они были задержаны с оружием в руках российскими регулярными войсками (а не югоосетинскими формированиями) с соблюдением соответствующих процедур. Впрочем, Южная Осетия слишком мала, чтобы скрыть что-то вопиющее. И хотя действия агрессоров не располагали к политесу в отношении всех грузин, общая формула: «разоружать и отпускать» — распространялась на всех, кто им противостоял. Почему среди пленных практически не было командиров? Ведь по опыту чеченских кампаний именно командиры оказывались в плену едва ли не чаще рядовых солдат. Потому что российские офицеры нередко прикрывали отход своих подчиненных, обрекая себя как

минимум на плотный контакт с противником, а порой и на окружение. Под Цхинвалом было иначе. Когда над боевыми порядками грузин перестали летать американские вертолеты — а это случилось уже к концу второго дня войны, — грузинские командиры убыли на совещание в тыл, да так в большинстве и не вернулись — доставали быстроходный транспорт для собственной эвакуации в сторону Тбилиси. Возможно, командиры бросили солдат по приказу. Некому было, как выяснилось, крепить оборону столицы. В военной истории таких примеров немного.

Теперь по поводу американских вертолетов. Их, скорее всего, пилотировали грузинские летчики. Но примечательно другое: значительная часть рядового состава не сомневалась, что главные союзники прикрывают их не только политически и не только с воздуха. Приблизительно четверть пленных грузин были убеждены в том, что Грузия уже вступила в НАТО и союзники (почему-то турецкая морская пехота (?) уже заняли Рокский тоннель. Поэтому грузинским сухопутчикам остается лишь покончить с цхинвальским узлом сопротивления и выдвинуться навстречу туркам.

Той же логике соответствовала изначальная убежденность ряда пленных в том, что российская армия в Южную Осетию не придет, потому что она беспросветно завязла в Чечне. Тем неожиданнее для них стало появление в Южной Осетии батальона «Восток». Поскольку в 13-тысячной грузинской группировке, нацеленной на Цхинвал, процент выходцев из Абхазии был выше, чем по всей грузинской армии, остаточная память о действиях других чеченцев, но в Абхазии в 1992—1993 годах сыграла дополнительную деморализующую роль. Участие роты из состава батальона «Восток» Героя России подполковника Сулима Ямадаева позже поясним малоизвестным эпизодом. Ямадаевцы осуществили блиц-захват грузинского Гори, после чего почти сразу были выведены из зоны боевых действий.

Определенную часть 1-й пехотной бригады, выступившей на Цхинвал, составили резервисты из Гори и окрестностей. Скорее всего, именно они, а не действовавшие в первом эшелоне профессионалы понесли основные потери. В Тбилиси сообщили сначала о 215 погибших военнослужащих Грузии. Потом дали понять, что это цифра не окончательная, но тему легче закрыть, чем развивать. Официальная Москва спорить не стала. Но российские посты видели вереницы грузинских авторефрижераторов с телами убитых, следовавших в сторону Тбилиси. Вполне возможно, что часть погибших замаскирована под небоевые потери.

Наилучшую, хотя и относительную боеспособность показали грузинские спецназовцы. Таковых в районе Цхинвала могло находиться до 300 человек,

но в боевых действиях принимали участие около 150. К третьему дню войны их уничтожили вместе с артиллеристами. В плен спецназовцев не брали, а мертвые сраму не имут... Заметим, что понятия «Южная Осетия», как и «осетин», для значительного числа плененных оказались неизвестными. Все они воевали, как им объяснили, против «бандитов и контрабандистов», из-за которых — цитируем: «Грузия не может продавать вино и вынуждена повышать цены на сигареты». Примечательно весьма неожиданное от грузин крайне слабое знание русского языка на фоне полного непонимания, в каком качестве и перед кем они находятся: немногие пленные отчетливо объяснили, являются ли они резервистами или «регулярными» военнослужащими. О каком-либо грузинском шовинизме говорить не приходится. Большинство вели себя как нашкодившие юнцы перед участковым: плакали и обещали, что больше не будут.

Кто у них президент?

Чуть ли не половина пленных, едва отдышавшись, предлагала подобие торга: расскажу, все что хотите, но запишите, что молчал как рыба. Некоторые предлагали выкуп, если «позвоните по этому телефону». Все стопроцентно заверяли, что лично ни в кого не стреляли и вообще — любят Россию. Не только имена командиров выше ротного уровня, но и фамилии министра обороны и даже президента страны называли неуверенно. Один из пленных таковым считал Буша. На вопрос, вполне ли он в этом уверен, молодой грузин осенил себя крестным знаменем — вот-те, мол, истинный крест. На попытку одурачить спрашивавших это похоже не было. Тем более что по суммированным показаниям многое совпадало в деталях. Да и вели допросы этнические грузины. Возможно, в подтверждение общей с пленителями веры военнопленные часто и истово молились. Складывалось впечатление, что массовой сдачей в плен грузинские власти пытались создать нам дополнительные гуманитарные проблемы, как минимум создать условия для последующих пропагандистских акций.

Характерную ситуацию пленения проиллюстрируем эпизодами, когда в плен не брали. 11 августа ямадаевская разведывательная группа (около 10 человек) организовала засаду на выезде из Гори в сторону Тбилиси. Впрочем, при поиске объекта захвата пришлось остановить колонну — пять-шесть автобусов и несколько грузовиков под тентами. Колонна безропотно встала. Из автобусов довольно бодро вышли около 300 грузинских

солдат... все со стрелковым оружием. Командиру разведгруппы было от чего присвистнуть. Вместо этого он для начала построил сбегавшее грузинское воинство. После чего распорядился последний грузовик загрузить изъятыми винтовками-автоматами. После выполнения приказа колонна продолжила путь на Тбилиси, а грузовик — обратно. Приблизительно в то же время к причалу в Поти, занятому российскими военными, подошла колонна из нескольких грузинских «хаммеров». Вышедший из первой машины офицер предъявил документы на получение военного груза и заодно по-русски переспросил, не знают ли наши моряки, где будет швартоваться турецкое (опять!) судно. Грузополучателей вытащили из машин и послали, догадаетесь куда... Некоторые, правда, просили оставить при них и «хаммеры», потому как они не грузинские, а американские. Так вот: эти «хаммеры» с нашими водителями отправились на пункт сбора трофеев. Своим ходом и без охраны. Многочасовая дорога прошла без происшествий. Наши начальники иронизировали, что лучше было бы препроводить трофеи через Тбилиси в Цхинвал. Там бы их встретили радостнее, чем Валерия Гергиева.

Не забудь станцию Лозовую

Тему трофеев заострил последующий за войной пожар на украинских военных складах в Харьковской области. Для ясности повторим. В период с 8 по 12 августа российской стороной уничтожено около 50 и захвачено до 150 единиц боевой техники грузинской армии, в том числе 65 танков из начальных 230—240. Выведена из строя боевая авиация и основная часть систем ПВО, а также кораблей вооруженных сил Грузии. Подобрано в исправном состоянии свыше 4 тысяч единиц только легкого стрелкового оружия. Впрочем, не об этом сейчас речь. Захваченные формуляры боевых машин свидетельствуют о том, что значительная часть иностранного вооружения поставлена сюда в обход действующей международно-нормативной базы. Так, спешная, фактически приуроченная к августу 2008 года модернизация Украиной как минимум танкового парка Грузии закамуфлирована «ремонтно-восстановительными работами», «поставками запчастей и учебно-тренировочного оборудования» и т. д. Налицо факты как минимум документальной «пересортицы» наступательных вооружений в оборонительные. Объем и номенклатуру боеприпасов, оказавшихся в грузинских арсеналах, характеризует неформальный вывод российского эксперта:

«Наверное, весь бывший Варшавский договор с Украиной в придачу слил сюда все, что у них дома грозило взорваться». Впрочем, о большой политике мы обещали не говорить.

История состоит из множества загадок (перелистывая книгу Владимира Чурова)

Еще раньше, чем книга Владимира Чурова, толчок к этому разговору дал поиск сюжетов совсем к другому, еще не завершеному повествованию — исторической фантазмагии «Призраки Главного штаба». В коридорах на Дворцовой площади по ночам под звон шпор между затяжками «Парламента» спорят живые и ушедшие герои переломных эпох российской истории — военные министры Милютин и Троцкий, командующие Петроградским и Ленинградским военными округами Полковников (октябрь 1917 года) и Самсонов (август 1991-го). В их разговор вмешиваются звонки Керенского и Собчака... Звонки истории, с которой не спорят и о которой многие из нас забыли с последним школьным звонком.

Подсказка Владимира Чурова

Но сейчас речь о «документальной повести с некоторыми предположениями и семейными рассказами» председателя ЦИК РФ Владимира Евгеньевича Чурова «Тайна четырех генералов», изданной московским издательством «Граница — Кучково поле». Написанная в жанре конспирологических предположений, эта книга раскрывает генеалогию рода автора в увязке с судьбами известных военных деятелей России и Европы — Алексея Игнатъева, Александра Черепанова, Александра Самойло, Карла Густава Маннергейма, а также Антона Деникина, Михаила Бонч-Бруевича, Федора Палицына, Евгения Беренса и еще ряда исторических персонажей периода от Русско-японской войны 1904—1905 годов до 50-х годов XX века. По оригинальной версии Чурова, всех их объединяла служба в царской военной разведке, верность которой они в разной степени сохранили до конца своих дней. Применительно к Маннергейму именно этим автор объясняет, например, странности, то есть очевидную пассивность советско-финского противостояния на Карельском перешейке и Прионежье в 1941—1944 годах,

позволившую направлять сюда части Красной армии фактически на отдых и перегруппировку. История завершилась беспрецедентным сталинским помилованием Маннергейма — союзника Гитлера. Впрочем, сведения, заимствованные автором из трехсот с лишним источников, подлежат проверке профессиональным историком. Интерес же, проявленный Чуровым не только к своему роду, но и к неожиданному пласту отечественной хроники, пробуждает любопытство к не менее легендарным ее страницам, приоткрытым автором и ждущим внимательного читателя.

Начнем с того, что ни одна спецслужба не раскрывает всей правды о своей деятельности, даже если нет страны, за интересы которой она боролась. Не только беллетристам-романистам, но и историкам чаще приходится напрягать фантазию, довольствуясь сведениями, почерпнутыми из официальных летописей или семейных хроник. Увы, дефицит интригующего материала, особенно для самого массового из искусств — кино, уже привел к мелодраматизации («Баязет») либо к космополитичному «оголливуживанию» («Турецкий гамбит») исторического пути России. С общим идейным знаменателем: «наша история — хроника головотяпств», «быть русским — значит проигрывать». Может, что-то из навеянного книгой Чурова подскажет другому писателю более оптимистические сюжеты?

Неоконченные сюжеты русской летописи

Конечно же, история государства Российского состоит не только из разведывательных донесений и в детективном флере не нуждается. Тем более, если они комментируются не историком спецслужб, а лишь посетителем музеев, в частности в афганском Герате, китайском Харбине, Белграде и Мадриде. Вот несколько малоизвестных фактов. 20-е годы XIX века. Государственный секретарь Коллегии иностранных дел России грек Иоанн Каподистрия, он же один из руководителей русской разведывательной сети на Балканах и в Турции, получает императорский указ о личном участии в разворачивавшихся тогда событиях в Греции. Свою задачу Каподистрия скорее перевыполнил, став первым президентом нового греческого государства.

Почти тогда же на соответствующих аналитических должностях в коллегии работают два Александра Сергеевича — Грибоедов и Пушкин. Причем последний при петербургской жизни первого работал более продуктивно и рискованно: со спецкомандировками в горячие точки. Петербургский литератор Сергей Порохов убежден, что этим, в частности, объясняется весьма

снисходительное отношение императора к декабристским исканиям поэта. Не станем вносить дополнительный детективный подтекст в подневно исследованную биографию Михаила Юрьевича Лермонтова. На Кавказе он служил командиром, как мы сегодня сказали бы, роты глубинной разведки, неоднократно переправлялся через Терек и, судя по всему, совершал рейды в Аргунское ущелье. Но вот кавказские рассказы Льва Николаевича Толстого по оценке «непрофессиональных литературоведов» свидетельствуют о его более чем осведомленности в разведывательных донесениях. Может, литературные задатки будущего «зеркала русской революции» были замечены раньше и не только литературными критиками?

В 1863 году «выпускник восточного отделения Императорского петербургского университета» казачий сотник (!) Андрей Шульц получает приказ «установить южный предел Российской империи», выставив «государев кордон» по речке Кушка. Из разрозненных и, разумеется, требующих уточнения сведений известно, что к своему базовому лагерю в районе современного города Мары Шульц прибыл из длительной южной спецкомандировки, поразив сослуживцев «изрядным умением в турецком (наверное, туркменском или, быть может, «тюрки», общетюркском *lingua franca* до начала XX века. — Авт.) и персидском языках». А далее следует детективная история. Шульц лихо проскакивает Кушку и, перемахнув через перевал Рабати-Мирза, оказывается в предместьях Герата — в доброй сотне километров южнее указанного рубежа. Уже оттуда вестовой привозит доклад: туркменское население Северного Афганистана с почестями встретило русских казаков. В дело включились англичане, из своих источников получившие сведения о явочном прорыве русских, нарушивших ранее достигнутые договоренности с Лондоном. Пришлось возвращаться, объясняя «мировому сообществу» что, мол, провожатый-туркмен таким образом хотел установить российский суверенитет над родным племенем.

Восточным интересам Отечества посвящена жизнь и двух других великих путешественников — Андрея Снесарева и Николая Пржевальского, кадровых офицеров российской военной разведки. Первый стал едва ли не родоначальником современной афганистики. Второй так глубоко вошел в историю с географией Восточного Туркестана и Монголии, что оказался одним из первых профессионалов-квартирмейстеров, получивших генеральское звание. Не знаем ли мы о лошади Пржевальского больше, чем о нем самом?

Известный итог Русско-японской войны не затеняет примечательного факта: русские карты Маньчжурии да и всего Северо-Восточного Китая

с конца XIX века до конца Второй мировой войны считались на порядок точнее японских, не говоря о немецких — лучших в Европе. Здесь уместно вспомнить двух главных отечественных картографов того времени. Имя одного — Павел Мищенко, в Русско-японскую войну он командовал разведывательно-диверсионным эскадром. Другой — Ма Дахань, более известный как барон Карл Густав Маннергейм.

Даже историками забыты имена двух руководителей русской военной разведки начала XX века — генералов Палицына и Бонч-Бруевича. Обоих связывают с деятельностью в России масонских лож, по мнению многих историков, оказавших значительное влияние на ход и исход трех революций вплоть до октября 1917 года. Но европейские, например французские, исследователи усматривают прежде всего обратную зависимость: никогда раньше, во всяком случае до августа 1914-го, глобальная сеть масонов не работала столь однозначно на нужды одной страны — России. Другое дело, насколько это оказалось эффективным в более широком и жестоком историческом контексте. Вполне вероятно, что роль Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича оказалась на десятилетие затененной его родным братом, секретарем Совнаркома, Владимиром Дмитриевичем. Более известным оказался и другой родственник шефа царской разведки — Михаил Александрович, давший имя институту связи. Насколько созданная в начале XX века разведывательная сеть в европейских столицах впоследствии служила интересам красной Москвы — вопрос к заинтересованному историку. Но показательно, что ни одна крупная диверсионная операция, разработанная белогвардейскими штабами при участии европейских спецслужб, успехом не увенчалась.

Король-республиканец, или Свеча Ксении Блаженной

Летом 1934 года в карликовое государство Андорра, зажатое между Францией и Испанией, прибывает белогвардеец по имени Борис Скосырев. Долгое и весьма профессиональное изучение европейской истории привело его к мысли об основании здесь собственной династии. Под ликование андоррцев, недовольных властью испанского епископата, он провозглашает себя королем Борисом I. Спустя девять дней удивившиеся такой наглости испанцы увозят «русского короля» в Барселону, потом

высылают его в Португалию. Скажете, сюжет для авантюрного романа? Не совсем. В дальнейшей биографии монарха-самозванца провал. Но известно, что его советчиком выступал некто Тищенко: вполне вероятно, он даже сопровождал Скосырева в его андоррском походе. Фамилия Тищенко известна по не менее любопытному сюжету — «команде Кузьмина», воевавшей в Испании на стороне республиканцев. Вполне возможно, что в России о нем и о ней ничего не известно. В 1936 году группа бывших белогвардейцев обратилась к Сталину с просьбой о возвращении на родину. Их обращение совпало с началом гражданской войны в Испании. Сталин якобы сказал: «Их путь домой лежит через Испанию». Старшим группы, значительная часть которой располагалась в Сербии, стал подполковник из Петербурга Кузьмин — скорее всего, офицер царской разведки (славист по образованию, а заодно выпускник Сорбонны). Советские добровольцы тогда еще до Испании не доплыли. Настоятель русской церкви в Белграде со слов своего деда, бывшего духовника Врангеля (вспомните эпизод из фильма «Бег»!), не очень уверенно говорит: «В “команде Кузьмина” было не менее двадцати офицеров. Значился в списке и штабс-капитан Тищенко». Не исключено, что накануне он прибыл из Испании, ибо свободно владел испанским языком. В Испании этих фамилий не знают, хотя известны имена белогвардейцев, воевавших на стороне фалангистов Франко. В русском Музее Оцуа в Мадриде предполагают: русские фалангисты спасли своих «республиканских» соотечественников, по крайней мере их имена. Скорее всего, все белогвардейцы-республиканцы погибли. Но что удивительно: после гитлеровской оккупации Парижа в 1940 году в концлагерь на территории вишистской Франции из Испании доставят Бориса Скосырева. В 1944 году его не станет.

В последний день моего пребывания на Балканах ко мне в белградской церкви Святой Троицы подошла древняя русская старуха: «Господин полковник, передайте привет столице нашей. Поставьте свечу Ксении Блаженной». — «От кого поставить?» — «От всех Кузьминых». Может, совпадение?

* * *

Эпиграфом к своей книге Владимир Чуров выбрал слова Тимофея Грановского: «Изучение русской истории портит самые лучшие умы»... Или обостряет?

II. РАВНЫЕ ВСЕМ ЖИВУЩИМ

Я встретил принцессу на минном поле

Тузла — город на севере Боснии, страны 10 миллионов рассеянных противопехотных мин. Кампания за размещение крупного ооновского заказа на разминирование пришлась как раз на лето 1997 года. То ли в связи с кампанией, то ли принцессы ради... Впрочем, «все вопросы — к мистеру Вэнсу из королевского протокола». 28 июля к трехэтажной гостинице в центре Тузлы прибыл кортеж из пяти или шести «тойот»-полупургонов. «Господа, Ее Высочество возглавляет общественную борьбу с противопехотными минами. Однако проявите понимание... Дорога заняла пять часов».

Не искушенный в женской моде и стилях, допускаю небрежение к деталям. Энергично, чтобы не сказать ослепительно — для мужских глаз, — в дерзко короткой юбке выскочила ожидаемая уже часа полтора принцесса Ди. Светло-бежевое с еще более светлой отделкой платье с кромкой контрастных пуговиц. Застегнуты — не все. Простите, моралисты, — без чулок и колготок. В правой руке — одноцветная жакетка и совсем не подходящая к случаю театральная белая сумочка с дешевым, почти бижутерным, никелированным значком-застежкой. Очень молодежно... В шнурованных не по сезону то ли кроссовках, то ли туфлях, добавляющих ей еще сантиметров шесть, а может, и восемь. Явно лишние. Высокая, с гордой осанкой (но не скажешь «аршин проглотила»), узкобедрая — то ли затянута в корсет, то ли отродясь с мальчишеской фигурой. Наклонила голову. Не маска — сейчас рассмеется и примкнет к строю невесть кого ожидающих. Чем-то похожа на всех. Никакого аристократизма. Не по-женски далеко протянула ладонь. Перевернутой лодочкой. Бесцветный лак для ногтей. Короткая мальчишеская стрижка. Ни одной морщины и никакого намека на косметику: губы, ресницы, веки абсолютно натуральные. Очень узнаваемый, какой-то классический запах духов. Рукопожатие — жесткой сцепкой. Пальцы нехолёные, нервические, влажные, тут же готовые к следующим пожатиям... Еще полмгновения — глаза в глаза, ответный комплимент — и хочется

задержаться и сказать что-нибудь вне протокола. Не расслабляйся — подходят следующие. Вот оно, замеченное уже давным-давно, — легкий выдох: «Ах...» Пауза. It's nice to have you here...

Обращаться велено: Your Highness — Ваше Высочество. «Королевское» — моветон: о монархии всуе не говорят. Никаких «леди», тем более — «принцесс». Сведущая в светско-протокольных нюансах американка из CNN с иронией о своих неискушенных в герольдии соотечественниках вспоминает: при визите принцессы в США кто-то ее назвал «Ваше Величество миссис Спенсер» (мрак!)... Кстати, о правиле «полтора рук» — подходить ближе невежливо. Не чаще одного вопроса в пять минут. Ни намек — вне темы визита. «Вечером будет итоговое сообщение». Какие там папарацци — они, если их не придумали криминалисты, будут через месяц, там — в Париже! А здесь — пять-шесть вышколенных журналистов из королевско-букингемского сопровождения в черных галстуках при 30-градусной жаре. А вообще: пиетета мало. Не по-британски расточительный на эмоции престарелый бывший ливерпульский докер, потом — модный журналист, ошарашен встречей с русским: «Моя мать благоволила Сталину». В подтверждение насвистывает «Союз нерушимый республик свободных...». «В Европе напрасно боготворят леди Ди!» Добавляет что-то хлесткое: «Надоела эта королевская тамогоча».

* * *

Это всего лишь встреча с официальными лицами — с «Тузляско-Подриньским кантоном», с международными представителями, с командованием миротворческих сил. С «приглашением ряда журналистов». «Заметьте — не пресс-конференция. Текст сообщения зачитает мистер Вэнс, Ее Высочество дополнит, если сочтет необходимым». Сочла. К занудливо-высокопарному тексту («Я приветствую тех, кто занимается практическим выкорчевыванием мин. Это ваша благословенная участь») добавила улыбку. С еще одной демонстрацией коленок садится в фургон. «Ах. До вечера».

Это долгая поездка через линию разделения вчерашних противников, оставивших друг другу миллионы мин. Принцесса не отвечает на предложение выйти и услышать о службе всего многонационального контингента, и российского в том числе... Мистер Вэнс на переднем сиденьи. «Полковник, не настаивайте с комментариями». Подбегает заинструментированный сержант-десантник. Отдает честь, не понимая, кто перед ним. Пауза — долгая,

при неоднократных поворотах головы велеречиво-главенствующего мистера Вэнса: «Ее Высочество испытывает скорбь по поводу негуманного минирования». За деревней Пожарнице из полуразрушенного дома выпархивает девчонка в мусульманских шароварах. Из-за нее выглядывает кто-то явно не местный — «невидимая» охрана... Девчонка протягивает замотанного в лилово-синие лоскуты малыша: «Выносила и родила, благодаря Аллаху». Принцесса открывает дверцу, поправляет задравшийся подол, опускает ногу в полугальку-полупесок: *It's our baby.* — «Это наше дитя». Поцелуй в плечико ребенка, сиюсекундный замочек с пальчиками его мамы. Перевернутая лодочка ладошки.

Назад. Время. Протокол. Принцесса сквозь полуопущенное стекло улыбается, протягивает все ту же лодочку. Мистер Вэнс строго осматривает телекамеры, рекомендует кому-то отойти. Театрально громкое «Хвала лепо!» — спасибо, сувенир — в виде полотенца. Полуминутно-выверенный взгляд принцессы и все то же «Ах...» с долгим, волнующим мужское сердце придыханием. Леди Ди, опаздывая, грациозно кивает. Мистер Вэнс профессионально пожимает и отводит руки.

Через месяц в Париже мистера Вэнса не было...

*Тузла,
сентябрь 1997 г.*

Лицо афганской войны

Эти размышления навеяны не только отголосками афганской канонады, будем считать, траурным салютом по генералу армии Валентину Ивановичу Варенникову. Его судьба еще долго будет побуждать к осмыслению судьбы всей страны. Мы же вспомним генерала таким, каким он был в Афганистане, главной советской войне после Победы в 45-м. Тем более что людей военных оценивает прежде всего война. Эта максима на откровение не претендует, но всецело относится к его личности — масштабной, цельной, одномерной, символизирующей лучшее из минувшей эпохи.

Он был главным действующим и просто лицом афганской войны, по меньшей мере самым политически облеченным шурави. В некотором роде он был ее Жуковым, а иногда и Молотовым. Вот — частный пример, памятный мне, тогдашнему майору-переводчику: на советской авиабазе Шинданд оказался, но не смог с нее взлететь ооновец-чилиец, да еще родственник

Пиночета. Никто, включая командарма-40 и советского посла, разругать ситуацию не смог. С Тайванем, Южной Кореей, тем более с чилийской хунтой советская власть решительно «не дружила», что невозмутимо подтвердила и Москва. Варенников взял ответственность на себя — чилиец улетел. Генерал не принимал слепой бюрократизм по здравому смыслу комбата Великой Отечественной. Другое дело — насколько он, воспитанный на партийной субординации, был самостоятелен в принятии судьбоносных решений? К этому он, пожалуй, стремился, но перестройка задала другие правила игры. И хотя генерал к тому времени разменял седьмой десяток, о нем, как о будущем министре обороны Советского Союза, говорили не только в Кабуле, но и в Москве.

Главный шурави подготовил бескровный вывод войск, но выиграть войну — в смысле обеспечить живучесть лояльной нам кабульской власти он не смог или ему не дали, что в итоге одно и то же...

Военачальник от Бога, Варенников более чем кто-либо из шурави прививал афганцам логику боевого управления, точнее — управления страной в условиях войны. Он учил их штабной конкретике в государственном строительстве. В ходе одного из первых совещаний с афганским военным министром Шахнавазом Танаем он под запись продиктовал афганцу 30—40 вопросов, которыми министр обязан владеть без блокнота, звонка в генштаб и кивка в сторону адъютанта с большим портфелем. Собственно военные среди этих вопросов составляли не более половины. После чего провел с министром часовое занятие на тему «Что такое карта и как ее читать?» Притом так погрузился в топографическую и иную специальную терминологию, что переводчику хотелось застрелиться.

О той встречи память сохранила варенниковский пример: далеко не в победном 1943-м он вызвал неприязнь командиров-однополчан лучшей в полку графикой карт. «Так вот, — резюмировал Валентин Иванович, — из всех ротных и комбатов моего полка до Победы дожил я один». Да, в мелочах он был консерватор: карта, «поднятая» карандашами, вызывала у него куда больше доверия, чем разрисованная дефицитными в восьмидесятые годы фломастерами. Зачем он спрашивал разведчика о том, что должен знать оператор, и наоборот, не понимали ни тот, ни другой. Но это не затеняет масштабов его мышления. При следующей встрече с афганским министром тот пытался обрисовать Варенникову систему мобилизационной работы в Афганистане. На что услышал: «То, что у вас есть, я знаю и так. Представьте мне предложения по созданию вашего аналога ДОСААФ. К 8.00 завтра. В 9.00 я звоню в Москву». Много

ли компетентности и обязательности «во что бы то ни стало» дарит нам нынешняя управленческая культура?

Он учил афганцев мыслить, а не слепо повиноваться, чем нередко злоупотребляли прочие шурави, командированные на два года. К этой ответственности за судьбу своей страны тогдашние кабульские власти не были готовы. Они, даже исполненные лучших намерений, настаивали на разделении функций: Кабул занимается гражданским строительством и национальным примирением, шурави — сами и с опорой на местное воинство — защищают завоевания «народной власти». Варенников приучал афганцев к ранжированию стратегических задач: сначала отбиться от моджахедов, потом строить будущее. Приводил неотразимый по его опыту аргумент: пока идет война, ничто не ценнее грядущей победы. Но она должна быть прежде всего афганской, а не мирового социализма: «Ты переведи главное — пусть берут на себя...»

По этому поводу с ним спорил и афганский лидер Наджибулла. Даже переходил с «дорогого товарища генерала» на подчеркивающее статусное различие «господин руководитель оперативной группы». Но в конце очередной встречи афганский лидер чаще сдавался под натиском победителя во Второй мировой. Хотя потом не всегда искал новых встреч. Более того, часто поступал по-своему. Впрочем, он просил Горбачева оставить Валентина Ивановича в Афганистане после вывода войск — как гаранта сохранения кабульской власти. Наджибулла был скорее прав, считая Варенникова прежде всего советским генералом, во вторую очередь — интернационалистом и «другом афганского народа». При всем уважении к памяти тогдашнего советского посла Юлия Михайловича Воронцова, эрудита и блестящего полемиста, политико-дипломатическое око Москвы не всегда соответствовало значению главного военного, то есть «государева наместника» в Кабуле. Варенников видел дальше и панорамнее. Почему западные гаранты вывода шурави из Афганистана никак не умиряют моджахедов? Даже наоборот. Почему избавление Афганистана от нашего присутствия становилось самоцелью Москвы? Неужели все дело в скудоумии канувших в Лету прорабов перестройки?

Он с воодушевлением встретил приход Горбачева, но к концу афганской кампании сохранял лишь уставную сдержанность. Сталинистом, позднее присваивающим «вождю всех народов» «Имя России», он тогда точно не был и вообще спорными историческими реминисценциям не злоупотреблял. Что же из прагматика сделало неосталиниста — только ли ностальгия по молодости? — Вопрос, не ограниченный послужным списком и жизненными исканиями генерала Варенникова.

Можно спорить, насколько в тактических обстоятельствах он был обращен к прошлому и будущему и что превалировало в его взглядах. Осенью 1988-го он дотошно инструктировал «дневного» губернатора Герата Халекаяра, как воевать с его «ночным» антиподом — Тураном Исмаилом. Приводил примеры из далекой от афганцев хроники борьбы с бандеровцами в конце 1940-х. Халекаяр, рассчитывавший на пост афганского премьера, относился к Варенникову, с одной стороны, с оглядкой на по-восточному изменчивого Наджибуллу. С другой — губернатор знал, что генерал, предвидевший «постсоветское» будущее Афганистана, сам ищет примирения с «ночным» Тураном. Судя по всему, Варенников связывал стабильность страны с тандемом просоветского пуштуна Наджибуллы и главного моджахеда-таджика Ахмадшаха Масуда. Может, тогда бы не было ни наркотрафика, ни талибов с бен Ладеном? По одному из свидетельств, генерал даже беседовал с Ахмадшахом, назвавшимся при встрече лишь его родственником, чего Варенников предпочел не заметить. Но чем объяснить ракетно-бомбовые удары по Ахмадшаху непосредственно перед выходом наших последних колонн? Только ли тем, что генерала в это время не было в Кабуле? Или левая рука не знала, что делает правая? Не актуален ли для нынешней России закон об ответственности госслужащих? Не исторической.

Перечитывая каждый абзац, не хочется забывать и про обратную сторону листа. Его сослуживцы вспоминают и, мягко говоря, непростой характер генерала, и странности, которые кто-то назовет в лучшем случае сиюминутными капризами, и генеральскую уверенность в эксклюзивной правоте. Подавление статусом и опытом, увы, распространялось на всех — от переводчика до Наджибуллы. Обиженные им, в том числе незаслуженно, скажут больше. Но я ощущаю бездну между, с одной стороны, тогдашним переводчиком, с другой, возможно, единственным военачальником, сумевшим опыт мировой войны переплавить в достоинство выхода из острейшего из военных конфликтов второй половины XX века. Генерал Варенников не был мелочным и злопамятным. Мы с ним встретились на одном из чествований ветеранов-афганцев. Тогда я спросил: «Вы чувствуете, что в Афганистане сделали больше, чем генерал Уэстморленд во Вьетнаме?» В ответ Валентин Иванович меня просто обнял.

Тем более приторны мифы о генерале, пытавшемся в единственном лице спасти социалистическое Отечество в августе 1991-го. Валентин Иванович был патриотом, но субординированным по миропониманию комбата Великой Отечественной. Точка. О Форосе с Горбачевым пусть судят те, кто там был.

Есть что-то символическое в том, что генерала похоронили 8 мая, в канун годовщины Великой Победы, знаменосцем которой он останется теперь навсегда. Свой нерастраченный душевный боезапас он передоверил нам.

Май 2008 г.

Каждый выбирает для себя...

Его омовский узик с красным флагом последним покинул сошедшую с советских рельсов Ригу, чтобы продолжить путь по нескончаемым политическим ухабам постсоветских окраин. Несдающийся солдат капитулировавшей державы. По призванию и надежде... С Чеславом Млынником можно спорить, но трудно переубедить.

Трезвенник по жизненной философии, он отказывается даже от чая — пьет только минеральную воду или кипяток с медом. Подчеркнуто корректен — даже с давними знакомыми — на «вы». По-спортивному подтянут, сосредоточен и весом. Цитируя поэтическую классику или размышляя о постмодернистском мироустройстве, он в следующую секунду готов действовать. Как тогда — в декабре 1979-го...

* * *

Боевое крещение 19-летнего сержанта Млынника состоялось в один из первых дней интернациональной миссии шурави в Афганистане. Первый для него боевой приказ звучал по-военному предметно и емко: обеспечить безопасную посадку наших транспортных «анов» на аэродром Баграм. Обеспечить — значит свести к минимуму риск неоправданных потерь. Для этого — на господствующей над аэродромом высоте — он сначала обезвредил афганских часовых — тогда еще «аминовцев»*, то есть то ли союзников, то ли... К тому времени штурм кабульского дворца диктатора только предстоял. Скрытно подобранный к часовым, он встал перед ними из укрытия — в полный рост. С гранатами в обеих руках. Прodef пальцы в кольца предохранительных чек. В его жизни ситуация «или-или» возникнет не раз... А тогда часовые предпочли не шуметь. Тем же способом десантники разоружили еще около 80 аэродромных охранников. «Ну, вы даете!» — подвел

* Военнослужащие правительственных войск Афганистана, присягнувшие лидеру страны Хафизулле Амину, которого предстояло заменить.

итог командир десантников. И почти сразу же перебросил группу в Кабул на блокирование аминовского дворца «Тадж-Бек». Успели к штурму, успех которого в той обстановке гарантирован не был. Когда на штурм поднялись «альфовцы» с «мусульманским батальоном», в их боевом резерве находилось подразделение, в котором служил Чеслав Млынник. Политическая страница была перевернута. В остальном — и так будет много раз — спрос с политиков.

В коридоре рижского ОМОНа висел листок со стихами Юрия Левитанского: «Каждый выбирает для себя / Женщину, религию, дорогу / Дьяволу служить или пророку / Каждый выбирает для себя». Командир отделения из состава 103-й воздушно-десантной дивизии, поляк по национальности, уроженец Белоруссии, рижанин по месту призыва, сержант Млынник свой выбор сделал, скорее всего, задолго до штурма «Тадж-Бека». Сделал — по судьбе и присяге, которую он приравнял к достоинству. До наградных планок на кителе полковника в отставке Млынника было еще далеко.

Как и до его увольнения — формально — из рядов еще Советской армии. После Баграма и Кабула одна из 18 афганских боевых операций сержанта, потом старшины пришлась на июль 1980-го. Недалеко от афганского местечка Гудан его роте предстояло по открытой почти пятикилометровой долине пройти к учебному центру моджахедов. Чтобы их блокировать и удерживать до подхода правительственных сил. Но защитники афганского отечества, как это часто бывало, не торопились.

В километре от Гудана на атакующих обрушился шквальный огонь. Четверо десантников, находившихся на острие атаки, тем не менее вывели из строя до 30 душманов. Четверку пытались отсечь, окружить, лишить путей для маневра, засыпать минами... На личном счету первого, кто ворвался в Гудан, — сержанта Млынника — два минометных расчета противника. За два часа боя, совсем не похожего на тот — из киношной «9 роты». Когда все стихло, комбат доложил о 500 уничтоженных душманах. Назовем поименно тех, кто шел в лобовую атаку: прапорщик Готовкин, сержант Млынник, рядовой Долгов (убит в бою), рядовой Саадиев. Одиннадцать лет спустя, в рижском ОМОНе, один из его подчиненных скажет: «Друг — это тот, кто прикрывает тебя со всех четырех сторон света». Командир ОМОНа майор милиции Млынник другому научить не мог.

А тогда вернувшись из пекла наградили совсем как передовиков соцсоревнования — грамотами. Медаль «За отвагу» воин-интернационалист Млынник получил уже на завершении своего афганского пути в ноябре 1980-го. Следом за ранением в грудь и контузией, стоивших ему несколько месяцев госпиталей — в Шиндане и узбекском Чирчике. Последовавшие

специальная подготовка, в том числе в Высшей школе милиции, освобождение заложников в следственном изоляторе и командование рижским ОМОНОм, как и феерический поиск своей Маргариты, а еще — спасение друзей — преданных нами, преданных нам, пережитое покушение и прочие жизненные зигзаги останутся общим рефреном его биографии. Ее, похожую на жизненный путь графа Монте-Кристо, Чеслав Геннадьевич полнее напишет сам — был же он одно время корреспондентом общероссийской газеты. Напишет, если не найдутся дела поважней...

Впрочем, и написанное от первого лица не отразит всех его ипостасей. Некоторые из них проявились потом и оказались заметнее со стороны. На этой ноте кто-то спросит, мало ли «борцов — по характеру» или «боевиков — по привычке» рождает военное время, для многих никогда не прошедшее? Другой, порывшись в интернете, назовет Млынника, в лучшем случае — ортодоксом-авантюристом, в худшем — «слепым орудием имперской политики». Но и по перечисленным качествам он далеко не нарицателен. Иначе не там бы себя искал и, скорее всего, нашел бы. Верно и то, что человек, на протяжении почти двадцати лет занимавшийся нетрибуной политикой, однозначным быть не может. Тем более что никому лично он нравиться не обещал. А судьи?.. Географические контуры его судьбы проходят по не расплетенным до сих пор узлам во многих концах страны, истинный гражданин которой ощущает ее не только как географическое понятие. Тем более что многие его начальники отдавали приказы бойчее, чем отвечали за их исполнение. Яснее скажет он сам...

В конце 2004 года Чеслав Млынник оказался в числе тех, кто спас Абхазию от гражданской войны. Не только как герой абхазской «Отечественной войны 1992—1993 годов», а как человек, знающий, чего стоит ситуация «или-или». Как в декабре 1979-го, он опять встал в полный рост. Но уже без гранат. Встал между вооруженными и решительными сторонниками местных Сциллы и Харибды. Политики и дипломаты знают: конструктивный диалог между непримиримыми возможен лишь до первой крови. Потом он надолго сведется к выяснению, кто начал первым. Случайная жертва от шальной пули, к счастью, не вызвала цепной реакции. В долгие сухумские часы — под привычную минеральную воду, он, как будто следя за губами собеседников, искал, откуда исходит угроза примирению. Собеседниками выступали горячие сторонники своих политических группировок, надеявшиеся на поддержку Млынника. Но тогда...

Он испещрял пометками блокнот, чаще оставляя свое мнение при себе. Услышав неожиданное, стремительно уезжал. В основном один. В Афга-

нистане все решал дерзкий выпад и первый выстрел. В Абхазии — умение избежать того и другого. Описание каждого афганского рейда требует подробностей. Его работа в Абхазии — времени, чтобы не навредить тем, кто сознательно или по обстановке помог сдержать конфликт на пиковой отметке. Потом смягчил его остроту. Потом по сухумским улицам опять пошли троллейбусы.

Главное все же в другом: Чеслав Млынник показал пример эффективного предупредительного миротворчества и реального посредничества на постсоветском пространстве. Ни теоретического, разрабатываемого столичными конфликтологами, а с личной заинтересованностью и ответственностью бывшего соратника тех, кого развела политическая баррикада. Межабхазское кровопролитие (остались бы в стороне другие?) предупредил боевой офицер из России, длительное время пребывавший в вынужденном публичном небытии. Такое не постигается в академиях. Такое предопределяет гражданский выбор командира, больше всего переживающего человеческие потери... Абхазия — не единственный полевой опыт таких, как он, а карта политических конфликтов, увя, изменчива. Поэтому четверостишие поэта Левитанского заканчивается многоточием:

Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы,
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе...

Анне Политковской: правда как мать — в единственном числе

Минута молчания в Вашу память не могла быть короче девяти дней. Таков масштаб Вашей личности. Такие неумные натуры востребует сама жизнь, особенно на стыке войны и мира. Так это и было во время наших чеченских встреч. Трагедия всего общества в том и состоит, что смерть Вы нашли раньше, чем Правду, которую искали так неистово. Этот поиск воодушевлял Вас больше, чем результат очередного расследования. Расследования, безусловно, полезного для всесторонней оценки жизни. Если и прочие ее фрагменты стыкуются между собой, а ценой решения одного конфликта не становятся десятки новых.

Чечня, сделавшая Вас известной, стала, как Вы говорили, большей для Вас родиной, чем Америка, где Вы родились. Что ж, многие из ее идеалов мы ценим и сами. Впрочем, и без того в России никто не спорит, что преступник должен сидеть в тюрьме. Беда — в мандельштамовской «перепутанности» чеченской жизни на изломе отечественной судьбы, во внешней неочевидности деяний тех, кто оказался в фокусе-прицеле нашей с Вами общей кавказской политики. Оценки нам всем поставят внуки. Но Вы отказывались верить, что задержанный абрек — это воплощение не только свободы ичкерийских гор, но и свободы от ответственности за все, что заставило его там скрываться. Иншалла, будь на то воля Аллаха, экстремальный туризм, — то немного, за что федеральный «Ванька-взводный» посягнул на «волю» горца. Сам же федерал, спустивший абрека с гор, для одних — «узурпатор чужой свободы» или «винтик бездушной государственной машины», для других он — государев уполномоченный по расчистке авгиевых конюшен послеперестроечного Кавказа. Может, уже через час ему, как «маяковскому» «Петрову-поручику» оторвет ногу та самая мина, которую успел заложить его «свободолюбивый» оппонент. Как их развести во времени и пространстве, на какой меже свобода переходит в произвол? Пытаясь найти ответы, Вы, Анна Степановна, уповали на некую третью силу — силу абсолютного закона и небесной справедливости... Такая бывает только в лабораториях и в фильмах. Увы, даже в дистиллированной воде заинтересованный химик найдет примеси. А где взять непредвзятого шерифа? Даже Голливуд далеко от Аргунского ущелья.

Каково соотношение между правдой о войне и ее вековыми законами? Даже самая «дистиллированная» правда подчас подлее мины-ловушки. Как было Вам объяснить, что открытая Вами истина о федеральном обстреле «чечен-аула» вернет в горы сотни мстителей, такой кровью спущенных оттуда накануне? И не потому произошел тот познакомивший нас случай, что федеральный артиллерист — преступник или бестолочь. Просто приказы штабных праведников выполняет бездушная война. Вы, Анна Степановна, эту мысль отвергали с порога. Но тех ли Вы обвиняли в несправедливости? Возможно, конкретные федералы досаждали Вам больше, чем близкие Вашему сердцу беженцы. Но ведь служивый пришел в Чечню как раз для того, чтобы ни там, ни в остальной России беженцев не было вообще. Вам не нравилась нынешняя грозненская власть. К ней, действительно, и тогда, и сейчас столько же вопросов, сколько ко всем предрежащим. Увы, у страны нет ни других чиновников, ни прочих служивых, ни других журналистов. Кстати, к Вам-то и отец, и сын Кадыровы относились вполне терпимо,

пусть и без особой симпатии. Забот Вы действительно приносили много, но изменить тот порядок вещей, который сложился помимо Вашей воли, уже не могли. Это не ставит под сомнение Вашу личную отвагу, но уверяю Вас — в противном случае Чечня не стала бы Вашим рабочим кабинетом, из которого Вы выходили за подтверждением двух цветов чеченского пейзажа — белого и черного. Как на масках древнекитайских актеров.

Вы считали военных антиподами прежде всего журналистов. Гражданскую ответственность служивых Вы мерили шкалой личной и творческой свободы. Служивый же, как Вы считали, по жизни «засугублен», чтобы не сказать — примитивен. Считали, что судить об интересах общества, тем более давать ему оценки — не мой удел. На это я и не претендую. Добавлю лишь, что и «четвертая власть» не заменяет остальные. Но я не верю, что убийцу подослал к Вам Рамзан Кадыров. Более того, ему-то сейчас меньше всего нужен криминальный ореол. Вы, кстати, и сами считали его, тогда 25-летнего шефа охраны своего отца, не по возрасту осторожным.

Ваш трагический уход бьет по всей российской власти. Живая Вы для нее были куда безопаснее, чем ушедшая с громким политическим укором. Не мне судить, кто поднял на Вас руку. Но разборчивость во встречах и суждениях, умение отличить откровение от лукавства свойственны далеко не всем. У каждого — свои слабости. У некоторых это — стремление сорвать с визави воображаемую маску. Хотя, если по правде, о многом Вы судили с позиции репортера, опоздавшего к первой чеченской кампании, но «заряженного» на бесконечные обличения, расследования, «выведения на чистую воду». Вас, например, не заинтересовал наш с Вами соотечественник, освобожденный после пятнадцати лет пребывания в рабстве. Сказали, не Ваша это тема. Если в других случаях Вы оставались такой, как в Чечне, то круг Ваших противников трудно ограничить «95-м регионом».

Во время одного из наших споров Вы, признав мою информированность, добавили: «Правды могут быть разными — кто какую ищет». Нет, если это Правда, то она, как мать — единственная. В чеченском же случае — с таким трудом отмываемая от грязи военного лихолетья. В другом месте и в другое время мы нашли бы больше общего. Но мы встретились на чеченской баррикаде, подойдя к ней с разных сторон и разойдясь каждый со своим пониманием, что надо делать. Помните, что прервало нашу последнюю встречу? Вас куда-то иносказательно пригласили, и Вы застеснялись общества федерала. Прощайте, Анна Степановна. Спасибо за то, что не только Вашим единомышленникам Вы давали пищу для размышлений. Прощайте. Теперь уже — навсегда.

Октябрь, 2006 г.

Генерал Романов: долгое эхо взрыва на Минутке

6 октября 1995 года в тоннеле под железнодорожным мостом на грозненской площади Минутка был взорван узик с командующим федеральными силами на Северном Кавказе генерал-полковником Анатолием Романовым. Генерал, парализованный с тех пор, жив. И его близкие надеются, что когда-нибудь он заговорит. Если это произойдет, он скажет о многом. Все остальное — размышления.

Мог ли тогда наступить мир?

Многие по обе стороны федерально-сепаратистской баррикады в этом убеждены. Они считают, что в 1995 году Анатолий Романов ближе других подошел к компромиссу с Масхадовым. Тот действительно высоко ценил неполитизированность и порядочность командующего, отличавшегося верностью слову. Не состоявшееся тогда соглашение, возможно, и впрямь могло изменить ход событий. Об этом напрямую говорил Бислан Гантамиров. Многолетний мэр и неформальный хозяин Грозного, он в 2003 году ушел с поста министра печати после ссоры с отцом и сыном Кадыровыми. С ним согласен и один из руководителей сегодняшней Чечни: его имя по этическим причинам не называю. Тогда он тоже искал диалог с федеральным центром и расстался с «эмиром всех моджахедов» непосредственно после покушения на Романова. При этом дал понять, что взрыв организовали противники «эмира», не заинтересованные в его возвышении перед ичкерийскими выборами. Сам Масхадов и его окружение в устранении командующего сначала обвинили федералов, сделавших, по его мнению, ставку на силовое подавление повстанчества. Правда, в августе 1996 года накануне подписания с Москвой Хасавюртовского соглашения тот же «эмир» при неслучайном присутствии Басаева и с очевидным намеком на Романова заявил: «Договор могли заключить еще год назад, но этого не хотели не только в Москве, но и в Чечне». Услышав это, Басаев отошел в сторону, а главный пропагандист Ичкерии Удугов еще с большей настойчивостью стал опровергать сепаратистский след во взрыве на Минутке.

Иначе думал погибший 9 мая 2004 года первый профедеральный президент Чечни Ахмат-хаджи Кадыров, наиболее крупный северокавказский политик за те же десять лет. Не любитель вспоминать свою роль при Дудаеве

и Масхадове, бывший муфтий Чечни тем не менее признал: в 1995 году мирных перспектив с Москвой не было: «Чечня должна была пройти свой круг». Тогда же он дипломатично намекнул: Романов действовал скорее по совести и наитию честного солдата, нежели спущенной сверху директиве. Разрозненные и противоречивые свидетельства того времени подводят к мысли, что «государева» плана «замирения Чечни» скорее всего не было. Были пожелания, исходившие от окружения Ельцина: к президентским выборам 1996 года успокоить «дорогих россиян» выводом войск, закрыв глаза на происходившее в мятежной республике и добившись от ее лидеров формального подтверждения единства с Россией. Это и было зафиксировано в Хасавюртовском соглашении с юридически двусмысленной главной статьей — что произойдет по истечении пятилетнего срока: полный разрыв с федеральным центром или возвращение в лоно Москвы. Сепаратисты настаивали на первом, федералы — по существу на авось — надеялись на второе. Отсроченное решение о судьбе части страны в последние годы принималось лишь однажды. Подобное соглашение заключала Франция с затерявшейся в Микронезии малоизвестной Каледонией. Но и оно было более выверено в пользу интеграции с Парижем, а потом им и аннулировано. Новации же в политике-дипломатии чаще придумывают те, кто плохо учился или не знает, сколько стоит проезд в метро. Тем более — сколько колес у бронетранспортера.

Мирное соглашение о будущей войне

Таким, повторимся, стал Хасавюртовский договор, подписанный тогдашним секретарем совбеза Лебедем с Масхадовым. Составленный в веденском доме Басаева, он был подписан не глядя. Едва ли не единственное, что в нем определялось сколько-нибудь внятно, это порядок создания и функции совместных с сепаратистами комендатур — до полного вывода федеральных сил. В этом заслуга прежде всего военных, думавших, как спасти солдата от уголовной вакханалии, охватившей Чечню после «исторической победы над Русней». Совместные, на самом деле федеральные, комендатуры с карикатурным представительством масхадовцев спасали не только солдат-федералов, на которых после Хасавюрта было открыто всечеченское сафари. Возможно, об этом еще никто не писал: тогда же «свободную Ичкерию» покинули практически все русские, а также чеченцы, по «еретическому» упрямству не верившие, что с падением

«колониальной власти» из кранов потечет коньяк. Часто вперемешку в федералами уходили 10—15 тысяч русских, а также от 30 до 100 тысяч чеченцев и других кавказцев. В «мирные» же 1991—1994 и 1996—1999 годы в Чечено-Ингушетии пропали без вести до 60 тысяч русских. Эти данные стеснительно привела ОБСЕ, но в среде отечественных правозащитников они почему-то не на слуху. В художественном фильме «Вор» есть пронзительная сцена: на фоне эшелона с федералами, покидающими «освобожденную республику», местные «правоохранители» уже кого-то ставят к стенке за перроном. В нашу с Андреем Константиновым книгу «Рота» не полностью вошел еще более дикий эпизод: обкуренный масхадовский «со-комендант», он же — освобожденный «революцией» рецидивист — в прокурорском мундире, но с армейскими подполковничьими погонами — настоятельно предлагает федеральному «коллеге» пострелять на пари в беженцев, а «кого жалко» — «вызвать» для ночных «показаний». На звонок федерала куда следует «подполковник» со значением показал украденный у него же конверт с домашним адресом...

Хотел того сам Масхадов или нет, это мракобесие творилось при его президентстве. Его главным «достижением» стала поставленная на поток работоторговля. И по сей день в каждом десятом чеченском селе можно встретить работников, откликающихся на мусульманские имена, но с подозрительно славянскими физиономиями. Другое дело, что многим из освобожденных рабов некуда идти: нет ни семьи, ни крыши, а ежеутренне «мобилизующие» побои вкпе с ежевечерним стаканом самогона — в виде оплаты труда — довели их до потери человеческого облика. Московские же политики того давнего 1996-го еще долго праздновали победу демократа Ельцина над коммунистом Зюгановым.

Развязка сюжета была политически predetermined. К августу 1999-го внутренние ресурсы масхадовцев иссякли даже при «свободном» труде «добровольных работников». Пришлось приступить к «освобождению» соседнего и экономически более благополучного Дагестана. Тем более что там мудростью тогдашнего премьер-министра Степашина дали зеленый свет местным ваххабитам: не кури — не пей — молись и работай по 16 часов в сутки. За это получишь кусок козьего сыра, а осенью — арбуз. Фактически тогда в дагестанской земле привились зерна исламизма. Но тогда многонациональный, хотя и на три четверти «безработный» Дагестан под встречным кличем «Аллах Акбар!» дал отпор Басаеву — Хаттабу. Кто знает, что десяток селян отчаянно удерживали в Ботлихском районе свой аул? И удержали до подхода федералов ценой жизни семи из десяти? Под

предводительством местного муллы — бывшего афганца, потерявшего тогда единственного сына. И полурусской-полуаваркой 25-летней махачкалинской учительницей музыки (!), гостившей у родственников. Кстати, возможно, так и оставшихся не награжденными.

Вторая чеченская — во избежание третьей...

Подзабытые за давностью лет генералы 1999 года — Казанцев и Квашнин, Трошев и Шаманов, Лабунец и Молтенской — сделали то, на что оказалось не способно предшествующее поколение политиков. 5—8 тысяч боевиков были выбиты из Дагестана, потом 2—4 тысячи — с севера Чечни, затем более 20 тысяч — из Грозного. Ценой святой и грешной «всероссийской шестой роты», павшей в Аргунском ущелье в первый день весны-2000. Тогда же по сути прекратилось организованное сопротивление федералам. Кстати, заморские гости, оглядываясь на свой Ирак — Афганистан, куда более дотошно, чем после Косово, нас об этом спрашивают. И, представьте, интересуются, как мы пресекаем «политические спекуляции пацифистов». Почему-то мы об этом знаем меньше, чем о деятельности «солдатских матерей» — при полном уважении к тем, кто без кавычек. Терроризм, по крайней мере исламистов, искореним тогда, когда ему будет объявлен джихад самими исламскими иерархами. От наших же западных собеседников требуется не противопоставление сепаратистов-террористов «борцам за свободу», а их соизмерение по запаху гексогена.

Неорганизованное же сопротивление продолжается и будет продолжаться пока Стабилизационным фондом мы не распорядимся в главных общедоделальных целях. Чтобы исключить войну третью. Кстати, о названиях. Кто в России, если не Кавказ с его 60—70-процентной безработицей, требует первоочередной стабилизации? Федерация — не часть ли названия страны? Об этом напоминают 30 тысяч чеченцев, ежегодно достигающих боеготового возраста. Не все из них имеют альтернативу автомату Калашникова — пусть даже в виде лопаты. Но, как и мы, они хотят есть, одеваться, нравиться. Большинство из «автоматчиков» об идеалах свободы давно не вспоминают. Но пойманные под мостом с фугасом уже уверенно требуют адвоката. Может, это тоже — пусть и незаметная — победа Анатолия Романова.

Трудно сказать, что бы к этому добавил он сам, молчащий уже много лет.

Забуть Буданова...

Он признался в совершенном убийстве и отсидел за это почти девять лет из назначенных ему десяти. Его не оправдывали — его жалели. И уж точно никто не хотел разделить его судьбу, ставшую, возможно, предупреждением для других. Вообще о нем старались не вспоминать. А если вспоминали, то скорее как о жертве стечения обстоятельств времени, места и образа действий. Времени — до конца не пережитого, поэтому требующего оценочной осторожности. Места — где страна особо варварски испытывалась на излом. Образа действий двух сторон — противостоявших по принципу кто кого. В таких сшибках люди проявляют и лучшие намерения, и всякие качества. Но чтобы оценивать чужую боль, обиду, стыд, отчаяние, озверение, кураж, эйфорию, нужно все это пережить наяву... Те, кто считают, что Кавказ нужно было отпустить, дальше могут не читать. Те, кто думают, что побеждать следовало иначе, сэкономили свои таланты вдали от Аргунского ущелья.

Это не оправдывает убийства, совершенного Будановым 26 марта 2000 года. Была ли Эльза Кунгаева из села Танги-Чу невинной жертвой или не разоблаченным снайпером, установит теперь даже не Верховный суд, а Высший. До убийства Буданов был советским-русским офицером безо всяких но. Выведенный со своей частью из Венгрии, он отказался присягать во второй раз и предпочел благополучной Белоруссии забытое богом Забайкалье. Там и стал командиром полка. В 1999 году вместе с полком его направили в Чечню. Танкист, награжденный орденом Мужества, умел воевать на победу. В отличие от предшественников, оставивших Чечню в 96-м. Ибо тот, кто убивал меньше, чем убивали его подчиненных, не победил бы и собственный страх. Незадолго до убийства чеченки сорок его подчиненных в течение восьми часов отстреливались от 250 боевиков. А потом 18 однополчан полковника сняли снайперы. Отпусти его командование на недельную побывку домой — воистину от греха подальше — может, другая у него была бы судьба...

Из Танги-Чу еще с первой Чечни боевики действительно забирали «бесшкольную» молодежь в школу снайперов. Дальше — смотри 46 томов дела Буданова, в которых 90 процентов он отмерил политической целесообразности. Но и сам он перешел черту между военной целесообразностью и по крайней мере человеческим сомнением. Еще хуже, что этих сомнений он не испытал — перед ним-то оказалась 18-летняя девчонка, а не бородастый ваххабит с синяком на плече! Только насчет изнасилования — это вряд ли. Он мог напиться, мог пришибить подчиненного лейтенанта, за сутки потерявшего почти взвод, но — не это. Потому что...

Сослуживцы вспоминают его по-разному, не забывая те качества, которые не позволили ему, командиру части, ощутить наметившийся в войне перелом. Перелом, обеспеченный в том числе лично Будановым, но к весне 2000 года требовавший не столько боевого ожесточения, сколько осознанной осмотрительности. К тому времени от победивших федералов требовали наглядного соблюдения законов — во избежание новой волны повстанчества. Тем более что на нашей стороне появился муфтий Кадыров. Дело Буданова от противного стало знаком забрезжившего политического примирения и гражданского контроля над Чечней. Воображения полковника на это не хватило. Его ли только в этом вина? Может, советский партком остудил бы его страсти раньше, чем он задушил чеченку? Он виновен прежде всего в том, что стал всечеченским символом жестокости федералов. Даже если жестокость, повторим, приблизила на этой земле какой-никакой мир.

Но командир полка обязан не только уничтожать противника и реанимировать заглохший на перевале тягач МТЛБ. Про себя он мог как угодно относиться к начальству, но должен был погонями чувствовать, за что его командиров берут за глотку. Тем более что лорд Джадд уже подоспел с афоризмом: «Права человека важнее, чем то, кто победит». Пусть Буданову «по жизни» важнее была победа. Только с 26 марта он стал жупелом-символом российского воинства — не только лорда, пугающего своей материально-правовой немотивированностью. В экспозиции стокгольмского военного музея полковник со всех мониторов отдает команду «Огонь!» — прежде чем поздравить «горы, лес и дол» с Рождеством-2000. Но списки его бойцов, даже посмертно представленных к наградам, завернули назад. Это несправедливо. Поэтому генерал «Шаман», его тогдашний командир, подошел к клетке с «зачумленным» полковником и пожал ему руку.

Стране и сегодня нужно примириться с той Чечней, которая не стреляет. Без воодушевления личностью Рамзана. Но с пониманием того, что лучше Рамзана — нет. Убийство Буданова может ожесточить стреляющих. Моджахеды-сепаратисты заявят о торжестве мести и наметят новые жертвы. Националисты в ответ сделают свои зарубки. Добавит ли это мира всем нам? Вместо ответа — откровение, которое в другом случае лучше было бы опустить: с зачистки, стоившей жизни десятку вэвэшников-сосунков, привезли пять-семь уже обезображенных тел боевиков. С арабскими и немецкими паспортами, неизменно турецкими или грузинскими визами: «Товарищ замкомандующего, что с ними делать?» — «Похороните вон там». — «Это приказ или?..» Вэвэшный генерал оглушил меня с порога: «Товарищ полковник, вы отвечаете за свое. Я — за свое. Тех уродов нужно

было раскатать траками — без панихид. Полроты — молодые! Пусть к войне привыкают». Я не знаю, как было правильное поступить...

О нем лучше бы забыть с момента освобождения по УДО в 2009-м. Увы, не забыли — его тогдашняя вина обернулась трагедией не только для семьи Кунгаевых. И дай бог, чтобы не им начатая, но им символизируемая вендетта завершилась 10 июня 2011-го!

Но оружейный залп над своей могилой он своей судьбой заслужил. Пусть этот залп станет предтечей салюта по случаю полного окончания северокавказского лихолетья. В своих лучших помыслах полковник Буданов стремился в конечном счете к тому же.

Памяти генерала Трошева

Товарищ командующий!

Разрешите обратиться. На этот раз — к светлой о Вас памяти. Многих, кто Вас знал, она возвращает в грозненскую зиму 2000-го. Когда Ваш подбитый вертолет вынужденно сел на кладбище. Рядом с могилами Ваших предков. Вы тогда сказали, что Ваш срок еще не вышел. О том, как Вы брали Грозный, ходили солдатские легенды. Вы отдавали приказы не по карте, а по воспоминаниям детства: «Там между гаражей есть спуск к Сунже... Шмалят не из булочной — там никакого подвала нет — из того барака. Там — три, нет — четыре ямы для ремонта машин... Туда не лезьте — это бутылочный склад — осколками посечет...» Говорят, что в пришедшем к Вам для переговоров боевике Вы узнали сына своего участкового. И сначала спросили его об отце. Узнав, что тот погиб, первым делом налили ваххабиту за помин души. А потом, раскрыв нарды, предложили: «Если я выиграю — ты уберешь своих долбо...ов из всего Черноречья». Прежде чем выполнить уговор, проигравший боевик якобы сказал: «Если бы можно было отмотать назад, я бы хотел служить у Вас, товарищ генерал».

Вы не были паркетным шаркуном. Полевая форма — с бушлатом без генеральских погон — стала Вашей второй кожей. Вы недолюбливали щелкоперов и «вечно опаздывающих» медиков-«живодеров». Но помнили почти наизусть, кто и как писал о той проклятой войне. Вы ею жили, считали «своей», не оставляя другим права о ней судить. Садись за руль бэтэра, чтобы проверить тормозные колодки или что-то там еще. Часто ставили задачи вместо даже не комбата, а ротного: «Послушай, сынок, что тебе скажет не выживший из ума генерал...» Вы, не дожидаясь трапа, первым

соскакивали из едва коснувшегося земли вертолета. И, не дослушав рапорта, набрасывались на отцов-командиров: «Всех раненых эвакуировали? Где этот херов «скальпель?»» И, не отдышавшись, черпали ложкой из солдатского котелка: «Опять мясо «белого медведя». У тебя, командир, с этого пошла и «прицел» не встанет. А людям через час в атаку идти. Тебе что — турнепса в том огороде накопать?» «Карандашами», как это прижилось после Вас, Вы солдат не называли. Ваше имя символизировало не войну, а человеческую боль за ее необходимость.

Да, характер у Вас был не сахар. Да и по натуре Вы — ревнивец. И еще. От других генералов чеченской войны — жесткого до вечно сведенных скул Молтенского, «непробиваемо»-невозмутимого Макарова, шумного — мать-вас-разэтак — Казанцева, лихого — «прицел — 16 — Огонь!» «Шамана» Вы отличались какой-то эмоциональной совестливостью. В чем-то Вы были нетипичным: «Давай — ко мне». — «Товарищ командующий, можно я доем?» — «А что ешь?» — «Рыбу. В Каспийске у браконьеров купили». — «Ну, если так, то сначала доешь». Вам бы на сцене выступать — у Вас яркое слово и убедительная внешность проповедника. Может, поэтому после войны Вас не назначили ни начальником генштаба, ни полпредом, как Ваших бывших сослуживцев. Мемуаристика стала Вашей стезей от противного. В своих книгах Вы вновь переживали время, когда оказались в фокусе-прицеле той, «своей» войны. Человеческим лицом которой Вы останетесь теперь навсегда.

Честь имею, товарищ командующий.

Сентябрь 2008 г.

Непоощренный

В 2002 году, не без труда управляясь протезом, он вошел в контейнер замкомандующего группировкой на Северном Кавказе. Чеченская Ханкала нередко знакомила людей, которые вряд ли нашли бы друг друга в «миру». Сергей Говорухин имел основание быть ироничным к командованию группировки. Тем не менее уже при второй нашей встрече он неожиданно написал письмо-рецензию на мои стихи. Рецензию — скорее ироничную, но теплую. Со взаимных улыбок началась дружба, хотя в дальнейшем мы виделись нечасто. В основном на ежегодно проводимых им вечерах памяти. Каждое 11 декабря они посвящаются невернувшимся с чеченской и других недавних войн.

Правда, была одна встреча — особая по месту в памяти. Сергей едва ли не первым откликнулся на диагноз, поставленный мне онкологами, приехал в Питер, привез народные снадобья с автографическим рецептом тогда еще здравствовавшего Александра Исаевича Солженицына. Война задает человеческим судьбам особое притяжение. Без напускного приятельства, но с безошибочным внутренним тестером — «свой-чужой».

Феноменом общественного восприятия Войны, в частности чеченской, стал его фильм-реквием «Прокляты и забыты». Феноменом потому, что многих зрителей-ветеранов не покидало странное ощущение: «Это все-таки Его Война — не моя. Но ею не пощажённый, он имеет право на такой вот эксклюзив». Уже на похоронах Сергея Говорухина прозвучало напрашивавшееся открытие: он, возможно, единственный из современных художников задал своему творчеству шукшинскую планку. Достичь — не хватило жизни.

Виной тому не только война. А диапазон его исканий-забот. Жил на форсаже. Сжег не только творческий ресурс, но и его физическую оболочку. При встрече в стекляшке на метро «Сухаревская» он, опоздав на час, отодвинул бокал и говорил, что наперекор всему должен УСПЕТЬ... В заданной им манере общения — с ироническими подколками — я подарил ему тогда портмоне. Сын культового режиссера, выпускник ВГИКа, он был обречен на сопоставление двух Говорухиных. Но в отцов кильватер не встал. Не только из-за недостатка отцова внимания в детстве, чего Сергей не скрывал. Поэтому был привязан прежде всего к своей семье.

Забытые Отечественные войны предопределили главное содержание его немодного «душекорябывающего» творчества. Писатель по небесному предназначению, он за работу корреспондентом в Афганистане, Югославии, Таджикистане, Чечне получил боевые награды раньше, чем немногие лауреатские звания. Посвященность войне стала для него не творческим идефиксом и не синдромом «ампутированной ноги». Он слишком буквально следовал лозунгу-титulu другого своего фильма — «Никто, кроме нас!». Никто так пронзительно по форме, осмысленно по цели и результату не напоминал об ответственности страны за ее солдат. Три часа из 365 дней в году становились ритуалом воздаяния живых невернувшимся. Воздаяния в виде ордера на квартиру вдове офицера, погибшего в югоосетинскую кампанию. Помощь испытывавшим больше, чем он, Говорухин воспринимал как собственную потребность. Даже если помочь всем не хватало «портмоне».

Его вечера электризовали национальную совесть через рукопожатие спецназовца, который на семнадцатом году новой России получил уже

третий орден Мужества. Риторический вопрос о востребованности страной иных добродетелей мешал придать Говорухинским вечерам напрашивающийся государственный масштаб. Говорухину-старшему не простили «Великой криминальной революции». Говорухин-младший раздражал чиновников напоминаниями о жертвах, которые почти ежедневно несет страна. Раздражал деятельным несогласием с принципом «отвоевал-свободен». Если бы в стране появилось министерство по делам ветеранов, трудно было бы найти другого «командующего» полуторамиллионным младоветеранским «фронтом».

Третий его фильм «Земля людей» переключается со столь же «несвоевременной» книгой «Прозрачные леса под Люксембургом». Здесь и там — констатация «папиного», но сдвинутого на двадцать лет вперед — «Так жить нельзя». Только с ироничной усмешкой Говорухина-сына. Русский художник, если он не оправдывает конформизм нерусским *c'est la vie*, из комы не выходит. Его последнее земное пристанище очерчено памятниками космонавту Поповичу, Валентине Толкуновой, плитой с именем Виталия Вульфа. Ушедшие мудрее задержавшихся, которые всегда в меньшинстве...

Сергей Говорухин безо всякой иронии любил Петербург, где ничто не мешало нашим вечерним беседам. По традиции наполненным взаимной иронией между откровениями, после которых повисала пауза. В день его пятидесятилетия — 1 сентября 2011 года — я спросил его о подарке, который бы он хотел получить 11 декабря. Сергей попросил акварель с видом Петербурга. Теперь в его кабинете в фонде «Рокада» — целых пять акварелей с питерскими куполами. У его могилы кто-то в сердцах произнес: «После ухода Сергея в Москве не останусь»...

Ноябрь 2011 г.

Туркменбаши: «дорогой духа» он проложил путь к газовым вышкам

Почти в безозасисных Каракумах он сделал то, что сегодня делает богатая недрами Россия: нашел главный источник жизни своего шестимиллионного народа. Народа, до 1991 года не знавшего своей государственности. Поэтому до сих пор ищущего свой «рух», то есть дорогу и дух в единой ипостаси. Отсюда и причудливое переплетение созидания и мифологии,

здорового смысла и произвола, возведенного в абсолют культа личности и личного обаяния сына своего народа и времени — Сапармурата Атаевича Ниязова. Каким он запомнился при личной встрече? Небольшого роста, смугловатый, сутулый — почти горбатый, с непропорционально большой головой и неодинаковыми — по объему — плечами, с руками не чиновника, а работяги. И еще: улыбчивый, отчасти стеснительный, косноязычный (слова опережали мысль), внешне простоватый, по-восточному хлебосольный... Может, обрадовался встрече с земляком-ленинградцем, встрече с молодостью? Вспоминал автобус 47-го маршрута, делавший в 60-е годы кольцо у ленинградского политеха, который, по его признанию, окончил на одни тройки — заочник. Выросший в пустынном Ашхабаде, он привел свое первое впечатление о тогдашнем Ленинграде: на заводе, куда поначалу устроился грузчиком, стояли автоматы с бесплатной газированной водой.

Детдомовец, сын сгинувшего в фашистском плену неграмотного красноармейца, он особенно переживал смерть — во время ашхабадского землетрясения 1948 года — всех своих родных, включая мать. Разнесем в этическом пространстве золотую фигуру Туркменбаши и памятник Матери. Не будем вставать в европозицию: на Востоке иное понимание добра и зла. Он, в отличие от большинства своих среднеазиатских и прикаспийских соседей, как мог, сберег мир. Заметьте, в стране со стойкими традициями непримиримого кланового противостояния проузбекских чарджоусцев и бывших басмачей-текинцев, разбавленных неуправляемыми марыйцами. Кстати, название текинского кишлака Геок-Тепе выбито золотом на лестнице Главного штаба рядом с Полтавой и Бородино: пожалуй, нигде в Туркестане не пролилось столько русской и нерусской крови.

Как дипломированный энергетик, он сделал ставку на газ. Его трехтриллионные запасы не сопоставимы с российскими — 33-триллионными. Но бывший инструктор отдела оргпартабл работы ЦК КПСС продолжал строить социализм с туркменским лицом: сделал бесплатными воду, газ и соль, по существу отменил квартплату. Он много фантазировал и чудил: понятие «право» заменил на «справедливость». Иностранцы, желающие жениться на туркменках, должны платить «государственный» калым в размере 50 тысяч долларов. Он ввел запрет на иностранную литературу и отказался от пенсий по старости — чтобы дети не «становились стилистами и помнили о долге перед родителями» (цит.).

В его 16-летнем правлении потомки найдут и свидетельства мудрости, и проявления восточной деспотии. Декларируя вечный нейтралитет, он — весьма далекий от дипломатии — пытался дружить с талибами и Турцией, Западом и Китаем. Как текинец он недолюбливал узбеков и опасался

сверхпассионарных иранцев. Он щедро давал воинские звания оставшимся в его армии русским. Что не предотвратило их массового исхода на родину — с 300 тысяч до 70 тысяч — с попутным оголением туркменских вузов и больниц. В отместку все реже вспоминал тех, кто открыл в Туркмении первые газовые месторождения и построил каналы: «После того как в 1881 году русские завоевали Туркменистан, туркменские ковры стали хуже...»

Он «реформировал» систему образования: технари учились на газовиков, гуманитариев учили правильно трактовать рухнаму. Фактический атеист (не это ли спасало его страну от исламизма?), он возвел свое эпическое творение в статус Корана. «Почему приехал в Россию?» — «Не сдал экзамена по рухнаме и испугался...» Он преследовал оппозицию. Вполне возможно, что в 2002 году сам на себя организовал покушение, чтобы выявить, кто этому возрадуется. Но что бы ни говорили его противники, «кровавых застенков», как и «андижана», в его стране не было. Спросим себя: мог ли он быть иным?

декабрь 2006 г.

Евкуров — президент с чертами десантника

Так его характеризуют сослуживцы, знающие Евкурова на протяжении двадцати лет из своих пятидесяти с лишним. Им он известен задолго до избрания 31 октября главой одного из самых запущенных регионов страны. Не ускользнуло из внимания и то, что это уже вторая замена назначенца прежнего президента России.

Впервые фамилия «Евкуров» запомнилась в июне 1999 года. Тогда наш миротворческий батальон под его командованием занял авиабазу в косовской Приштине, совершив 300-километровый марш-бросок из сербо-боснийского Углевика. Именно к Евкурову натовцы отрядили парламентаря для разрешения военно-политического кризиса далеко не местного значения. Этим парламентарем, имевшим такую же боевую задачу, но опоздавшим на полтора-два часа со своей штабной ротой, был капитан Джексон, сын командующего британским контингентом. По воспоминаниям отца, впоследствии главкома сухопутных войск Великобритании, его сын встретился с российским офицером «цыганской наружности, несколько нервным, пытавшимся с кем-то связаться, но весьма конкретным, ироничным и находчивым». Последнее — политически существенно. Находившийся среди десантников замглавкома НАТО по российским миротворцам генерал

Заварзин с младшим офицером армии Ее Величества встречаться не захотел. Впрочем, аэродромный кризис урегулировал все-таки генерал Джексон. После доклада сына он не выполнил приказ своего начальника американца Кларка «о силовом принуждении русского авангарда к перемещению». Говорят, нарушение субординации санкционировал лично премьер Блэр по совету жены, принявшей накануне католичество. А святой престол тогда в очередной раз искал примирения с РПЦ.

Уже через год подполковник Евкуров вновь привлек к себе внимание — на сей раз в Чечне. Исполнявший обязанности начальника разведки тактической группы 217-го парашютно-десантного полка подполковник Евкуров отличился при взятии населенных пунктов Шали и Автуры. Но звание Героя России он получил за освобождение его подчиненными двенадцати российских военнопленных. Некоторые его сослуживцы считают, что правильнее было наградить другого офицера, но стране были нужны герои-кавказцы. Тем не менее никто не оспаривает боевой опыт и десантную харизму Евкурова, кстати, еще до 1991 года получившего орден Красной Звезды. За что? — расскажем, когда он разрешит. 1 июня 2000 года президент Путин всеэкранно вручил ему «Золотую Звезду».

Высшая награда страны, безусловно, помогла войсковому разведчику поступить в академию генштаба и позднее стать заместителем начальника штаба Приволжско-Уральского военного округа в Екатеринбурге. В пользу Евкурова — поддержка со стороны харизматичного генерала чеченской войны Шаманова, а также личные отношения с доселе влиятельным тогдашним командующим ВДВ Шпаком. Достаточно ли этого для президентства? — вопрос сложный. Эффективность главы региона обеспечивается не только успешностью его военной карьеры. Хотя по местным представлениям — это залог уважения, как минимум подчинения земляков. Но и неформальные связи играют не меньшую роль. Считающие, что армейское прошлое президента ставит его над сложными отношениями между вирдами-тейпами-тухкумами, немножко лукавят. На Кавказе родственно-клановые связи емче президентского указа.

Полковник Юнус-Бек Евкуров родился в Северной Осетии в многодетной (десять братьев и сестер) даже по кавказским представлениям, значит, «правильной», ингушской семье. По существенным для Кавказа истокам он представляет тейп орцхой, по другим сведениям — хулхой, по неформальному влиянию на ингушскую ситуацию одинаково занимающим положение выше среднего. Впрочем, куда важнее его брак (кстати, в недавнем 2007 году) с обладательницей фамилии Кодзоева. Кодзоевы всегда находились в

тесном союзничестве с Аушевыми. Кстати, Аушевы именно после свадьбы называли Евкурова одним из возможных кандидатов на замену Зязикова. Значение Аушевых для ингушей сопоставимо с Плиевыми для осетин. Они суть их всенародно признанные моральные авторитеты. Немаловажно то, что выдвижение Евкурова, судя по всему, поддержали влиятельные северокавказские олигархи глава «Роснефти» Гучериев и Келигов, бывший госинспектор по Ингушетии и сослуживец первого президента республики Аушева по Афганистану. Это, поверьте, существенно, даже если сам полковник не вполне искушен в связке бизнес — политика.

Лаконичная, одновременно весомая биография Евкурова сомнений не оставляет. Его предшественник генерал ФСБ Зязиков, несмотря на федеральную репутацию в сходящей с советских рельсов Чечено-Ингушетии, так и не адаптировался под ингушскую реальность. Республика и при Аушеве считалась тыловой базой чеченского криминал-сепаратизма. Сегодня же по мере ослабления общекавказской террористической составляющей острота отношений между населением и силовиками (часто командированными) дополнилась чередой скандалов с правозащитной оппозицией, фактически возвращенной самим Зязиковым. В этих условиях президент Медведев заменил чекиста жестким десантником. Ибо мягкие в десанте не служат, аэродромов не захватывают и пленных не освобождают.

Сулим Ямадаев: ни слова о смерти!..

...потому что его смерть создает прецедент для многих, чей жизненный путь схож с его. Потому что слишком много вопросов она задает всей стране, призванной защищать не только единственную в ее истории семью трех Героев России. Если звания у нас даются не по национальному признаку и политической разнарядке, а за государеву службу.

Антиваххабизм —
поле для возвращения Героев России?

О Чечне, как и об истории как таковой, большинство судит по телевизору. Чеченцев, если они не похожи на подзабытого нами Махмуда Эсанбаева, мы подводим под общий знаменатель — у них — своя «свадьба»,

у нас — своя. Чеченец с лермонтовским кинжалом или сегодняшним «калашом» тем более не вызывает ничего, кроме оторопи сытого мещанина: не приведи Господь с таким — в безлюдном месте! Но Чечня, во многом не похожая на остальную Россию, выросла на нашем же культурно-историческом поле. Ее населяют такие же, как мы, соискатели человеческого счастья. Счастья, понимаемого с поправкой на веру в свой род-тейп, постигаемые с возрастом заповеди Всевышнего и справедливость, не стесняемую кавказскими хребтами, — все в сумме не такое уж чужеродное нам, русским. Такими, а не публицистически раскрашенными персонажами чеченской хроники, стали братья Ямадаевы, не самые дальние родственники Кадыровых.

Сулейман (Сулим) Ямадаев в силу своего понимания веры, оставшейся единственным смыслом бытия после 1991 года, в двадцать с небольшим лет стал самым молодым командиром пятитысячного по численности полка, непосредственно подчиненного муфтию дудаевской Чечни Ахмату Кадырову. Его он считал больше чем отцом. Когда в безвластно-масхадовском 1998 году ваххабиты Хаттаба замахнулись на «европезированный» Гудермес, он выступил не ЗА «неверных» федералов, ПРОТИВ чужой веры. Своя вера оказалась ближе к федеральным знаменам, на которых, по правде говоря, ничего святого для чеченцев не написано. В ноябре 1999-го Ямадаевы без цветов, но и без выстрелов в спину встретили в Гудермесе бронетранспортер русского генерала Трошева. Шеф ямадаевского полка Ахмат-хаджи стал новым лидером Чечни.

Ваххабитов, оказавшихся феодальными смутьянами в век интернета и дискотек, пассионарный Сулим изничтожал по праву хозяина родных равнин и гор, до поры не приноравливаясь к федеральным титулам. Как изничтожал? — разговор не для гламурных барышень. Да, мартиролог врагов федерализма (более 400 — только на его личном счету, еще за тысячу — у его братьев) пополнялся врагами рода, а потом и его семьи. Даже у Кадыровых, пожалуй, меньше кровников, чем у Ямадаевых. Так или иначе не надо было заставлять женщину-ваххабитку поливать из кувшина его руки, промасленные после ремонта «пазика» с табличкой «Пресса». Этот эпизод лета 2002-го едва не обернулся бедой для десятка телеузнаваемых журналистов. Уже удаляющуюся от Замай-Юрта машину веерно обстреляли местные «заступники за женскую честь» — для памяти неверным. Но разве этот эпизод единственный и самый жесткий? Скажем и другое: путешествуя в одиночку по Чечне, лишь с Сулимом федерал считал себя защищенным настолько, насколько позволяет война.

Во время второй чеченской войны он не особо примерял себя с сыном-охранником Ахмата-хаджи, ибо его личная мотивация была куда ценнее для федералов, к тому времени поднаторевших в управлении мятежными «весьями». Но эти же «искушенные» решали задачи дня, не задумываясь о том, что на смену эпохи побивания камнями придет время их собирания. А сам Сулим? От своих старших братьев он отличался не только хмурой задумчивостью. Руслан с самого начала искал государева признания за «восстановление федерализма». Джабраил видел себя лихим профедеральным «абреком». Сулим все же оставался воином. С несомненными командирскими и даже политическими задатками, но не завершенным становлением федерального командира. С весьма условно приданным его подчиненным статусом батальона спецназа ГРУ — точно так же он мог стать подведомственным другим спецслужбам и правоохранителям. Тем не менее за устранение главного на чеченской земле «послехаттабовского» ваххабита — саудовца Абу-аль-Валида — он в 2005 году стал третьим в их роду Героем России.

Героям тесно после войны

Непривычная для поколения Ямадаевых — Кадыровых атмосфера полумира-полувойны развела прежних героев. Кадыров, выросший из охранника отца в отцы нации, не смог примирить всех, кто в ситуации «или-или» поддержал Ахмата-хаджи. Рамзан тоже стал Героем России. За то, что под гарантии отца спустил с гор тысячи своих бывших антифедеральных единоверцев, часто недомстивших не федералам вообще, а конкретному «шайтану» Ямадаеву. Когда «республиканские милиционеры» Кадырова стали не союзниками, а конкурентами спецназовцев Ямадаева, возник ключевой для послевоенной Чечни вопрос: какое из федеральных усиления юридически весомей, иными словами, ценнее для Москвы? Обострившие ситуацию финансовые ножницы укололи прежде всего ямадаевцев. Кадыровцы стали получать из республиканского бюджета в полтора-два раза больше минобороновских «антитеррористов» Сулима? Хотя подушная цена вопроса не превышала ежемесячных 8—12 тысяч отечественных целковых, встречные иски «конфронтантов» не ограничились внутритейповой фактурой анти- и профедерального лихолетья, но вобрали в себя далекие от шариата и адата статьи УК РФ. Аварскую станицу Бороздиновскую с питерскими «Самсоном» — «Салолином», как и не более законную блокаду гудермесской базы ямадаевцев (с членами семей военнослужащих)

поставим в один ряд «взаиморасчетов по-горски», «попранных, видит Аллаха, справедливостей» и «неслыханного, держи меня втроем, злодейства», одинаково чуждых общероссийской норме. Нашим же героям оставалось лишь не уступить друг другу дорогу. Что и случилось в апреле 2008 года по пути кадыровского кортежа из Грозного в Гудермес. Блиц-захват подчиненными Сулима грузинского Гори в августе того же года уже ни на что не повлиял. Хотя Сулим уволен из армии не только, повторим, Героем России, но и подполковником.

Станет ли профедеральный авторитаризм Рамзана трагическим обстоятельством в истории его общего с Ямадаевыми тейпа «беной» или драматическим препятствием на пути от Чечни воюющей к Чечне восстанавливающейся? — эту тему сегодня лучше не развивать. Тем более что известные каждому чеченцу «допущения» в обстоятельствах гибели Джабраила Ямадаева в 2003 году, убийство в 2008 году главы ямадаевского рода — бывшего депутата госдумы Руслана, сплошные вопросы вокруг событий 28 марта 2009 года в Дубаи ставят нынешнего грозненского лидера перед необходимостью самому, скорее и убедительно предьявить «горам и миру» имена покусившихся на не безусловный кавказский мир и не устоявшийся послевоенный мир.

Р. С. Кому это выгодно?

...тем, кто делает ставку на новый внутречеченский взрыв как новый виток распада государства Российского. Ибо столкнуть Кадыровых с Ямадаевыми — значит не просто превратить в «монтекки — капuletти» их многочисленную родню — только у Рамзана и Сулима по шесть детей. Это значит направить против власти тысячи не отмщенных в Чечне и окрест. Какое уж тут завершение контртеррористической операции? Это осознают прежде всего продолжатели дела Хаттаба и Абу-аль-Валида, да и прочие, кто не слишком заинтересован в благополучии Отечества. Насколько это понимают по федеральную сторону баррикады, ясности меньше. Если бы ее было больше, то героев войны надоумили еще до ее окончания. Чтобы впредь всемедийно не жонглировать аббревиатурами спецслужб, вовлекая страну далеко не в политологический спор, кто «матери-истории ценен». Поэтому подождем, что скажут не только строитель самой вместительной в Европе мечети, но и уполномоченные государевы мужи — от прокурора до посла в Дубаи, которые долго не могли отличить мертвого Сулима от живого.

Слободен, наконец...

11 марта 2006 года закончил свой земной путь бывший президент-«председник» бывшей Югославии Слободан Милошевич. Закончил сам или ему помогли? Этот вопрос еще долго будет разделять тех, кто видит в нем главного балканского злодея, и тех, кто считает его жертвой подлого времени, с которым он не совладал...

«Председник» из рабочего блокнота

Спорящих о месте Милошевича в истории вряд ли примирят политические аргументы и исторические экскурсы: на каждое «за» всегда найдется «против». Вот — заметки, вырванные из рабочего блокнота. В них — несколько эпизодов встреч с югославским лидером, его высказывания. И еще — долгие беседы с людьми из его окружения. Иногда близкого. Иногда — фонового. Но всегда — взволнованного. Дальше — вопросы. И часто — сумбур вместо ответов. Времена не выбирают...

Осознавал ли он историческую ответственность или был беспринципным властолюбцем? — «У меня всегда температура плюс 38», — признался Милошевич, разгоряченный дейтонскими впечатлениями 1995 года. Только что подписан документ об окончательном распаде его родины — Югославии. Югославии Великой Победы (там она называлась, как и у нас), Югославии социалистической (это завещание Тито — самого известного и до сих пор непререкаемого югослава). Милошевич стал одним из гарантов независимости Боснии — республики, по национальному составу копировавшей всю Югославию: православные — католики — мусульмане. Не ужившихся в едином государстве попытались примирить в одной его части. Одновременно гарант получил клеймо главного преступника. «Тито был самым дорогим преступником Третьего рейха. За его голову обещали 10 миллионов марок. Кстати, — это цитата, — лучше, чем в русском фильме «Освобождение», Тито нигде не показан». На его столе долго стояла фотография — Тито вручает партбилет юному Милошевичу. Потом этот снимок он поменяет на короля Александра, основавшего в 1929 году Югославию. Энергичный, беспокойный — классический холерик, — он пытался заменить всех и для всех быть своим: «Это Тито мог планировать свой протокол на год вперед. У меня каждый день «свадьба». Полпятого сел за руль и приехал во владу (правительство). Вызвал Владимира (Владимир

Грунич — один из его спичрайтеров) и сел писать обращение к краинцам (сербам в Хорватии)». «Я обращаюсь к вам как...» Этот список ему предъявят как свидетельство его лицемерия: югослав, серб, отец, провинциал из Пожароваца, коммунист, атеист, юрист, майор запаса...

Мог ли он спасти Югославию? «Если во главе Югославии станет серб, государство развалится. Сербь слишком упрямы, чтобы управлять страной», — предупреждал хорват Тито. Так и случилось. Черногорец по происхождению, серб по ментальности, Милошевич пытался спасти страну, опираясь на армию. Не вышло. Югославия, как Карфаген, должна была рухнуть. Главный военный советник хорватов — фактически командующий их войсками — вчерашний председатель комитета начальников штабов США генерал Карл Вуоно воевать умел. За пять лет войны всех против всех известен лишь один случай, когда на местном сходе сербы и хорваты постановили: никому не подчиняемся, ни за кого не воюем. Это произошло в августе 1991-го в краинской Костайнице. Не затем ли туда спешили российские журналисты Ногин и Куренной, чтобы рассказать о тамошнем феномене? Не рассказали. Погибли в той самой Костайнице. Такой феномен никому не был нужен.

Был ли он преступником? С первых выстрелов в Краине в 91-м до косовского позора 99-го он, конечно же, отдавал приказы. Вряд ли в них записано: этих повесить, тех расстрелять. Не все, кто брался за оружие, стали преступниками. Но война — всегда варварство. Гражданская — вдвойне. В первый день моего приезда в боснийскую Тузлу старик-мусульманин, поливавший из шланга газон, остановил взгляд на моем шевроне с российским флагом. Потом презрительно сплюнул, смачно выругавшись. Еще через неделю-другую мы разговорились. До 92-го он жил в сербской части Боснии — в Биелине. Преподавал русский язык. В класс зашли несколько ополченцев во главе с местным паханом по кличке Аркан. На их нарукавных повязках красовались такие же по набору цветов, только по-сербски перевернутые, триколоры. Предложили прочесть «Отче наш». Кто отказался — значит, мусульмане. Расстреляли полкласса, назидательно написав на доске: «Мы держимо речь», то есть «хозяева здесь — мы». В Биелине я встретил другого деда — серба. Эту школьную историю он тоже знал. Более того, после рюмки 60-градусной ракии признался: аркановцы пошли в школу из его двора. Во дворе в большом котле такие же ополченцы, только с зелеными повязками на лбу сварили его трехлетнюю дщирку. Дочку. Бросив в котел несколько луковиц. Для приправы. И дщирка, и полкласса вошли в мартиролог из 270 тысяч говоривших на одном языке. «Деду» оказалось

30 лет. А русскому языку его учил мой тузлинский собеседник. Нужно ли было Милошевичу отдавать преступные приказы?

Торговался ли Милошевич с западниками или по-сербски упрямо не поступался принципами? Конечно, торговался и поступался. Тем более когда лишь президентская должность и статус международного гаранта до поры спасали его от трибунала. Но если трибунал его все-таки настиг, значит, «продал» он им немного. А ведь стоило ему чувственно поблагодарить западников за наведение на его родине демократического порядка — так сделали хорват Туджман и босниец-мусульманин Изетбегович, — а еще лучше, предъяви он Москве какой-нибудь счет за оккупацию, он бы и сегодня назывался «председником», гарантом и вообще слыл примерным борцом с тоталитаризмом. Возведенный в ранг изгоя, он метался и между собственными политическими флангами — от проамериканца Джинджича до националиста Шешеля, называя их своей левой и правой руками. Своим военным предлагал дружить с Москвой, дипломатам — с Западом. Чтобы понравиться демократам, пытался закрыть усыпальницу «диктатора» Тито, но товарищи по социалистической партии его поправили. Харизмы маршала у майора запаса не было. Политический титан редко готовит преемников.

Как к нему относились сами сербы? Сначала на него возлагали надежды. Как в Союзе на Горбачева. После прихода к власти в 1987 году с ним себя он и сравнивал. «Наш Горбачев» — газетное клише того времени. Потом — как к искреннему неудачнику, которому вот-вот повезет. О нем говорили: «Слобо — наша вечна трудность». «Трудность» по-сербски — «беременность». После косовской трагедии до ареста — с элементами презрения: много мельтешит, но всегда проигрывает. Иронизировали про раскладушку, которую пора ставить у надгробной плиты маршала Тито. После ареста — снова с сочувствием. Но оно не слишком распространялось на его сверхделовую жену — Миру — лидера «левицы» — левой партии, ничем не отличающейся от социалистической. Об их финансовых злоупотреблениях говорили всегда, часто по слухам, но больше склонны были обвинять в них Миру. Как бы там ни было, внешних признаков роскошной жизни не допускал. В течение года ходил в одном и том же костюме, принарядно купленном в белградском универмаге. Помпезных выездов с кавалькадой лимузинов и перекрытием улиц, в отличие от Тито, не любил.

Был ли он другом Москвы? Закадычным другом не был. Но к России относился по крайней мере со вниманием, нередко сравнивая себя с нашими вождами. Из нынешней политической элиты выделял Примакова:

напрямую обращался к Кремлю с просьбой о его посредничестве в ковском кризисе. Почти брезгливо относился к Козыреву. Прилично говорил по-русски. Его мать — Станислава — некоторое время преподавала русский язык. Часто приводил примеры из советской истории, которую знал неплохо. Встретившись с российским военным атташе по фамилии Шепилов, в шутку заметил: «и примкнувший к ним?» (так в конце 1950-х годов именовался тогдашний министр иностранных дел СССР Шепилов, «примкнувший» к антипартийной группе Маленкова — Молотова). Любил советские фильмы, на некоторые из них, например «Белое солнце пустыни», под псевдонимом писал рецензии. Следил за культурной жизнью России. Завершая аудиенцию с российским посланником, неожиданно спросил: «А что, и Большой театр развалили?» Его отношение к Москве заметно испортилось в 1995 году. Тогда стараниями российского посла в Хорватии загребский лидер Туджман получил орден Отечественной войны. За полтора месяца пребывания в плену у партизан Тито. И еще за то, что, будучи адмиралом, одним из первых среди югославского генералитета изменил присяге.

Р. С. Между Горбачевым и... Хрущевым

Расставшись с имиджем Горбачева, он попытался стать таким же ниспровергателем, как Ельцин: тогда-то и закрывал мавзолеем Тито. Подражая Ельцину, пытался быть надпартийным «службой народа». Потом вернулся к руководству страной с партийной трибуны. Сравнивал себя с Хрущевым. Несколько кокетничая, говорил, что, став преемником мирового лидера, теперь лучше понимает и Сталина, и Тито, и Хрущева. Кстати, находясь в Москве, возможно, единственный из действовавших лидеров страны, посетил могилу Никиты Сергеевича на Новодевичьем...

Он не был диктатором, хотя его эпоха требовала жесткости. Он не был преступником, хотя и не пресек варварства, творившегося от его имени. Он был не более упрям, чем большинство сербов. И амбициозен как партийный секретарь, велением времени ставший лидером 22-миллионной Югославии. Страны, рассыпавшейся без железной руки маршала. В этом он его антипод. В этом же — подлинная югославская трагедия, пополнившаяся еще одной жертвой.

С именем, начинающимся на «авось»

А ведь авось — самая испытанная из русских надежд. В остальном же? Критик скажет свое. Летописец — тоже. Есть что сказать и просто современнику. Вознесенский вознесся несением воза. Его воз — рифмование — уже поэтому публичное осмысление времени, «перепутанного» от Мандельштама до Бродского. Поэт тоталитарной эпохи дерзновенных талантов, он по крайней мере казался свободным в стране, не знавшей, что это такое. В России смысл бытия задает отсутствие крайностей. Например, свободы и блокпостов. Вознесенский поддерживал власть, демонстрируя потенциал ее испытателей.

«Государя злым оком» она удостоила его больше любого из русских поэтов, оставшихся после этого живым. Благодаря и вопреки он собирал стадионы, куда более многолюдные и «добровольные», чем демонстрации. Его знали по крайней мере по шарфику вместо галстука. И держали под микроскопом молвы. Ан ничего непростительного не нашли. Пригодился, где родился. Не бронзовел. Со сцены читал стихи, а не нотации. «И ни у кого не воровал / И ни на кого не доносил»: о Евтушенко, Рож-рождественском и других говорил либо хорошо, либо лаконично. Барабанщиком на всю планету был лишь в песне. Гламурной, как и про миллион алых роз, но не пошлой. Впрочем, не ему принадлежит пафосно-бескомпромиссное: «Поэт в России больше, чем поэт».

В политику не играл. Но... Промозглой зимой 1981-го американских VIPов демонстративно сопровождали в «Ленком» охранники посольства. В футболках US marines и трусах, выпретенно подтверждавших конфронтационное спартанство. После прощальной «Аллилуйи» повторная нарочитость морпехов стала казаться публицистическим абсурдом. Пусть на двусложные — как «авось» — две секунды до открытой дверцы лимузина. Русско-американская надежда на «Авось» сделала больше нобелевских лауреатов премии мира: «И окажется так минимальным / наше непониманье с тобою / перед будущим непониманьем двух живых с пустотой неживою».

«Любимов поэт Захарова» был ортодоксален, как режиссер революции. И интеллигентен недосказанностью, когда она красноречивее слов. Монтажник строф и рифм слыл парадоксальным как ле Корбюзье. «После Пушкина — будет много, с Маяковского — никого»... Подобно тому, как Пушкина «рукоположил» классик, то же сделал и Пастернак. Наверное, предчувствовал, что новых «слепащих фотографий» лучше никто не снимет.

Планка классика, заданная с юности, помогает лучше, чем палка, которой мы себя погоняем. Это тоже по-русски. А кто на какой орбите, они теперь разберутся без нас.

Поднимаемая Андреевский флаг — для многих впервые воочию, Вознесенский не унижал веры своего поколения. Но чувствовал, где она переходит в заумь «антимиров», по ленте Мебиуса переходящую в чертовщину. Отвечая на записки, характерно откладывал «ненужные» в сторону. Повторял под усмешки зала: «Это — не мне. Это вы знаете лучше меня». Уйдя за занавес, мог появиться в многолюдном фойе, долго нервически пульсировавшем после его Слова. Кого-то терпеливо выслушивал, как будто извиняясь за затянувшийся собственный монолог. Потом почти внезапно приглашал на свое следующее выступление. Для «следующего» администратора размашисто выводил на сегодняшней программке: «Прошу пропустить такого-то числа. А.Воз.». Срабатывало.

В далеких 70-х московский, да и питерский бомонд ранжировались в том числе по доступности к ним публики из зала. Слушатели-зрители в курсантской форме тем более редко встречали внимание грандов. Исключения — двое: Вознесенский и Товстоногов. А дальше? В конце 80-х в военторговские лавки в Афганистане стали завозить книжки «дефицитных» тогда авторов: Ахматовой, Пастернака, Вознесенского и — неисповедимы пути Господни — английского поэта Джона Китса. Остальной Союз собирал макулатуру на «путешествия» Дюма и «пиратов» Стивенсона. А шурави перед рейдом на караван читал купленного за чеки Вознесенского. Иногда уже замусоленную распадающуюся книжку. С нестертыми карандашными пометками о посадке последнего «тюльпана»... Не потеряли ли мы ту культуру, которая казалась ущербной, но исправимой через свободу? Ведь в Чечне спустя пять-семь лет читали уже «СПИД-инфо»...

Мы ищем ствольные клетки правды, чтобы закончить гражданскую войну в собственных душах. Значит, обрести волю — в двух смыслах этого парадоксальнейшего из слов русской словесности. Без «Страдивари страдания» тут не обойтись. Одним из символов наших «войн и миров» стали шестидесятники, совместившие в себе лучшее из унесшегося с нашими родителями и худшее из того, что мы у них заимствовали. Евтушенко писал: «Когда изменяемся мы, изменяется мир». Вознесенский меньше рассчитывал на изменение мира, но помогал утешиться его непостижимой мудростью. Не только в кухни, но и прочее малогабаритное пространство дома приносил дух, выветривавший быт.

Поэтому он стал одним из духовных скреперов еще совсем «теплых» поколений. Он еще почти жив. Он уже судит. Его слово может стать логичным в поиске гармонии Гражданина с Государем. Адмиралтейства и Биржи. Если «в человеческом назначении — девяносто процентов добра». Авось!

Июнь 2010 г.

Успел сыграть и сказать. Памяти Владимира Маслаченко

Подробнее о нем расскажут ветераны футбола и спортивные журналисты. Болельщик, тем более не «истый», тут мало что добавит. И все ж... Бывают случайные встречи, оставляющие ощущение урока. Такой была и эта — полуторамесячной давности. Хмурым утром 16 октября. Кавычки по тексту, конечно же, условны.

А тогда было так: поздний подъем после затянувшегося за полночь разговора с московским приятелем. Яичница за час с чем-то до отправления первого «Сапсана» в Питер: «Смотри, на «Белорусской» перехода нет»... На подходе к кварталу, отделяющему «деревню художников» от метро «Сокол», что-то подсказало, что впереди прохода нет. А на пустынном тротуаре — лишь две фигуры: статный мужчина в зимнем спортивном костюме и с собачкой на поводке. И его не запомнившийся собеседник. «Извините, как побыстрее пройти к метро?» Мужчина с собачкой не сразу обернулся на вопрос...

«Вы — Маслаченко?» В ответ что-то вроде: «Ну, вот, сейчас вы позвете меня к магазину... и...» — «Простите, Владимир — не знаю вашего отчества. Зачем вы так? Я лишь хочу выразить вам свое уважение, как человеку, достигшему вершин и в спорте, и в журналистике...» — «Вы — кто?» — «Да просто... из Питера... спешу на поезд... Вот, моя карточка». — «Подопригора! Постойте, это не вы тогда... — Маслаченко вспомнил меня по частому появлению на телеэкране несколько лет назад. — А я — з Днепропетровщины... — произнес он по-украински. — Если дойдете до Ленинградского... Ай, давайте я провожу... Иначе не объяснишь...» — «Владимир...?» — «Никитич» — «Владимир Никитич, помню ваш снимок в «Огоньке». Шестидесятых годов. Вы пропустили мяч и были не просто расстроены — «крушение надежд»... — «Это в таком-то году. «Спартак» проиграл чемпионство... Статья Льва Кассиля. Кстати, он сделал очерки

только о двух вратарях — о Льве Ивановиче (Яшине) и мне... А еще в Кривом Роге...» — опять в нарочитой украинской фонетике... «Знаете, как я оказался в Москве?» И красочный как будто отретпетированный рассказ о своей молодости. Мы несколько раз останавливались — собачка «требовала». Я начинал поглядывать на часы...

«Владимир Никитич, знаю, к «Зениту» отношение в Москве непростое...» — «"Зенит", конечно же, чемпион. Когда будет — поздравлю... — он достал из кармана и еще раз взглянул на мою визитку и неторопливо продолжил, — сейчас другой футбол. Не лучше и не хуже. Просто — другой... Как и люди. Тогда мы все друг друга знали. Дружили семьями... Безо всяких команд — «Спартак», «Локомотив», тбилисцы. Вот, — продолжил Владимир Никитич, — один наш спартаковец увлекся женой «чужого» вратаря... Мы все в курсе. А тренер — черт его знает... А тут — пенальти... Если бы он забил — в «Спартаке» его бы не было... Или еще: кто-то заболел у... фамилию не надо. А он — на сборах. Лобановский всюду был вхож, но тут что-то не получилось. Тогда Сабо — был такой футболист — позвонил в Будапешт. После этого сам Кадар просил Брежнева помочь нашему хлопцу... Знаете, что Брежнев сказал? «Теперь я знаю, что вы победите!» И победили ведь... Футбол учил порядочности, добру... Тогда болели за это. А цвета команд — это символ верности, а не раздора, как сейчас... Ладно бы шоу. Но стадион становится суррогатом вольницы, если хотите, школой ненависти. Это — для одних. И ареной для 90 минут славы по контракту для других. Хорошо, если славы... И для игроков, и для журналистов».

Он явно нашел благодарного слушателя. Но говорил не столько мне, сколько себе. Через паузы выбирая из своего богатого словаря единственно точное слово. Как будто подводил итог. Деликатно обходил фамилии знаменитостей, если в приведенных им эпизодах они не заслуживали его похвалы. Его волновал не сам футбол, а отражение в нем нашей повседневности. А ее он чувствовал не только тонко, но и мудро. Сказал что-то вроде: «Стадион — это ведь зеркало, а не бахча». Я еще подумал: почему его не приглашают на весомые аналитические телепрограммы?

«В Питере был один великий комментатор — Виктор Набутов. Хотя ревнивый... Тогда на чемпионат вместо него послали не меня, а Спарре. Но он не поверил... Вот чьим именем нужно стадион ваш новый назвать! Вы спрашиваете — Гена Орлов? У него ленинградского «придыхания» больше, чем... Он тоже ревнивый. Как и Кирилл (Набутов)... Ревновать надо к «себе-лучшему». Чтобы задать новую планку. Себе задать. А не сравнивать

другого с собой. От этого — только дразни. Но в той передаче («Опять о футболе») мы с Орловым не ругались... Просто ради двух фраз — одну с кивком, другую с «нет» — на эфир не приглашают. Вообще-то я люблю питерцев. У вас еще много интеллигентных идеалистов. Снизу — наивность. Сверху — гонон. Ни там и не здесь, — Маслаченко пальцем показал вверх и вниз, — проку не будет. Так что, лучше посередине...». Он говорил еще и еще... «Владимир Никитич. Вас очень интересно слушать. Увы, спешу. Извините».

Мои питерские знакомые удивились тому, что случайный, в общем-то, разговор я запомнил так подробно.

Вечером 14 ноября 2010 года Владимир Никитич поздравил меня с чемпионством «Зенита»... Спустя четыре дня газеты сообщили, что у Маслаченко — инсульт. 28 ноября его не стало. Спасибо Вам, Владимир Никитич. О Ваших словах я буду еще долго думать.

В подоле у неба

О своей первой профессии опять приходится вспоминать под «третий тост». 26 июня 2012 года не стало «главного» переводчика афганской войны Геннадия Клюкина. Почему главного? Потому что в 24 года он, выпускник Военного института иностранных языков, прибыл тогда еще в королевский Афганистан. Из него он окончательно вернулся спустя шестнадцать лет, из которых двенадцать — прерывались лишь отпусками. Восемь лет при этом в Афганистане шла война. Книга рекордов Гиннеса не знает более длительной командировки на войну. Еще сложнее сравнить его с кем-либо из неафганцев по владению языком дари, ставшим для него родным по судьбе. Да и большинство афганских таджиков знали язык Омара Хайяма хуже, чем переводчик — «тарджуман Геннадий». Может, из-за этого он в дальнейшем и не искал иных жизненных вершин. Ибо ему покорились главные профессиональные. А становиться коммерсантом ли, политологом, общественным деятелем — он не мог по генетической «невсеядности» русского офицера и «доблокадного» — по нравственной планке — ленинградского интеллигента... Трудно об ушедшем писать в жанре некролога, если его жизни хватит на несколько книг. И вообще писать о нем трудно. Геннадий Клюкин умел увлекательно говорить о самой продолжительной из отечественных войн, не рассказывая о своем в ней участии. Вообще он исповедовал принцип — о себе только с

иронией. Притом что его голосом отдавались распоряжения «старших шурави» Варенникова и Гареева. Его же голосом им отвечали президенты Бабрак и Наджибулла. Афганские министры и иные советские генералы не всегда дотягивали до участия этого, по последнему званию, подполковника в их переговорах. Да и не всегда соответствовали интеллектуальному уровню Геннадия Николаевича, порой снимавшего переговорное напряжение уместной цитатой из того же Омара Хайяма. Кстати, из его четверостиший во многом складывалась и жизненная философия самого Геннадия Николаевича: «Тот, кто мир преподносит счастливым в дар, / Остальным — за ударом наносит удар. / Не горюй, если меньше других веселился. / Будь доволен, что меньше других пострадал». В остальном Геннадий Клюкин оставался незаметным, но незаменимым — высшая оценка переводческого мастерства. Его младшие коллеги вроде будущей телезвезды Евгения Киселева остались лишь учениками на не пройденном ими пути к профессии востоковеда-практика.

После возвращения из Афганистана через полтора года после вывода наших войск мало кто видел его в военной форме. С совсем не юбилейными наградами — кто теперь сможет расшифровать их историческую подоплеку? Хотя в книгах об афганской войне его имя встречается чаще, чем имена других переводчиков. Последний военный советник СССР в Афганистане генерал армии Махмут Гареев оставил такую надпись на подаренном Геннадию Николаевичу экземпляре своих мемуаров: «Лучшему переводчику афганской войны». Задолго до его ухода в нашей с Андреем Константиновым будущей книге нашлось место единственному из «тарджуманов-шурави» — «самому крутому из генеральских переводчиков Гене Клюкину».

И еще. Возможно, это единственное его публичное откровение об афганской командировке: «Восемь лет войны я прошел с одним пистолетом, в котором был единственный патрон. Он-то и давал мне уверенность в том, что живым в плен афганцам я не сдамся». «Афганцам» он и не мог сдать. Он им посвятил лучшие из 64 лет своей «божественной командировки на землю»: «Даже гений — творенье венца и краса — / Путь земной совершает за четверть часа. / Но в кармане земли и в подоле у неба / Живы люди, покуда стоят небеса...»

III. ПОКОЛЕНИЕ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК Штрихи к портрету

Офицерская молитва

За сияние звезд — на расправленных крыльях погон...
Нехристи — по красному прошлому.
Белые — по цвету парадных перчаток.
В вечном купринском «Поединке»
Воздается каждому по вере его...
Во имя отца и сына.

За наших седеющих девочек,
В московских колготках спрыгнувших в тайгу забытых гарнизонов...
Не исчезнут за поворотом судьбы
Нимбы фонарей Нескучного сада,
Да будет вечной любовь.
Да святится имя Твое.

За бросивших разведенные бытом дома,
Прокуренные кухни сомнений,
Перескочивших из метро в БТРы,
...кометой сгоревших, успевших так мало...
Отложим гитару. Прикроем стаканы.
Третий гост.

Лучше пулю в лицо, чем штык — взгляд в спину.
Пока живы комбаты Афгана,
Будет и шампанское при свечах...
За ветер — дыхание звезд...
Присно и вовеки веков
Честь имею...

Эсэмэски Господу

Ю. Ш.

Нас ждет не смерть, а новая среда.
От фотографий бронзовых вреда
Сатиру нет. Шагнув за Рубикон,
От затвердел от пейс до гениталий.

Наверно, тем искусство и берет,
Что только уточняет, а не врет.
Поскольку основной его закон,
Бесспорно, независимость деталей.

И. Бродский

Чечня. Бетон вертолетной площадки. Россыпь жестянок. Носилки.
Бред солдата с замотанной культяшкой: «Я — Басаев, мне оторвало ногу».
... черной пятерней соскребают гвозди. Протягивает — «Вот — фиалки...»
Тишина. Не слышно даже гула вертолета...

Я тебе протягиваю букет срезанных на полуслове эсэмэсок.
Поверенная цифрой строчка — своя или взятая взаймы —
выражает мгновение посвященности. Тебе и Господу.
Привилегия Женщины и Бога — оставлять надежду.

Мы — из не благословленного поколения.
«Жизнь проходит без надежды.
Остается только прежде...»...
Под постную церковную музыку и равнодушный грохот попсы.

У нас не было голубей, как у родившихся в 20-х.
Нам не хватает россыпи драгоценных гильз — как у поколения 30-х.
В забытых углах антресолей нет и спичечных этикеток,
чаровавших воображение подранков 40-х.

Пришедшие в этот мир в 50-х, мы — беспризорики —
по духовной бездомности,
по тяге к чужестранству,
по незаменимости вещества жизни гламурной мишурой.

Мы презираем тех, кто возвращает в сердце бансай,
называя его садом своей души.
Мы ищем настоящее во вздохе и глотке.
Вода состоит из мокрости, а не из Аш с два О.

В сорок — нашим прозрением стал уход родителей,
засмотревшихся на голубей под куполами.
Из генной памяти мы взяли похоронки сначала Афгана.
Потом по инерции свернули на «фугасную» улицу в Грозном.
Любовь стала связью между поколениями и куполом космоса.
Мужчина и женщина — с разных планет.
Не обязательно мы будем жить 100 лет и умрем в один день.
Искать пик любви — все равно, что ждать, кто разлюбит первым.

Любовь — стык навязчивости и стыда.
Стыд — не единственное, что связывает мужчину и женщину.
Займи мне место поближе к чаше с пуншем.
Даже последняя встреча не может стать признанием в нелюбви.

Женщины, спешащие на свидание, поначалу похожи.
Паранджой ресниц под карнизом бровей, удивленных асимметрией губ.
Потом их разводит: «нет» — как жестко застегнутый zipper,
«да» — волокно шепота, вшитого в капрон.

Женщина может все, но для этого ее нужно любить.
Любовь, как и смерть, ничьей не бывает.
Влюбленность в отличие от Добродетели — преходяща.
... правда ли, что над Канадой небо — сине?

Ангел — губитель. Спрячет тебя в ладони, укроет крылом.
Как упавшую сережку.
«А жизнь идет. О Землю шаркая ногами».
«Снайпер выследил цель. Но помешала вишня в цвету».

Повезло... Не то что парню — с вертолетной площадки.
Гул заходящего на посадку вертолета рифмуется
с «Позови меня с собой». Под лопастями мечутся цветы.
Точка отсчета.

Возвращение

Когда я вернусь,
 Не как Галич — с парижской кассеты,
 Хоть седой, но живой
 Из таможни тебе дозвонюсь.
 Это будет весной.
 А пока — пусть вопрос без ответа:
 А куда я вернусь?

Кину в шкаф камуфляж,
 Созову на девятое мая
 Всех, меня не забывших,
 А потом, захмелев, улыбнусь,
 Может, даже отгаю,
 Оживши;
 Сходим с дочкой в «Пассаж»...

Но куда я вернусь?
 В суету вороватых киосков?
 Чем ты встретишь, Россия?
 Ни «прости», ни «спасибо» не ждя,
 Над собой посмеюсь,
 Отмахнусь от вопросов
 Бессильно
 Под счастливые слезы дождя.

*Душанбе,
 апрель 1994 г.*

Моя дорогая химера

Придешь?
 Метро. Свисающая челка. Глаза.
 Да? Нет?
 Не мигай.
 Посмотрим друг на друга.
 Экспромтом.

Ты уснешь, разметавшись беспечно.
 Я приду, растревожу твой сон.
 Может быть, и последнею встречей,
 Ждущей нас в лабиринте времен.

...Не хватило времени на счастье.
 Когда оно приходило,
 время ускоряло бег.
 В распадающийся на листочки блокнот
 все реже заносим новые имена.
 И поверх рабочего телефона
 все чаще — день памяти...
 Мы плохо живем, плохо пишем...
 В непоэтическом словаре нашего поколения
 вместе с химическими карандашами
 и пони в ЦПКиО
 останутся
 зимы пустых холодильников,
 телевизионная хроника — «Время»
 сквозь «Чуть помедленнее, кони!»
 на «Астрах» и «Кометах»
 наших 70-х.
 Ни одна русская сказка
 не обходилась без обращения к Востоку.
 Нам предстояло уцелеть
 вместо некрещеных мальчиков Афгана,
 теперь — Чечни.
 Война учит любви.
 Помнишь мою мольбу?
 Любая кончится дорога,
 Дорогой вечною не став...
 На посошок мне, ради бога,
 Глоток земной любви оставь.

С последними аккордами «Лебединого озера»
 погас черно-белый экран.
 Мы оказались такими разными, даже разноцветными:
 что общего между лиловой тюбетейкой душанбинского дервиша

и рыжим треухом питерского бомжа?
 Ступеньки подземных переходов?
 А по вокзалам слово «беженец»,
 Как прежде было — «кипяток»...
 И приглашенья путешествовать:
 Одним — в Мадрид, другим — в Моздок?
 Или угнать БТР?
 Чтобы отомстить за себя, за Союз,
 за то, что вместо твоих ресниц — ворс подушки?
 Так банально — не слезы, а снег.
 Каждый туго натянут нерв.
 Разбивают гипсовый герб:
 Верьте нам-м-м-м! Нервный смех.

В привычном «Держитесь за поручень»
 слышится эхо шестнадцатого года: «Держитесь, поручик!»
 Мы — выросшие с неподцензурной гитарой,
 не боявшиеся ни духов у кандагарского элеватора,
 ни жены, ни КГБ...

Нам душно и тесно. «Тяга прочь»? Опять на войну?
 И огненной памирской пляской
 празднует День Красной армии
 бородатый исламский боевик:
 Ах, Одесса, жемчужина у моря...

Шелушащаяся позолота сталинского бюста
 в заброшенном душанбинском сквере
 посреди вывороченного Таджикистана...

Любовь — это память,
 запрятанная в ладони и губы.
 Наш век — короток и ненастен, как февраль.
 Мы уйдем незаметно,
 стараясь не разбудить соседей,
 длинным больничным коридором,
 где давно перегорела лампочка.
 Чтобы, как скальные столбы кайнозоя,

стать частью жизни вселенной.
 Чтобы
 оставить после себя мир нашей совести, мук;
 то, что наши взрослеющие девчонки
 расскажут своим будущим мальчишкам.
 Я не приду.
 Ведь «встреча» — похоже на сербское слово «счастье».
 ...Так банально: не слезы, а снег...
 Расстанемся любя.

Память

Любовь — это золото скифских курганов —
 В холодных оправках музейных витрин.
 Я к ним подойду и задумчиво встану
 Пред прошлой эпохой — один на один.

Колечко, что стало теперь экспонатом,
 Быть может, навстречу счастливой судьбе
 Подарено было в далеком когда-то:
 «Любимая, это — тебе».

Коль живы

Коль живы — под поземку века
 Из заунывной тишины,
 Где ни греха, ни слез, ни смеха,
 Сквозь вас не смотрим со стены,

Примите и не осуждайте
 Навзрыд пришедших в декабре
 Забытых чувств. И млейте, тайте.
 А лучше — смейтесь и рыдайте.
 Автограф мой в календаре

Пусть скрепит силою закона
 Прикосновения испуг.
 Семь цифр — номер телефона,

Как бисер — номер телефона,
Летящий номер телефона.
Тепло и живость губ и рук.

Коль живы и в желаньях злые...
...вот только ходики идут...
Мы все же, все же молодые:
Нам Бог добавил пять минут.

Беса ме мучо *Посвящение сорокалетним*

Первое, что схватывает взгляд, это движение, штрих...
Краски воссоздают лица и чувства.
Красный способен донести
порыв и отчаяние...

В легком красном плаще, чуть сутулясь,
ты уходишь по удаляющемуся перрону, молча обходя лужи,
не оглядываясь. Идешь на шпильках, навстречу осени
и зиме.

Запахнув шинель, сквозь поземку Александровского сада
я иду по гранитным плитам вымерзшего розария:
прочь от отвернувшегося ангела,
под прицелом бездушной камеры,
сканирующей лица живые и каменные.

Импрессионизм памяти —
в черно-белой графике штрих-ценников.
Из предреволюционной хроники спешат
неуслышанные афганцы брусиловского прорыва
в шинелях с капюшонами-башлыками
мимо светящихся опарышей киосков,
торгующих на керенки-зайчики.
Доколь?

Снег засвеченной штриховкой скользит по щекам.
Хроника замедляется до пульсирования немых картин.
На подводах и санях возят синий торф...
Это из прошлого? Или из будущего?
В просторном после снесенных сараев дворе
созывает хозяек точильщик —
одноногий еще с испанской.
Беса ме, беса ме мучо...

Первый в сумрачной коммуналке телевизор,
серебряный и торжественный, как полет Гагарина.
Я перелезаю через кузов грузовика,
перегородившего улицу.
Первомайская демонстрация.
Люди с красными повязками следят за стройностью колонн.
Белым по красному: «Пусть всегда будет солнце!»
Ура.

Камера наплывает на черную, африканского камня, плиту
с серебряными титрами:
Капитан Антонио Дега-Дега, инструктор Осипов...
Год рождения — пятидесятый,
через дефис — фиолетовая зелень тропиков.
Планета сделала полный оборот.
Будто и не было розового тумана...
Беса ме, беса ме мучо...

Уже не на экране режут пальцы четыре камешка:
табачно-желтый, медсанбатовски-белый, черный, как гарь,
прозрачный, как третий тост.
На горячем и витиеватом афганском ковре —
холодный арбуз.
Красный.

Как флаг на последнем узике рижского ОМОНа.
Не спрашивайте, какой мы национальности, веры какой...
Поколение, живущее несбывшимися надеждами...

Замедленная съемка...
Запомните наши лица.

У колонны на площади — разноцветные стайки людей.
Среди них — ты.
В чем-то легком и красном.
Ты меня видишь, торопишься навстречу.
Накинув на плечи весну.
Сейчас ты спустишься в подземный переход.
Я жду. Тебя нет.
Хруст пустого целлофана из-под цветов...
Пушка на Петропавловке бьет двенадцать.
Стоп-кадр.
Помолчим о нас...

1995 г.

Песочные часы вопреки своему предназначению похожи на символ бесконечности. Почти неизменности. В жизни всё иначе. И вчерашнее признание сегодня звучит по-иному... И вчерашних надежд сегодня становится меньше. И совсем необязательно место прежних надежд занимают новые. Чем мы старше, тем явственней их нишу в душе заполняет усталость, потом разочарование, потом пустота, затем отчаяние. Её сменяет безнадежность, когда остаются лишь воспоминания о не случившихся переменах.
Жизнь - не наука, во всяком случае - не точная. И впоследствии никто не скажет, на какой отметке следовало бы завершить поиск, чтобы остановиться на Ниспосланном. Тогда и там.
Когда и где Вы стали дантевской Беатриче, чья улыбка перевернула Поэзию, как наследуемый поколениями Смысл Бытия. «Божественная комедия» стала Драмой торжества живущих. Испытывающих конечность чувств, связывающих двоих.
И много ли смысла в Музе, если она не отзывалась на слово
Жена...

- отблужденье
ляшке, остается не слово, а
чником, промелькнувший в
переворнуть. Но и тогда последний пес-
тиром наших встреч. Песочные часы можно
дшего с нами в эти два года, помеченных пунк-
следнее в нашей истории. Но оно главное из произо-
веряют то, что обозначено в слова. Это признание - не по-
доказывают предпринимать жизнь врозь - делом по-
меру. Если для того, чтобы это осознать, нужно время, им не
атрапальной суетой чужих грех, на выходе превращающихся в хи-
наскучили своим несбытанием. Чтобы не завязать друг друга, те-
лом. Мы знаем друг друга настолько, чтобы жениться и
ставляет невозможность-выживать. Никто не знает, кто окажется тогда ра-
в обратном. Остаточество дарит в лучшем до тех пор, пока жизнь не за-
без него каждый из нас теряет под ногами почву - бесцельно убождать себя
Мы знаем друг друга настолько, чтобы жениться и и Мучения обрекли Равноесие.

Минута

60 — это начавшая таять минута —
58, 57... Капля из реки времени.
Пробившаяся змейкой ручейка,
она обрывается страстной вертикалью водопада,
отдыхает в манящем ложе озера,

чтобы продолжить себя в новых надеждах и заботах —
неумолимом потоке капель-секунд,
созвучных вступлению флейты...

51, 50... За минуту мысль совершает оборот
от выпавшей пломбы до вселенской боли.
Минута может стать вечной.

45, 44, 43 ... Мы еще движемся в одном направлении —
стоит протянуть руку...
Но в выпуклом зеркале «Икаруса»
медленно улетает твой силуэт,
переливающийся серебряной звездочкой,
оставляя тающий след еще теплых воспоминаний...

Мы настаиваем на несбыточном
вопреки пространству и времени.

34, 33 ... Ты снова будешь молчать?
Почта — единственная связующая нас нить.
Если ее отпустить, она быстро затеряется
под каблуками спешащих и занятых своим.

29, 28 ... Наша история — сыгранная сюита.
В ее партитуре ничего не изменишь.
Но флейта, вдохнувшая в нее жизнь,
будет лежать на белом стуле и тогда,
когда погаснет последняя стрелка — на «Выход».

Ведь флейта — инструмент для воровства,
живущий в вечном страхе сфальшивить.
От ее дыхания замедляет падение
даже листок прошлогодней осени.

18,17 ... Опустевший зал — как ночной аэродром.
Вышка, похожая на высокий попиртр,
сигналист на взлет, на отрыв.
Счет на секунды...

14, 13 ... По ступенькам
привычного эскалатора
ты возвращаешься
в свою жизнь...
Внизу под поручнем
уже выметены и орлы, и решки.
В твоих завтрашних телефонах —
Знакомые-чужие голоса...

9, 8 ... Я их слышу, прислонившись к иллюминатору самолета,
для которого последним «прощай»
мигают мерзнущие фонарики взлетной полосы...

7 ... Когда по телевизору передают прогноз погоды,
Я мысленно прошу тебя: «Не простынь».

В созвездиях аэродромных огней
Укроются светлые блики надежды,
Как память с тобою счастливых друзей,
Но можно ль остаться такими, как прежде?

6, 5 ... Судьба отпускает мало времени для счастья,
Чуть больше — для воспоминаний о нем.
Мы — песчинки в потоке судьбы, который все больше
походит на сель, устремленный к обрыву...

4, 3 ... Как окликнуть тебя?
Не хватает ни слов, ни времени,
ни русских суффиксов...

2 ... Пусть не надежду — расставайтесь
Напомнит быль, навевет новь...
Снега, границы, расстоянья...
Но что тогда, скажи...

Моя звезда...

Датскому философу Кьеркегору суждено запомниться разве что сюжетом. Он примиряет с жизнью всех, кто испытал неразделенную любовь: после обручения мужчина вернул избраннице кольцо и навсегда от нее отказался. А потом всю жизнь писал ей письма с признаниями. Мечта о любви — благодарнее ее самой? Мы чего-то достигаем или не теряем на это надежды — благодаря чему? — Любви? Или тому, что становится ее вершиной — браком? Может, состояние влюбленности более деятельное, чем любовь, тем более брак? Это — у философов. А я?..

«Что всю неделю я делал? —
Я ждал твоего звонка».*

Он — Александр Васильевич Колчак. В Петербурге жил у Поцелуева моста. Будучи прежде всего полярным исследователем, он был еще военным человеком и умел грамотно ставить морские мины. Его человеческую порядочность перечеркнула встреча с Женщиной, оказавшейся женой его подчиненного. Ему было — 42. Ей — чуть за 20. Ее звали Анна Тимирева. Она принимала его посвящения, скорее философские, чем поэтические. Среди них запомнился романс «Гори, гори, моя звезда...», авторство которого доподлинно неизвестно. Хочется, чтобы оно было его. Спустя годы они стали одним целым. Их арестовали вместе... Анна Тимирева прожила длинную жизнь. На «борьбу с Колчаком» и тогда, и потом, на протяжении 70 лет, затрачено много строк, рифм, образов. Куда более пафосных чем:

«Что всю осень (зиму, весну, все лето, весь месяц) я делал?
Я ждал твоего звонка».

На всех нас, будто на боевом развороте, зашли 80-е. С тех пор в мире ничего нет, кроме Афгана, а потом Чечни. Уже почти тридцать лет старый год сводит с нами счеты и уходит. Остается поколение, писавшее стержнем от дефицитной тогда шариковой ручки. Поколение, недопригубившее жизни. И не расстрелявшее до конца свой душевный боекомплект. Но ищущее Любви на контрасте с войной. Любви, для которой ничто не венец и ничто не конец. Даже стихи на снегу. Не собирать же смысл жизни по кладбищам. Оставь на ползатяжки...

«Что же всю жизнь я делал?
Я ждал твоего звонка».

* Использован рефрен песни Антона Духовского «Я ждал твоего звонка».

Эпикриз

И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне
Эоловою Арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
«Фауст». Гете

Эпикриз времени.
Он подписан вечностью.
В нем — горячечный бред бессонных очередей,
неутоленная жажда достучаться
до самого близкого,
кому можно поверить на слово.

Поверить в лучшее.

У каждого — своя ноющая Правда.
И только воспаленное время —
одно на всех.

Время обретает себя в музыке...
Лет двадцать назад
по широченной тольяттинской эспланаде
охрипшие динамики
разносили из открытых окон девятиэтажек:
«Я не люблю фатального исхода»...
Высоцкому запрещали петь в ДК,
но его слушал весь город.
Потому что всюду была тишина.

Ее заполнил
неистовый рок кардиограмм девяностых,
расстроив камерное созвучие человеческих судеб,
заглушив мудрый перестук колес...

Ностальгически далекими
кажутся кофейные натюрморты сбывшихся встреч,

свирельные мотивы душевных сопричастий.
наборник срывается где-то после 1, 9, 8 ...

Обратный ход телефонного диска:
«Да, дома. Конечно! Сейчас подойдет»...
И голос, и губы так явственно близко...
Но снова — не тот, не та, не тот.
Захлопни кабину — фатальный исход.

Время подводит к выбору.
Как памятник деспотии
взорвана заводская труба.
Плакатный доброволец — делец
с лоснящимся на воротах флажком
развязно спрашивает:
«Ты открыл ЧП?»

Ветхозаветный вопрос: кто ты, мессия? —
сегодня звучит как: Европа плюс КТО?

Между рекламных строк
и предсказаний астрологов
проступает забытое на целое поколение:
«Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя».
Может, уже нет выбора?

Из преданного анафеме времени
проступают сведенные скулы
Георгия Победоносца — маршала Жукова:
приказ 227 — ни шагу назад. —
На чем будешь воспитывать своего сына?

Кого разбудит этот звонок?

Время взывает к милосердию...
Прошлогодней порой тополиного пуха

в старом ленинградском дворе
сгорели два дерева...

Первой опечатали комнату
старушки с четвертого этажа:
— Это был мой Володенька...
...ушел в сорок первом, в июле...
Через неделю не стало соседки этажом ниже:
— А мой — еще в финскую...
Тогда деревья были совсем маленькими...
...и они их с тех пор поливали.
Им вообще некому было звонить...

Время сохраняет надежду...
Пусть ничто не потревожит
венчальную тишину Летнего сада.
Островок в клокочущем океане...

Одним из первых посланцев Нового Света
на рейде Кронштадта стал
трехпалубный «Энтерпрайз».
Предприятие — предприимчивость.

Еще раньше
калифорнийский причал
салютовал Андреевскому флагу
парусника «Авось»...

Может, ответ где-то между?

Только бы не потерять телефонную книжку.
Дозвониться. Застать дома. Дождаться ответа.

И если наши дети станут мудрее нас,
когда-нибудь, поворошив догорающий костер
непонятных им страстей,
они, может, поставят пластинку
почти неизвестного им Высоцкого...

Так... На память о
Нашей
Невстрече...

Не доставало никогда
В своем отечестве пророка.
Потомки скажут как тогда:
«Горит такого-то эпоха...»

Встреча

Говорят, что каждое мгновение жизни —
это вопрос, который задает нам судьба.
Отвечая на него, мы как бы заполняем
собственный формуляр.

Ты? ...забыла и простила,
помнит и ненавидит.
Садись, какие у тебя холодные руки...
Боже, как жарко!

Ты прекрасно выглядишь. Сколько лет мы не виделись?
Сколько морщин под глазами.
Ты всегда опаздывала, потому что
хотела выглядеть лучше...
...как я хочу тебя поцеловать...

Ну, как ты? Рассказывай.
Я оправдывался тем, что пожалел
то ли свою, то ли твою семью:
«Постарайся сделать счастливым
хоть кого-нибудь».

А я думал, ты тогда уехала с мужем...
Как преступника тянет на место
преступления,
так я хотел видеть твоего мужа.

Он становился приветливее и холоднее...
Мы говорили, что время все расставит
по местам. Ты постоянно хотела
познакомить меня с твоей мамой...
Как мама?
Давно?
...это так... Для чтения в метро...
...«линии проектируемые и строящиеся»...
...«не присло — на стекле, — няться»...

Работаешь, где раньше?
Я помню, обнимал тебя на какой-то
длинной лестнице. Твои руки были
заняты журналом о макраме.
Ты начинала говорить о дочери
и успокаивалась.

Мы лишь временно бессмертны.
Пусть подарком будет мне
Из бумажной перфоленты
Нашей встречи макраме.
И чтоб, буклями опутан,
Ропот в шепот перешел,
Чтобы междометий буквы
Капали в капрон и шелк...

Ты прекрасно выглядишь...
Я снимал со своего свитера
твои длинные волосы...
Приходил домой
и садился заниматься с дочерью...

...и у меня все так же. Дочка уже в десятом...
Слушай, надо как-нибудь встретиться...
Тебе пора?
У тебя сохранился мой телефон?
Запомни, вместо тридцати семи — сорок пять...

Я знаю, в моем формуляре
 Чем меньше пустующих строчек,
 Тем чаще сомнения — прочерк.
 Ведь память — как скрипка в футляре.

На память о нашей не встрече

Памяти Ирины Головач

...Господь создал человека
 и вложил в него способность
 любить Всевышнего.
 Не затраченную на Бога любовь
 Человек отдает Человеку.

Я видел тебя один только раз. Случайно.
 Это было в Москве или кабульском Теплом Стане.
 Нет, скорее в Минске...
 на фоне выбеленной церкви,
 которую часто показывают в телевизионных заставках.

Ты была так графична в белом хитоне плаща,
 Темноволосая, на черных шпильках.
 Гордо неся голову, ты нехотя опускала паранджу ресниц,
 обходя фиолетовые лужи.

Когда? — Теперь неважно.
 Точно — это было в мае...
 Расстояние меж нами сократилось до протянутой руки.
 А потом каждый ушел один.
 Я долго провожал тебя взглядом.
 Жаль, у меня не было букетика —
 задумчивых белых горошинок — они тебе шли.

Так бывает только весной.
 Когда ты изящна и величава.
 Подойти и сказать: «Вы красивы»...
 И не спросить телефон.

И никто никогда не хлопнет дверью.
 Не будет запаха пыльной штукатурки.
 И ничего впереди.
 Только весна, потом лето, осень...
 И бабушки, продающие у метро цветы,
 повяжутся платочками.

С тех пор ты идешь по моей ладони.
 Ты осталась вечной закладкой,
 как пустой конверт 198 — стерлось какого-то — года.
 ...Каждый Новый год превращается в старый,
 как елочные иголки — в колкий мусор.
 И только душа — как незаглушенный реактор затонувшей подлодки.
 Годы пустые, как пространство между зимними рамами.
 Пустота под хруст целлофана от неподаренных тебе цветов.

Ты бы ждала маленьких, но событий,
 означающих всего лишь внимание.
 Произнести твое имя — уже позвать.
 Куда?

...волк подставляет горло под пасть победителя.
 Инстинкт преклонения. Зов.
 Боготворить, несмотря на встречный ветер злобы и неверия.
 Столкнуть друг с другом вихри природы.

В пузырящемся бетонном болоте
 хоть носком коснуться поляны, где цветут ландыши.
 На мгновение. Чтоб увидели из космоса.

Всю жизнь — с шашечки на шашечку на красный свет.
 Как с балкона на балкон.
 Не оступись. Чтобы отомстить, пощадить.
 Ты — Юдифь с разящим кинжалом.
 Разбей стеклянную скорлупу предопределенности.
 Не хватит силы — растопи отчаянием.

Преклоняться — обнять твои колени.
Вознести руки. К небу. На восток. По шелковому пути.
Не вырывать из сердца — прятать.

...И пусть не суждено вспыхнуть свечам
в высоких канделябрах венчальной готики.
Но те маленькие — в стеклянных аквариумах —
горят без копоти, согревают цветы,
чтобы кто-то другой мог подарить их тебе.

«Остались переезды,
а нас на свете нет».
Остались мы,
мечущиеся между Китаем и Польшей
в вечном поиске
Миллиона
Алых
Роз.

Последний день

Был солнечный апрельский день.
Только изредка шел снег.

Стук шпилек под белым плащом
я услышал раньше твоего голоса.

It was a sunny April day.
Though snowflakes from time to time fell down the Earth.
Taps of shoetacks under your white cloak
I've heard earlier than your hello.

Был солнечный апрельский день.
Только изредка шел снег.

En traversant la rue au feu rouge
Nous nous moquions du probleme irresolu des amoureux russes.

Dans ma paume moillée je serrais tes doights
Et votre anneau de mariage.

Перебегая улицу на красный свет,
мы смеялись над неразрешенным вопросом русских влюбленных.
Своей мокрой ладонью я сжимал твои пальцы и
Ваше обручальное кольцо...

Был солнечный апрельский день.
Только изредка шел снег.

Du dok upp tva ganger pa arbetet.
Jag var radd att komma for sent till stationen.
Du log med dina perskiska ogon
Och smorde mina vindbitna lappar
Med ditt rosa lappstift.

Ты дважды показывалась на работе.
Я боялся опоздать на вокзал.
Ты улыбалась своими персидскими глазами
и делилась с моими обветренными губами своей розовой помадой...
Ты говорила, что не испытываешь угрызений...
Но со временем — все тяжелее обманывать
любящего тебя мужа.

Тебе было столько лет,
сколько мне в год нашей первой встречи.

Был солнечный апрельский день.
Только изредка шел снег.

Det var en solig dag i April.
Det bara snöade ibland.

Let our grown-up daughters forgive us:
Peut-être c'était le dernier jour
De notre jeunesse.

Пусть простят нас наши взрослые дочери:
может, это был последний день
нашей молодости.

Марафон

42 километра 195 метров.
Сорок уже позади.
Последние девять кругов. Прилюдно.
Данте — по латыни — Дантес.

Сплеывая хину слюны,
Смахивая натрий-хлор пота —
какие там 36 и 6? —
Мы должны закончить этот марафон.

...в толпе кричащих лиц не замечая,
По книжкам записным искать придется
Друзей, ушедших свет не выключая,
Как будто, заглядевшихся на солнце.

Смотреть только под ноги...
Не споткнуться об упавших...
Впереди — все восемь с половиной...
Мы должны закончить этот марафон.

Под бред парламентских дебатов
Под струны бардов с блокпостов,
Под мат снимаемых комбатов,
Цветет шиповник меж крестов.

Так загоняют волков.
Свист. Рупора. Флажки.
Пошел седьмой. Целься.
Мы должны закончить этот марафон.

Без запятых — как телеграммы,
Без кухни и семейных сцен —
Достоинство Прекрасной Дамы
И вензель блоковской Кармен.

Пить. Привкус аргонной сварки.
Пить. На губах запекшиеся шляпки гвоздей.
Всосать всю влагу земную!
Мы должны закончить этот марафон.

И может, наутро уже отзовется
Последствием жажды длиной в 40 лет...
С Авачинской сопки эхо вернется
Памирским ответом: Рафик, хлеба нет!

Не победить — удержаться.
Устоять. Дойти.
По эстафете жизненного круга.
Мы должны закончить этот марафон.

Чудак, я надеюсь, что кто-то поможет
И руку протянет в день икс. А пока:
Оборванный дервиш с морщинистой кожей...
Обет нестяжания. Дверь без замка.

Я же все делал правильно.
Почему я отстал?
До конца — на своих ногах.
Мы должны закончить этот марафон.

А разве бывает что бесполезней,
Чем самоедство?— Плюнул и растер.
Из жизни делаем историю болезни.
А кто готов к прыжку через костер?

Взгляд подсекает оранжевую траву.
В ослепительной зелени солнца.
Три круга в кольце. Рерих.
Мы должны закончить марафон.

Святой бы окропить водой
 Все то, что злом испепеляют —
 Один от смеха чуть живой,
 А те — с улыбкой умирают.

Взрывы петард или — уже началось?
 Все возвращается на круги своя...
 Последние два. В звездном бреду полета.
 Мы должны закончить этот марафон.

...но суть в том, что рано или поздно
 Стремится каждый стать среди равных первым.
 Наш каждый шаг навстречу нашим звездам
 Разматывал катушку наших нервов.

Не говорите, что за мной — никого.
 Молва — это фотография в негативе.
 Кто вам дал право судить?
 Мы должны закончить это марафон.

Нас всех Господь послал в командировку...
 Потом вернемся — робкие, нагие...
 Не нервы — мысли скручены в веревку:
 Антиправительственны — как ностальгия.

Пусть жизнь моя в моих строках продлится,
 Кому-то станут, может быть, нужны
 Прочитанные книжные страницы —
 Моей судьбой не книжной рождены...

С ЭТОГО, ЭТОГО СВЕТА...

...заявка на земную жизнь. Ее открывает завораживающая своей мудрой
 пронзительностью первая строка французской песни *Une vie d'amour*...

Перевести ее можно по-разному: «Судьба любви» или «Любовь всей
 жизни»... Главное в том, что жизнь и любовь оказались спаянными в одно
 целое. А зачем иначе? Ведь это:

Une vie d'amour	Вечная любовь
Que l'on s'était jurée	Это — не слово. Это — клятва.
Et que le temps a désarticulée	Даже если над ней властно время,
Jour après jour	Накатывающее день за днем.
Blesse mes pensées	Если это — любовь, рассудок бунтует.
Tant des mots d'amour	Ведь о любви уже столько сказано.
En nos cœurs étouffés	Прошептано прикосновениями сердец,
Dans un sanglot l'espace d'un baiser...	Прорывающимися сквозь галактику...

Это похоже на ночное бормотание. Губами, искусанными за долгие годы.
 Романтики ждут до конца. Отчаяние не перерастает в страсть.
 Скорее — в агонию надежды... Даже щекой к щеке ворую как хлеб.

Sont restés sourds	Сколько еще не высказано
À tout, mais n'ont rien changé	в этом меняющемся мире.
Car un au revoir	Но даже вымолвленное слово прощания
Ne peut être un adieu	не означает, что разлука будет вечной.
Et fou d'espoir	С надеждой и вопреки рассудку
Je m'en remets à Dieu	обращаюсь к Всевышнему:
Pour te revoir	Сделай так, чтобы мы встретились,
Et te parler encore	чтобы еще раз обратить тебе слово,
Et te jurer encore	еще раз им поклясться.

Это еще одна попытка сблизиться с тобой. Потому что время накатывает
 день за днем. Хочу тебя обнять, но ты вырываешься, как будто лишь
 отдаляя прощание. Посвящение — это уже взаимозависимость. Ты уже не
 сможешь продолжить свой путь в одиночку. Разум этот файл не открывает.
 Для твоего земного компаса я буду магнитной аномалией.

Une vie d'amour	Жизнь любви.
Remplie de rires clairs	Она наполнена свежестью смеха.
Un seul chemin	Это — линия судьбы
Déchirant nos enfers	и сила, низвергающая зло.
Allant plus loin	Любовь разрывает границы
Que la nuit	ночи,
La nuit des nuits	границы самой жуткой тьмы.

Она зависит от расстояния между телами. Толкает на самые правильные
 глупости и дерзкую неизбежность. На выбранном тобой диване.

Под ненужной мальвой шелка... Чтобы сердечная мышца работала вживую. А потом разреши еще долго перебирать пряди твоих волос. Наполненных запахом семьи. Низвергающей зло одиночества.

«И в этом мире преходящем
Ты отвечаешь до конца
За все. Но только в настоящем.
И лишь от первого лица».

Une vie d'amour	Любовь всей жизни
Que l'on s'était jurée	Чему присягать, если не ей?
Et que le temps a désarticulée	Даже если над ней властно время, отделяющее один день от другого.
Jour après jour	Мысли опять разбросаны —
Blesse mes pensées	столько уж сказано о главном!
Tant des mots d'amour	Сказано криком сердца,
Que nos cœurs ont criés	трепетом слов в обрамлении слез.
De mots tremblés, de larmes soulignées	Ну, как сделать так,
Dernier recours	чтобы не вспугнуть счастье?
De joies désaharmonisées	

Мое счастье пока в том, чтобы найти слова, которыми только тебя и только я могу окутать. Как этой мелодией. Кто бы другой тебя ни обнимал, не лги себе: ты и сейчас вспоминаешь не чужие поцелуи в веющей холодом постели, а единственность своей желанности. На пороге застегнуть твои сапожки. Не тебе нагибаться. Мне поклониться.

Des aubes en fleurs	Любовь — это цветы на рассвете.
Aux crépuscules gris	И бог с ними, серыми сумерками.
Tout va, tout meurt	Все проходит, все превращается в тлен.
Mais la flamme survit	Кроме рассвета.
Dans la chaleur	Рассвета в тепле
D'un immortel été	вечного лета.
D'un éternel été	И будет оно вечно как любовь.

Мужская поэзия — печатных плат. Женская — макраме. Это еще одна капля рассвета. В диссонанс мелким свободам, удачам в серых сумерках.

Une vie d'amour
Une vie pour s'aimer
Aveuglement
Jusqu'au souffle dernier
Bon an mal an
Mon amour
T'aimer encore
Et toujours

Любовь — это жизнь
Живут ради любви —
слепой и безоглядной.
Любви до последнего вздоха.
Любви при любой погоде.
Она — такая,
хотя на самом деле — еще сильнее...
На всю оставшуюся жизнь.

...я остаюсь с тобой.
В этих и будущих строках.
В соленом привкусе твоих щек.
В ожидании цветов на рассвете.
С этого, этого света...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАНШЕТ ПОЛКОВНИКА ПОДОПРИГОРЫ От редактора-составителя	3
--	---

ТОЧКА ОТСЧЕТА. Вместо предисловия	5
---	---

I. ПРЯМОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ

АФГАН

Афганское десятилетие: пока живы эмоции... ..	9
Горячие краски Афганистана	13
Письмо из Афганистана	15
Ощущение — Афганистан	17
Адидас	26
Афганский разговор	27
С самолета на бал?	30
Девять дней февраля	33
P. S. Афганский постскрипtum	42
«Прощай, Афганистан, которого мне жаль...»	49
Не бойся, если вдруг тебя разлюбят... ..	53

ЧЕЧНЯ

Сначала были деньги	65
Прорыв от Крюкова канала	69
Солдатское все	78
Шахиды — от политики... или от отчаяния?	84
Мстители	90
Рабы	93
Аслан Масхадов: зеркало чеченской трагедии	98
Басаев: «доигрался, подлец!»	101

Возвращение	198
Моя дорогая химера	198
Память	201
Коль живы	201
Беса ме мучо	202
Жена	205
Минута	205
Моя звезда... ..	208
Эпикриз	209
Встреча	212
На память о нашей не встрече	214
Последний день	216
Марафон	218
С этого, этого света... ..	220

ХАНУМА ФАТУМ

Эфиопия: зигзаги интернационализма	107
Хануме Душанбе	111
30 минут послеSLAVия	114
Вуковар	117
Остров Кронштадт	122
Солдатская лямка по-американски	125
Еще не вечер?	137
Август 2008-го: победа во избежание худшего... ..	144
Трофейная Грузия	148
История состоит из множества загадок	152

II. РАВНЫЕ ВСЕМ ЖИВУЩИМ

Я встретил принцессу на минном поле	157
Лицо афганской войны	159
Каждый выбирает для себя... ..	163
Анне Политковской: правда как мать — в единственном числе	166
Генерал Романов: долгое эхо взрыва на Минутке	169
Забывать Буданова... ..	173
Памяти генерала Трошева	175
Непощаженный	176
Туркменбаши: «дорогой руха» он проложил путь к газовым вышкам	178
Евкуров — президент с чертами десантника	180
Ямадаевы: ни слова о смерти	182
Слободен, наконец... ..	186
С именем, начинающимся на «авось»	190
Успел сыграть и сказать. Памяти Владимира Маслаченко	192
В подоле у неба	194

III. ПОКОЛЕНИЕ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Офицерская молитва	195
Эсэмэски Господу	196

СЕРИЯ «ПИСАТЕЛИ НА ВОЙНЕ, ПИСАТЕЛИ О ВОЙНЕ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Литературно-художественное издание

Борис Подопригора
ЗАПОМНИТЕ НАС ЖИВЫМИ

Оригинал-макет подготовлен
«Информационно-издательский центр
Правительства СПб ОАО «Петроцентр», 2015

Формат 60x84¹/₁₆. Усл.-печ. л. 14,5. Печ. л. 15
Тираж 8 000 экз. Заказ № 421.

Отпечатано в ООО «Мега Принт», Тверь, с. Никольское, 26